

63(1) 2020

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ФН

RUSSIAN JOURNAL OF
PHILOSOPHICAL SCIENCES

- ◆ ПЕРИОДОМОРФНОСТЬ БЫТИЯ
- ◆ ЭСХАТОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА
- ◆ ПИРРОВА ПОБЕДА
- ◆ ГОРЕ ПОБЕДИТЕЛЯМ!
- ◆ ШКОЛА ПОЛЕМОЛОГИИ
- ◆ ПАЦИФИКАЦИЯ АГРЕССОРА
- ◆ ЭПОХА КОСМОПОЛИТИЗАЦИИ

МОСКВА
ГУМАНИТАРИЙ

MOSCOW
HUMANIST PUBLISHING HOUSE

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ
И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКАДЕМИЯ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ФН

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Том 63. № 1/2020

Научный образовательный просветительский журнал
Издается с 1958 года. Выходит ежемесячно

Журнал включен в «Реферативный журнал» и в базы данных
ВИНИТИ РАН, в базу данных **Russian Science Citation Index (RSCI)**
на платформе **Web of Science** компании Clarivate Analytics.

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной
справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям
«**Ulrich's Periodicals Directory**»

Переводные статьи журнала индексируются в **Web of Science**

DOI: 10.30727/0235-1188

Москва
Гуманитарий

Международная редакционная коллегия

Председатель международной редакционной коллегии **Гусейнов А.А.**

Амилеби С.А., д.филос., проф. Ун-та Джорджа Вашингтона (США);
Бараш Дж.Э., д.филос., проф. Ун-та Пикардии им. Ж. Верна (Франция);
Брес И., проф., гл. ред. «Revue philosophique de la France et de l'étranger» (Франция);
Даллмайр Ф.Р., д.филос., проф. Ун-та Нотр-Дам (США); **Дени М.**, д.филос., проф., координатор отношений и международных проектов с Россией и странами Восточной Европы Ун-та Бордо им. Монтеня (Франция); **Майнцер К.**, проф. Мюнхенского технического университета, научный директор Академии им. Карла фон Линде (Германия); **Тиханов Г.**, д.филос., зав. кафедрой сравнительного литературоведения Лондонского ун-та Королевы Марии (Великобритания); **Чжан Байчунь**, проф. Пекинского педагогического университета (Китай); **Штольценберг Ю.**, д.филос., проф. Ун-та Галле-Виттенберга им. М. Лютера (Германия); **Эпштейн М.**, проф. Ун-та Эмори (США), директор Центра обновления гуманитарных наук Даремского ун-та (Великобритания); **Эспехо Р.**, д.филос., президент Международной организации систем и кибернетики (Великобритания), приглашенный проф. Ун-та Сантьяго (Чили).

Редакционная коллегия

Председатель редакционной коллегии **Смирнов А.В.**

Автономова Н.С., ак. Академии гуманитарных исследований (АГИ), д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Алексеев П.В.**, д.филос.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова; **Апресян Р.Г.**, ак. АГИ, д.филос.н., зав. сектором ИФ РАН; **Аршинов В.И.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Блауберг И.И.**, д.филос.н., в.н.с. ИФ РАН; **Вдовина И.С.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Водолазов Г.Г.**, ак. Академии политической науки (АПН), вице-президент АПН, проф. МГИМО (У); **Губин В.Д.**, ак. АГИ, д.филос.н., зав. кафедрой истории зарубежной философии РГГУ; **Гусейнов А.А.**, ак. РАН, научный руководитель ИФ РАН; **Давыдов А.П.**, д.культурологии, гл.н.с. ИС РАН; **Доброхотов А.Л.**, ак. АГИ, д.филос.н., проф. НИУ ВШЭ; **Дубровский Д.И.**, д.филос.н., проф., гл.н.с. ИФ РАН; **Журавлев А.Л.**, ак. РАН, научный руководитель ИП РАН; **Лепский В.Е.**, д.психол.н., проф., гл.н.с. ИФ РАН; **Миронов В.В.**, чл.-кор. РАН, декан филос. фак-та МГУ им. М.В. Ломоносова; **Михайлов И.А.**, к.филос.н., с.н.с. ИФ РАН; **Мотрошилова Н.В.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Пантин В.И.**, ак. АПН, зав. отделом ИМЭМО РАН; **Пивоваров Ю.С.**, ак. РАН, научный руководитель ИНИОН РАН; **Порус В.Н.**, д.филос.н., руководитель Школы философии фак-та гум. наук НИУ ВШЭ; **Пружинина А.А.**, к.филос.н.; **Розин В.М.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Рябов В.В.**, чл.-кор. РАО, президент МГПУ; **Северикова Н.М.**, к.филос.н., заслуж.н.с. МГУ им. М.В. Ломоносова; **Сиземская И.Н.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Смирнов А.В.**, ак. РАН, академик-секретарь Отделения общественных наук РАН, директор ИФ РАН; **Смолин О.Н.**, ак. РАО, 1-й зам. пред. комитета ГД ФС РФ по образованию и науке; **Степанянц М.Т.**, ак. АГИ, д.филос.н., зав. кафедрой ЮНЕСКО ИФ РАН; **Тульчинский Г.Л.**, д.филос.н., проф. НИУ ВШЭ (СПб); **Турбовской Я.С.**, д.пед.н., председатель Координационного совета Института стратегии развития образования РАО; **Федотова В.Г.**, ак. РАЕН, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Черниговская Т.В.**, чл.-корр. РАО, д.б.н., д.ф.н., проф., зав. кафедрой СПбГУ; **Шевченко В.Н.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН.

Редакция:

Ответственный секретарь Пружинина А.А.

Научный редактор Винник Д.В.

Редактор отдела культурологии и религиоведения Дуркин Р.А.

Литературные редакторы: Коваль В.В., Тукузова Т.М.

Верстка: Топилина В.М.

E-mail: academyRH@list.ru

<http://www.phisci.info>

Шеф-редактор Мариносын Х.Э.

THE MINISTRY OF SCIENCE
AND HIGHER EDUCATION OF
THE RUSSIAN FEDERATION

ACADEMY FOR
RESEARCH INTO
THE HUMANITIES

ФН

RUSSIAN JOURNAL OF
PHILOSOPHICAL SCIENCES
(FILOSOFSKIE NAUKI)

Vol. 63. No. 1/2020

Scientific and Educational Journal
Published since the Year 1958. Issued Monthly

The journal is listed in the *Abstracts Journal* and **databases of the VINITI** (All-Russian Institute for Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences), in the **Russian Science Citation Index (RSCI)** database on the platform of Clarivate Analytics' **Web of Science**. The information about the journal is published annually in the international information system on serial publications
Ulrich's Periodicals Directory

Translated articles of the journal are indexed by the **Web of Science**

DOI: 10.30727/0235-1188

Moscow
Humanist Publishing House

International Editorial Board:

Chairman of the International Editorial Board **Guseinov A.A.**

Barash J.A., Dr., Prof., Jules Verne University of Picardy (France); **Brès Y.**, Dr., Prof. em., Paris Diderot University – Paris 7, Editor-in-Chief of the *Revue philosophique de la France et de l'étranger* (France); **Dallmayr F.R.**, Ph.D., Packey J. Dee Professor at the University of Notre Dame (USA); **Dennes M.**, Dr., Prof., coordinator of relations and international projects with Russia and other Eastern European countries, Montaigne Bordeaux 3 University (France); **Epstein M.**, Ph.D., S.C. Dobbs Prof. at Emory University (USA), Director of the Centre for Humanities Innovation at Durham University (UK); **Espejo R.**, Ph.D., President of the World Organisation of Systems and Cybernetics (UK), Visiting Prof. at the University of Santiago (Chile); **Mainzer K.**, Dr., Prof. em., Technical University of Munich (Germany); **Stolzenberg J.**, Dr., Prof. em., Martin Luther University of Halle-Wittenberg (Germany); **Tihanov G.**, Ph.D., George Steiner Professor of Comparative Literature at Queen Mary University of London (UK); **Umpleby S.A.**, Ph.D., Prof., The George Washington University (USA); **Zhang Baichun**, Prof., Beijing Normal University (China).

Editorial Board:

Chairman of the Editorial Board **Smirnov A.V.**

Alexeev P.V., D.Sc., Prof., Lomonosov Moscow State University (MSU); **Apressyan R.G.**, D.Sc., Head of the Department, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (IPhRAS); **Arshinov V.I.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Avtonomova N.S.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Blauberg I.I.**, D.Sc., Lead.Res.Fell., IPhRAS; **Chernigovskaya T.V.**, RAE Corr Memb., D.Sc., Prof., Head of the Department at Saint Petersburg State University (Saint Petersburg); **Davydov A.P.**, D.Sc., Prin. Res.Fell., Institute of Sociology of the RAS; **Dobrohotov A.L.**, D.Sc., Prof., National Research University Higher School of Economics (NRU HSE); **Fedotova V.G.**, RANS Full Memb., Prin.Res.Fell., IPhRAS, Ph.D.; **Gubin V.D.**, D.Sc., Head of the Department of the History of Foreign Philosophy at the Russian State University for the Humanities; **Guseynov A.A.**, RAS Full Memb., Director of the Institute of Philosophy of the RAS; **Lepskiy V.E.**, D.Sc., Prof., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Mikhaylov I.A.**, Ph.D., Sen. Res.Fell., IPhRAS; **Mironov V.V.**, RAS Corr. Memb., Dean of the Faculty of Philosophy at the MSU; **Motroshilova N.V.**, D.Sc., Prof., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Pantin V.I.**, Academy of Political Sciences (Russia) Full Memb., Head of the Department at the Institute of World Economy and International Relations of the RAS; **Pivovarov Yu.S.**, RAS Full Memb., Scientific Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the RAS; **Porus V.N.**, D.Sc., Head of the Department at the NRU HSE; **Pruzhinina A.A.**, Ph.D.; **Rozin V.M.**, D.Sc., Lead.Res.Fell., IPhRAS; **Ryabov V.V.**, RAE Corr. Memb., President of the Moscow City Teacher Training University; **Severikova N.M.**, Ph.D., Honour.Res.Fell., Faculty of Philosophy, MSU; **Shevchenko V.N.**, D.Sc., Prin.Res. Fell., IPhRAS; **Sizemskaya I.N.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Smirnov A.V.**, RAS Full Memb., Academician-Secretary of the Department of Social Sciences of the RAS, Director of the Institute of Philosophy of the RAS; **Smolin O.N.**, RAE Corr. Memb., First Deputy Chairman of the Russian State Duma Committee for Education; **Stepanyants M.T.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., UNESCO Chairholder at the IPhRAS; **Tulchinskii G.L.**, D.Sc., Prof., NRU HSE (St. Petersburg); **Turbovskoy Ya.S.**, D.Sc., Chairperson of the Coordination Council at the Institute for the Theory and History of Pedagogy of the RAE; **Vdovina I.S.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Vodolazov G.G.**, APS Full Memb., Vice President of the Academy of Political Sciences (APS), Prof., Moscow State Institute of International Relations; **Zhuravlev A.L.**, RAS Full Memb., Chief Scientific Officer of the Institute of Psychology of the RAS.

Editorial Staff:

Executive Secretary **Pruzhinina A.A.**

Scientific Editor **D.V. Vinnik**

Cultural and Religious Studies Department's Editor **Durkin R.A.**

Literary editors: **Koval V.V.**, **Tukuzova T.M.**

Page Layout: **Topilina V.M.**

E-mail: **academyRH@list.ru**

<http://www.phisci.info>

Editor-in-Chief **Marinosyan Kh.E.**

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВОЙНА И МИРЪ

В.К. БЕЛОЗЁРОВ,
Б.Н. КАШНИКОВ,
А.Д. КУМАНЬКОВ,
Х.Э. МАРИНОСЯН,
А.В. СОЛОВЬЕВ

Введение в раздел 7

ДЖ. ТОМАС (Лондон, Великобритания)

Приветственное слово президента
Международного общества военной
этики в Европе (Euro-ISME) 13

Философия войны ■

А.В. СОЛОВЬЕВ

Философия войны:
единство в многообразии 20

В.К. БЕЛОЗЁРОВ

Клаузевиц, война и обретение смысла:
опыт философской рефлексии
Раймона Арона 40

Б.Н. КАШНИКОВ

Гуманитарный терроризм как высшая
и последняя стадия асимметричной войны 66

А.Д. КУМАНЬКОВ

Кантианский проект вечного мира
в контексте современных
этико-политических концепций войны 85

КОГНИТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Философия науки ■

S.T. ZOLYAN (Yerevan, Armenia)

Does a Ribosome Really Read?
On the Cognitive Roots and Heuristic Value
of Linguistic Metaphors in Molecular
Genetics. Part 1

{С.Т. ЗОЛЯН (Ереван, Армения)

Может ли рибосома «читать»?
О когнитивной основе и эвристической
значимости лингвистических метафор
в молекулярной генетике. Часть 1} 101

Философия сознания ■

А.В. КУЗНЕЦОВ

Критика телеофункционалистского
решения проблемы ментальной
каузальности Д.Б. Волкова 116

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Приглашение к размышлению ■

А.И. СЕЛИВАНОВ

Мировая война и общество (рецензия
на книгу В.К. Белозёрова, И.С. Даниленко,
А.И. Емельянова, А.Я. Касюка
и А.В. Соловьёва «Социум. Государственная
стратегия. Война: политико-стратегические
уроки Первой мировой войны») 136

Поздравления ■

Поздравляем с юбилеем!

В.Н. ШЕВЧЕНКО,
Д.И. ДУБРОВСКИЙ,
И.Н. СИЗЕМСКАЯ,
Л.А. БЕЛЯЕВА,
Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ,
Х.Э. МАРИНОСЯН

Авроре Александровне Пружининой – 75 лет! 153

CONTENTS

WAR AND WORLD

V.K. BELOZEROV, B.N. KASHNIKOV, A.D. KUMANKOV, K.H.E. MARINOSYAN, A.V. SOLOVIEV	Section Introduction	7
J. THOMAS (London, UK)	Welcome Address by the President of Euro-ISME	13

Philosophy of War ■

A.V. SOLOVIEV	The Philosophy of War: Unity in Diversity	20
V.K. BELOZEROV	Clausewitz, War, and Meaning Formation: Raymond Aron's Experience of Philosophical Reflection	40
B.N. KASHNIKOV	Humanitarian Terrorism as a Higher and Last Stage of Asymmetric War	66
A.D. KUMANKOV	Kantian Project of Perpetual Peace in the Context of Modern Ethical and Political Concepts of War	85

COGNITIVE SPACE

Philosophy of Science ■

S.T. ZOLYAN (Yerevan, Armenia)	Does a Ribosome Really Read? On the Cognitive Roots and Heuristic Value of Linguistic Metaphors in Molecular Genetics. Part 1	101
--------------------------------	--	-----

Philosophy of Mind ■

A.V. KUZNETSOV	Criticism of D.B. Volkov's Teleofunctional Solution to the Problem of Mental Causation	116
----------------	---	-----

SCIENTIFIC LIFE

Invitation to Reflection ■

A.I. SELIVANOV	World War and Society (Book Review: Belozero V.K., Danilenko I.S., Emelyanov A.I., Kasyuk A.Y., & Soloviev A.V. <i>Society. National Strategy. War: Political and Strategic Lessons of the First World War.</i> Moscow: Neolit; CIS Institute of Security Problems, 2019)	136
----------------	--	-----

Our Congratulations ■

Congratulations on the Birthday Anniversary!

V.N. SHEVCHENKO, D.I. DUBROVSKY, I.N. SIZEMSKAYA, L.A. BELYAEVA, G.L. TULCHINSKII, K.H.E. MARINOSYAN	Avrora A. Pruzhinina: 75th Anniversary of the Birth!	153
---	---	-----



ВОЙНА И МІРЬ



*Посвящается 75-летию
Победы в Великой Отечественной войне!*

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-1-7-12

Введение в раздел

Section introduction

Введение в раздел

Рассуждая о войне как о многогранном социально-политическом, историко-культурном феномене, правомерно рассматривать ее в двоякой контекстуальности: противопоставляя и сопоставляя это комплексное явление, с одной стороны, с миром как состоянием без войны, а с другой – с миром как вселенной, земным шаром, родом человеческим, обществом, цивилизацией. Возможно, имея ввиду именно этот смысловой контекст, первая страница одного из до-революционных изданий романа-эпопеи Льва Николаевича Толстого так и была озаглавлена – «Война и Мирь».

Представленной в настоящем номере подборкой статей журнал «Философские науки» открывает новый раздел под названием «Война и Мирь», который будет объединять в себе как возрожденные в новом, расширенном формате уже известные нашему читателю рубрики: «Философия войны», «Этика войны», «Феномен терроризма», – так и новые рубрики: «Идеология войны», «Психология войны», «Глобальная война», «Гибридная война», «Гуманитарный терроризм», «Социокультурные последствия войны» и др.

Будучи комплексным, многоплановым социокультурным феноменом, война в контексте геополитических, экономических, политических, правовых, экологических, научно-технологических реалий уже превратилась в неотъемлемую

составляющую современного мира. Война стала принципиально новым, комплексным явлением современности, различные аспекты последствий которого теперь уже в непрерывном режиме сопровождают человечество в целом и оказывают вместе с тем свое воздействие на каждого человека, независимо от его географического места пребывания и степени непосредственного участия (или абсолютного неучастия) в самих военных действиях. Соответственно, без учета фактора войны невозможно сформировать полноценное представление о современном мире, объективно оценить смысл и качество жизни современного человека, характеризовать состояние, в котором он пребывает, а тем более прогнозировать, какими будут перспективы человечества и какой образ жизни ожидает конкретного индивида в обозримом будущем.

Публикуемые в этом разделе статьи не только так или иначе направляют внимание читателя на этические и философские проблемы войны, но и содержат подходы и предложения к их возможному решению.

Суть проблемы заключается в том, что война как явление политической и социально-экономической жизни за минувшие десять – двадцать лет совершила очередное головокружительное сальто-мортале и в очередной раз подтвердила свою способность к невероятной изменчивости и многогранности. Ту самую способность, что позволила Карлу фон Клаузевицу сравнить ее с хамелеоном. Действительно, все великие исторические эпохи были в то же самое время эпохами той или иной войны. Война эпохи охотников и собирателей отличалась от войны аграрных цивилизаций, а та в свою очередь отличалась от войны индустриальных держав эпохи Модерна. В рамках Модерна трансформация войны следовала за изменяющимися формами политического суверенитета, и сквозь туманные очертания Постмодерна (термин, нужный только для того, чтобы заявить о нашем

полном непонимании происходящего) уже выступают еще более туманные очертания новой войны. Мы не можем пока с определенностью сказать, какова может быть война будущего и в чем будет заключаться дальнейшая трансформация войны. Многочисленные исследователи и целые научные институты пытаются определить облик новой войны, отмечая такие ее качества, как терроризм, возникновение частных военных компаний, появление новых военных технологий, возможности биотехнологического преобразования самого организма солдата и многое другое. Развивается даже такое научное направление, как военная футурология.

Но главным, пожалуй, являются не легко фиксируемые эмпирические изменения, но изменения ценностного порядка. Война постепенно меняет свою нормативную природу. Так, границы между войной и миром теряют свою отчетливость, и становится все труднее отличить состояние войны от состояния мира. Длинный перечень всевозможных войн, балансирующих между войной и миром, постоянно пополняется, и в дополнение к войнам политическим, идеологическим, экономическим, информационным, культурным мы получаем «новые» войны, войны гибридные и т.д. Но главное, пожалуй, это то, что широко объявленная глобализация не несет глобального мира, но скорей всего, таит в себе глобальную же войну, которая, по всей вероятности, будет войной меньшей интенсивности и напряженности, но вместе с тем войной непрерывной, латентно-тотальной и станет войной не столько суверенных государств, сколько войной террористической, «мятежевойной» (термин Е.Э. Месснера), войной гражданской, войной за национальное самоопределение и многое другое. Становится очевидным и другое, принципиально важное обстоятельство – наша планета и человеческая цивилизация вряд ли могут позволить себе вести новые войны, и не имеет значения, «справедливые» или нет, не важно большой или малой интенсивности. Связано

это опять же именно с глобальностью угроз (в буквальном, общепланетарном, смысле слова), с которыми сталкивается неизбежно человечество в целом.

Растущие экологические, эпидемиологические, экономические и технологические проблемы однозначно указывают на то, что человечество напоминает идущую ко дну банку, наполненную отчаянно дерущимися между собой пауками. В этой связи смысл организуемых на страницах данного раздела журнала дискуссий о войне с участием представителей различных отраслей знания и на основе междисциплинарного анализа, философского осмысления происходящих общемировых процессов и конкретных военных конфликтов заключается не в том, чтобы определить степень их гуманности, правомерности, справедливости, соответствия или несоответствия интересам той или иной стороны конфликта (что было бы упрощенным представлением о задачах журнала), но в том, чтобы не допустить мирового апокалипсиса, показать пути поэтапного, методичного избавления от войны как от социального и политического атавизма при решении возникающих конфликтов. Разумеется, сделать это можно и необходимо делать, но лишь постепенно, проводя постоянную, напряженную работу по разъяснению не только трагических последствий войны для всего человечества (в том числе и для самого агрессора), но в первую очередь принципиальной невозможности в современных условиях достижения своих конечных целей посредством войны.

Мы не можем игнорировать современное общественное устройство и вооруженное до зубов противостояние государств, группировок, социумов и движений. То, что нам доступно на данном этапе, – это сделать войну менее вероятной и, в случае, если она все же состоялась, сделать ее менее разрушительной. Такую цель ставят перед собой многие неправительственные организации, в частности Европейское

Международное общество военной этики, по договоренности с которым журнал «Философские науки» (в открывающемся разделе), являясь информационным партнером общества, будет периодически освещать его деятельность.

В связи с изложенным становится очевидным, что современная война как явление комплексное должна стать предметом всестороннего, междисциплинарного анализа и требует глубокого философского размышления.

Исследование политической, экономической, антропологической, социокультурной природы и различных аспектов войны и, в частности, непосредственно вооруженных конфликтов, невозможно без обращения к философской рефлексии, гуманитарной экспертизе и, в особенности, этической составляющей как самой войны, так и ее последствий. Усиление этической составляющей стало одной из ключевых особенностей современных войн.

В условиях постсекулярности и асимметрии сил противоборствующие стороны все активнее эксплуатируют нравственную аргументацию для эскалации вражды и военной мобилизации, а потому критика и противодействие войне должны вестись не в последнюю очередь в пространстве морали.

Данный раздел мы открываем небольшой информационной статьей президента Международного общества военной этики Джона Томаса, в которой он рассказывает о современных угрозах миру и в связи с этим о деятельности и задачах этого Общества.

Борис Николаевич Кашников в статье под названием «Гуманитарный терроризм как высшая и последняя стадия асимметричной войны» анализирует угрозы военнополитических мутаций, которые таят в себе возможность соединения терроризма, асимметричной войны и «справедливой» войны.

Василий Клавдиевич Белозеров в статье под названием «Клаузевиц, война и обретение смыслов: опыт философской

рефлексии Раймона Арона» вновь обращается к бессмертному наследию Карла фон Клаузевица и раскрывает нормативные превращения его идей во французской философской мысли.

Алексей Васильевич Соловьев посвятил свою статью «Философия войны: единство в многообразии» проблеме многосторонности предмета данного перспективного философского направления, а также разнообразию трактовок его предметного поля различными школами, что позволяет в настоящее время говорить о наличии философий войны во множественном числе.

Арсений Дмитриевич Куманьков обращается к наследию И. Канта и рассказывает о развитии его идей в творчестве целого ряда современных философов и политологов.

Александр Иванович Селиванов в рубрике «Приглашение к размышлению» выступает с замечательной рецензией на крайне актуальную книгу «Социум. Государственная стратегия. Война. Политико-стратегические уроки Первой мировой войны».

Названные работы в своей совокупности образуют первый опыт философского размышления с выходом на практические выводы о войне, который будет пополняться родственными по теме статьями в рамках нового раздела «Война и Миръ» в последующих номерах.

Журнал «Философские науки» приглашает читателей, авторов и всех заинтересованных лиц к диалогу в рамках обозначенной проблемы и формировании соответствующих рубрик.

*В.К. БЕЛОЗЁРОВ,
Б.Н. КАШНИКОВ,
А.Д. КУМАНЬКОВ
Х.Э. МАРИНОСЯН,
А.В. СОЛОВЬЕВ*

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-1-13-19

Section Introduction

Введение в рубрику

Welcome Address by the President of Euro-ISME

J. Thomas

International Society for Military Ethics in Europe, Guer, France

John Thomas – President of the International Society for Military Ethics in Europe (Euro-ISME), Fellow of UK Chartered Institute of Linguists.
admin@euroisme.eu

For citation: Thomas J. (2020) Welcome Address by the President of Euro-ISME. *Russian Journal of Philosophical Sciences* = *Filosofskie nauki*. Vol. 63, no. 1, pp. 13–19. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-1-13-19

Приветственное слово президента Международного общества военной этики в Европе (Euro-ISME)

Дж. Томас

*Международное общество военной этики в Европе,
Гер, Франция*

Томас Джон – президент Международного общества военной этики в Европе (Euro-ISME), старший научный сотрудник Королевского института лингвистов (Великобритания).
admin@euroisme.eu

Для цитирования: Томас Дж. Приветственное слово президента Международного общества военной этики в Европе (Euro-ISME) // *Философские науки*. 2020. Т. 63. № 1. С. 13–19.
DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-1-13-19

I was delighted to learn that the *Russian Journal of Philosophical Sciences* intends to include the subject of military ethics in its future publications. It is a subject which both deserves and repays serious consideration and has implications which extend well beyond the seemingly narrow confines of the armed forces.

Ethical decision making is an important feature of many professions. Medicine, the judiciary and academic research are just three areas in which the consideration of complex ethical issues is both a regular and an essential feature. Of course, ethics does not exist in a vacuum. Usually, there are legal boundaries and quantifiable scientific data which play a part in decision making and policy formulation. But laws and data cannot provide a satisfactory answer to every question.

This is where ethics plays a role, but ethics is simply a word we use as shorthand to describe how to decide on a course of action when there is no absolutely right or wrong answer. It is a science of unending complexity, the quantum physics of the mind.

In this short introduction, there is no space to consider the history of military ethics, but in the Western tradition, it has traditionally rested on two pillars of Just War theory, *ius ad bellum* and *ius in bello*. Even though this distinction dates back many centuries to a time when leaders not only made the decision to wage war, but also usually led their armies, it has stood the test of time remarkably well.

However, the character of warfare now changing at a speed and with a complexity that is unprecedented. Within living memory, wars were usually fought between the uniformed armed forces of nation states. They were mainly kinetic in character, using projectiles and physical force. Civilian populations were often the victims, but they were not the main protagonists. But in recent decades a bewildering series of changes has begun to alter the character of war in hitherto unimaginable ways.

Readers will be familiar with many of these new vectors of conflict. Cyber warfare, space warfare, hybrid warfare, the use of drones, the use of private military corporations, intelligence agencies, some with the firepower of small armies, and international terrorism are all new factors. Also new to the field is the rise of both citizen journalism and fake news, which make it increasingly hard to know what, or who, to believe. And as if all these new issues were not enough, there is also an entirely new science of the invasive enhancement of individual military personnel, whether by neurological, pharmaceutical, or surgical anthropotechnic means.

There is also an increasing focus on *ius post bellum*, how to create a lasting peace once armed conflict has ended; a situation in which close cooperation between NGOs, civil agencies, multinational organisations has to be the norm.

This means firstly that the scope for high level academic study of military ethics is almost limitless. It is a subject that will not exhaust the efforts of even the most brilliant of researchers. But this is where we reach one of the most interesting and important parts of the subject. Somehow, the accumulated wisdom of all this research must be distilled in a way that it is meaningful to those we send to fight wars on our behalf. These people range from teenage recruits to experienced generals with a lifetime of experience. They can have to make decisions when in fear of their lives, when cold, wet, hungry and exhausted. We expect them to be warriors one day and nation builders the next. Imbuing them with a sense of ethical duty that can be exercised in these circumstances is a tremendous challenge.

It is perhaps for this reason that the word I hear most when military ethics is being discussed is 'leadership'. In a military context, so much revolves around that essential quality. Subordinates will watch carefully how their leaders and commanders behave, and in which direction their moral compass points. Hand in glove with leadership comes training. It is both feasible and desirable to integrate ethical training into traditional training regimes, so that learning how to approach ethical dilemmas becomes second nature. There will never be a manual that will cover every possible eventuality, so the capacity for individual thought and reasoning has to be an essential part of every individual's armoury.

The International Society for Military Ethics in Europe (Euro-ISME) has been addressing these issues for over 10 years. We provide a politically neutral forum for the analysis, development and sharing of best practice in the field of professional military ethics, across and beyond the European defence community.

We encourage professionals in all parts of the military and academic spheres to engage in robust and constructive dialogue with each other. We invite politicians to listen to the fruits of our debates and to participate in them. We do this because it is essential for the

health of our societies and for the wider world that our armed forces behave to the highest ethical standards, so that they can clearly differentiate themselves from *ad hoc* militias, mercenaries and terrorists. It is also essential in order to ensure that those who are the innocent victims of war can look to our armed forces as protectors, not persecutors, and as the representatives of societies which value justice and peace above mindless aggression.

But above all, we do this because we care about human dignity – the dignity of those in the armed forces who act on our behalf, the dignity of innocent people caught up in conflict and the dignity of our adversaries.

Unfortunately, Covid-19 led to the cancellation of our 10th anniversary conference in Berlin in May of this year. But we intend to be in Berlin next year to debate ‘The Ethics of Urban Warfare’ and in the interim to continue to engage with each other via digital pathways. We would be delighted if readers of this Journal join us in our debates and exchanges.

Приветственное слово президента Международного общества военной этики в Европе (Euro-ISME)

Мне приятно было узнать, что журнал «Философские науки» намерен публиковать статьи по теме военной этики. Эта тема оправданно заслуживает глубокого исследования, потому что вопросы военной этики выходят далеко за пределы узкой повестки вооруженных сил.

Этика принятия решений является важным аспектом многих профессий: и медицина, и судебная система, и научные исследования – это сферы, в которых рассмотрение сложных этических вопросов является постоянной и неотъемлемой составляющей. Конечно, этика не существует в вакууме. Есть правовые границы и количественные научные данные, которые играют роль при принятии решений и формировании политики. Но законы и формальные данные не могут дать удовлетворительного ответа на множество жизненно важных вопросов.

Именно здесь важную роль играет этика, но этика – это не просто слово, которое мы используем для краткости, чтобы описать, как выбрать курс действий, когда нет абсолютно пра-

вильного или неправильного ответа. Это наука бесконечной сложности, квантовая физика ума.

В этом кратком приветственном слове не достаточно места для обзора истории военной этики, но в западной традиции она по обыкновению опирается на два столпа теории «справедливой» войны: *ius ad bellum* (право на войну) и *ius in bello* (право во время войны). Несмотря на то, что эти понятия сформировались столетия назад, когда правители не только принимали решение о начале войны, но и, как правило, руководили своими армиями, они на удивление хорошо выдержали испытание временем.

Однако в наше время характер войны меняется с беспрецедентной скоростью и сложностью. В памяти живущего поколения войны велись, как правило, между вооруженными силами национальных государств. Орудия войны были механическими, использовались снаряды и физическая сила. Гражданское население, как правило, было жертвой, а не главным действующим лицом. Но в последние десятилетия ряд немыслимых трансформаций изменил невообразимым образом известный нам из истории облик войны.

Читатели журнала хорошо знакомы со многими из этих новых разновидностей конфликтов. Кибервойна, космическая война, гибридная война, использование беспилотных летательных аппаратов, активное участие частных военных корпораций, разведывательных агентств, некоторые из которых по мощи сравнимы с небольшими армиями, а также международный терроризм – все это новые облики войны. Также новым в этой сфере является рост удельного веса как гражданской журналистики, так и лживых новостей (*fake news*), из-за которых становится все труднее понять, кому и чему верить. Ко всем этим новым проблемам, добавляется еще и совершенно новое направление, занимающееся инвазивным повышением боеспособности военнослужащих, будь то с помощью нейрологических, фармацевтических, хирургических или антропотехнических средств.

Также все больше внимания уделяется *ius post bellum* («праву послевоенного урегулирования»): как создать прочный мир после окончания вооруженного конфликта? Это область, в

которой тесное сотрудничество между неправительственными организациями, гражданскими учреждениями и международными организациями должно стать нормой.

В первую очередь это означает, что возможности академического изучения военной этики на высоком уровне практически безграничны. Данная тема не исчерпается даже усилиями самых блестящих исследователей. Но здесь мы подходим к одной из самых интересных и важных частей обсуждаемой проблемы. Накопленная мудрость всех этих исследований должна стать доступной для тех, кого мы посылаем воевать от нашего имени. Это не только генералы с большим профессиональным и жизненным опытом, но и юноши-новобранцы, которые обязаны принимать решения, находясь в опасности, когда холодно и сыро, будучи голодными и измотанными. Мы ожидаем, что сегодня они станут воинами, а завтра – строителями нации. Воспитание в них чувства этического долга, который необходимо исполнить в этих конкретных тяжелых условиях, является чрезвычайно важной задачей.

Возможно, именно поэтому слово «лидерство» – это то, что я слышу чаще всего при обсуждении военной этики. В военном деле так много вращается вокруг этого важного качества. Подчиненные будут внимательно следить за тем, как ведут себя их лидеры и командиры, на что указывает их нравственный компас. Лидерство неразрывно связано с образованием. Целесообразно и желательно интегрировать этическое воспитание в традиционные программы образования, чтобы умение решать этические дилеммы стало второй натурой. Никогда не будет инструкции, которая охватывала бы все возможные ситуации, поэтому способность к самостоятельным суждениям и мышлению должна быть неотъемлемой частью арсенала каждого индивида.

Международное общество военной этики в Европе (Euro-ISME) занимается этими вопросами уже более 10 лет. Мы предлагаем политически нейтральную площадку для анализа, разработки и обмена передовым опытом в области профессиональной военной этики во всем европейском оборонном сообществе и за его пределами.

Мы призываем профессионалов во всех сферах военной и научной деятельности вступить в здоровый и конструктивный диалог. Приглашаем политиков принять участие в наших дискуссиях и ознакомиться с их итогами. Мы делаем это потому, что для благополучия наших обществ и всего мира крайне важно, чтобы наши вооруженные силы руководствовались самыми высокими этическими стандартами, с тем, чтобы они принципиально отличались от вооруженных формирований наемников и террористов. Это крайне важно и для того, чтобы те, кто является невинными жертвами войны, относились к своим вооруженным силам как к защитникам, а не преследователям, как представителям обществ, которые ценят справедливость и мир выше бездумной агрессии.

Но прежде всего мы делаем это, потому что заботимся о человеческом достоинстве — достоинстве тех, кто действует в вооруженных силах от нашего имени, достоинстве ни в чем не повинных людей, вовлеченных в конфликт, а также достоинстве наших противников.

К сожалению, пандемия COVID-19 привела к отмене юбилейной X конференции Euro-ISME в Берлине, которая была запланирована на май этого года. Но мы намерены в следующем году собраться в Берлине, чтобы обсудить тему «Этика войны в городских условиях», а до этого продолжить взаимодействие друг с другом по цифровым каналам. Мы были бы рады, если бы читатели журнала «Философские науки» присоединились к нашей дискуссии и обмену идеями.

Философия войны

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-1-20-39

Оригинальная исследовательская статья

Original research paper

Философия войны: единство в многообразии

А.В. Соловьев

Московский государственный университет

имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация

В статье поднимается вопрос о разнообразии предметного поля философии войны и одновременно о внутренней целостности дисциплины, объединенной направленностью на философское осмысление изучаемого явления. Автор показывает роль Г. Ллойда, оказавшего влияние на индивидуальное восприятие К. Клаузевицем, Г. Жомини и их последователями значения и содержания предметной области философии войны. Среди обилия конкретных тем, к которым обращаются философы данного направления, можно выделить: вопрос о победе и поражении и его интерпретацию, вопрос об исторической памяти. Эта проблема проецируется на современность и отражает глубокую связь между миром и войной, диалектичность их отношений. Трактовка тех или иных военно-политических событий представляет реальный интерес в свете процессов искажения исторических событий, повлиявших коренным образом на ход истории, имеющих место сегодня. Анализ мотивов и оснований этого процесса необходим для воссоздания объективной картины отношений между субъектами международных отношений на определенном историческом этапе. Автор пытается найти ответы в уже существовавших концепциях, получивших развитие в наше время. Представляет интерес проект французского философа Шарля Ренувье, выдвинувшего концепт «ухрония», ставший отправной точкой для рассмотрения исторических событий в «сослагательном наклонении». Этот жанр историософской фантазии был подхвачен другими именитыми последователями – экс-президентом Франции В. Жискард д’Эстеном и др. В статье приводятся свидетельства очевидцев исторических событий (в частности, похода Наполеона в Россию), которые являются историческими фактами и помогают понять истинное положение вещей. Философское исследование проблемы войны является важным для уяснения истоков и сути отношений, возникающих при переходе между мирным и военным состояниями.

Ключевые слова: философия войны, многоликость войны, Русская кампания 1812 г., Шарль Ренувье, ухрония, историческая правда, победа, поражение.

Соловьев Алексей Васильевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

alexol.ross.msc@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0814-0473>

Для цитирования: Соловьев А.В. Философия войны: единство в многообразии // Философские науки. 2020. Т. 63. № 1. С. 20–39.

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-1-20-39

The Philosophy of War: Unity in Diversity

A. V. Soloviev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract

The article discusses the diversity of the subject field of the philosophy of war as well as the internal integrity of the discipline, united by the focus on the philosophical understanding of the phenomenon of war. The author shows the role of H. Lloyd, who influenced K. Clausewitz, H. Jomini and their followers' interpretation of the meaning and content of the subject area of the philosophy of war. In the abundance of specific topics addressed by philosophers of this field, the following topics should be noted: the issue of victory and defeat and their interpretation as well as the issue of historical memory. This problem is projected on contemporaneity and reflects the deep connection between peace and war, the dialectic of their relations. The interpretation of certain military and political events is of real interest in the light of the processes of distortion of historical events that have radically affected the course of history. An analysis of the motives and causes of this process is supposed to reconstruct an objective picture of relations between the subjects of international relations in various periods of history. The author finds answers in already existing concepts that have been developed in our time. It is important to mention the project of the French philosopher Charles Renouvier, who put forward the concept of "uchronia," which became the starting point for the consideration of historical events in the "subjunctive mood." This genre of historiosophical fantasy was picked up by famous followers – by the former President of France V. Giscard d'Estaing and others. The article provides eyewitness accounts of historical events (in particular, the campaign of Napoleon in Russia) that are historical facts and

help to understand the true state of things. The article demonstrates that the philosophical study of the problem of war is important for understanding the origins and essence of relations arising from the transition between peaceful and military states.

Keywords: philosophy of war, the many faces of war, Russian campaign of 1812, Charles Renouvier, uchronia, historical truth, victory, defeat.

Alexey V. Soloviev – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor of the Department of the Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University.

alexol.ross.msc@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0814-0473>

For citation: Soloviev A.V. O.A. (2020) The Philosophy of War: Unity in Diversity. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 63, no. 1, pp. 20–39. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-1-20-39

Место философии войны в осмыслении феномена войны и мира

Война – один из древнейших феноменов человеческой истории, который настолько неразрывно связан с ней, что представить себе существование человеческого общества без него достаточно трудно. Много трактатов было посвящено «вечному миру», проблеме войны и мира в творчестве Фридриха II, И. Канта, И.Г. Гердера, И.Г. Фихте, Г.В.Ф. Гегеля и К.Ф.Г. фон Клаузевица и др. У немецких авторов проявляется разнообразие подходов к проблеме войны и мира. Одни придерживались точки зрения, что развитие истории неизбежно ведет к всеобщему миру, другие настаивали на неизбежности войн и конфликтов. Так, И. Кант в рамках постановки вопроса о соотношении вечного мира и вечного покоя, в отличие от Фридриха II, предполагавшего возможность установления «вечного мира» в условиях монархического правления, связывал установление «вечного мира» с заключением всеобщего мирного договора, но непременно в условиях республиканской формы правления. Вместе с тем «вечный мир» у И. Канта предстает отсроченным, и его наступление достижимо лишь в будущем [Зоткин 2016].

В связи с этим трудно было надеяться, что в обозримом будущем человечество могло обрести гармонию в международных отношениях. Мир и поныне продолжает балансировать на

границ войны и мира: то в одном, то в другом регионе подходя к той грани, за которой может открыться ящик Пандоры. Что определяет ту «периодоморфность»¹, которая проявляется в жизни государств и народов? Вслед за Гераклитом Эфесским, объявившем войну родоначальницей всего, многие философы отмечали роль войны в истории человеческой цивилизации. Платон также считал войны постоянным элементом развития общества. В «Законах» он писал: «...то, что большинство людей называет миром, есть только имя, на деле же от природы существует вечная, непримиримая война между всеми государствами» [Платон 1972, 86]. Среди европейских философов одним из первых заговорившим о факторах, детерминирующих возникновение войн, был Платон. Он прозорливо подметил роль демографического фактора в возникновении войн между государствами. Многие философы Античности считали войну неотъемлемым атрибутом существования государства. Это было связано с пониманием войны как способа установления господства, источника рабской силы, богатства, территорий, позволявшей достичь более высокой ступени развития античного полиса/республики. Вместе с тем не всякая война получала положительную оценку. Например, древние греки были против войн между эллинами, а также внутренних войн (называемых распрями), так как это могло привести к самоуничтожению греков [Платон 1971, 270]. Другим критерием допустимости и нравственного оправдания войны был принцип справедливости. Причинность возникновения войн, политические, экономические, демографические, социальные и иные их последствия также становились предметом философских размышлений.

Долгое время осмысление различных явлений природы и общества оставались монополией философии. Но даже появление других подходов к изучению этих феноменов полностью не вытеснило из употребления эту парадигму, сформировавшуюся в течение двух тысячелетий. Основатель позитивизма О. Конт

¹ Термин, использованный основателем полемиологии Г. Бутулем для обозначения нестрогой периодичности, примененный им при описании цикличности войн.

утверждал, что каждая наука – сама себе философия, тем самым невольно оценивая познавательный статус философии.

Более поздние по сравнению с философией формы познания феномена войны, отмечая свою предшественницу, претендовали на исчерпывающее знание об этом явлении, используя собственный инструментарий. По мере того как множились дисциплинарные подходы к исследованию войны, у многих сторонников не философских подходов возникла иллюзия того, что можно средствами этих подходов найти исчерпывающие ответы на фундаментальные вопросы о войне. Однако, как показала жизнь, эти заблуждения довольно быстро были развеяны, поскольку эти подходы лишь частично решали заявленные задачи.

С чего и когда начинается философия войны? Произведения философов, в которых поднимались вопросы войны, многочисленны и разнообразны. Поэтому трудно провести резкую разграничительную линию между теми работами, в которых проблема войны затрагивалась фрагментарно, и теми, которые в названии имели четкое указание на предмет исследования, а также теми, которые были полностью посвящены войне, но не являлись философскими трактатами. Например, мы не находим у К. Клаузевица четкого указания на «философию войны», хотя именно он считается одним из главных классиков этого направления. В настоящее время Клаузевица некоторые исследователи расценивают не просто как философа войны, а именно как политического философа войны, аргументируя это восприятием Клаузевица в данном качестве в рамках концепции «политического» Карла Шмитта [Belozerov 2018a; Belozerov 2018b].

Одной из основных заслуг прусского генерала считается его гениальная формулировка по поводу детерминированности войны политикой. Между тем, он не был единственным мыслителем того времени, кто обращался к этой теме. До него об этом писал маркиз де Санта-Крус де Марсенано [Navia-Osorio y Vigil 1738]. В еще более точной формулировке философское направление исследования было указано в фрагменте «Философия войны» [Lloyd 1790] из «Политических и военных мемуаров» Г. Ллойда, переведенных французским

офицером. В нем еще до Клаузевица он заложил основы философии войны и до Жомини обосновал принципы учения об оперативной стратегии. Он делил науку о войне на две части: первая носила механистический характер и могла преподаваться слушателям, вторая носила философский характер и не подлежала преподаванию. По мнению ряда исследователей, эта дихотомия определила во многом стратегическое мышление британского теоретика. Она же повлияла на противостояние двух ведущих стратегов XIX в.: сторонника сугубо стратегических подходов – Жомини, и Клаузевица – поборника философии и диалектики [Chalvardjian 2014, 166]. Период наполеоновских войн ускорил процесс синтеза философии и военной стратегии. Во Франции участник наполеоновского похода в Россию маркиз Ж. де Шамбрэ, генерал французской армии, опубликовал свое исследование, явившееся результатом глубоких наблюдений, которое назвал «Философия войны». В нем он дал разъяснение важности философского подхода к исследованию войны и своего отношения к нему [Chambray 1829, V–VI]. Причина интереса к гносеологическим возможностям философии, по-видимому, заключалась в том, что религиозные, в частности, христианские трактовки происхождения и закономерностей войны уже не удовлетворяли ни политических мыслителей, ни военных деятелей. Н. Макиавелли кроме политических проблем в своих трудах обращался к вопросам военного строительства. Это было обусловлено его официальной выборной должностью секретаря военной комиссии Десяти, занимавшейся представительством Флоренции в конфликтах, а также гражданской позицией политического мыслителя. В трактате «О военном искусстве» он выдвигает идею замены наемной армии войском граждан, набираемых на службу по призыву. Существенной чертой политической философии Макиавелли был переход к светской политико-философской модели осмысления властных взаимодействий современного ему итальянского общества, расширяющей границы дозволенного церковью.

По мере того как развивалось человечество, возникали новые технические средства насилия, множились и способы вооруженной борьбы, изменявшие облик войны. Это в свою очередь

приводило к попыткам нового осмысления ее сущности и трансформаций. Каждый исследователь видел в ней специфические черты, в природу которых он стремился проникнуть. Это в методологическом отношении является основой синтеза общего и единичного, объекта и предмета философии войны. Можно ли уничтожить то философское, которое присутствует в знании как таковом? На ум приходит опыт с магнитом, имеющим северный и южный полюс. Попытка разломить пополам магнит не приводит к образованию отдельно северного и южного полюсов в образовавшихся фрагментах. Каждый новый кусочек будет так же, как исходный образец, иметь северный и южный полюс. Так и философия будет присуща любому знанию, достигшему высокой ступени развития. Как бы ни называлась дисциплина, в ней всегда будет место для философии. Такое понимание сути вопроса о присутствии философии в теоретическом знании стало характерным в XIX в. Появились новые отрасли знания, где составной частью была «философия». Особенно это получило распространение в немецкой научной и научно-популярной литературе, где появилась литературная серия «Natur- und kulturphilosophische Bibliothek». Это касалось в полной мере науки о войне [Steinmetz 1907].

Изменчивость войны отмечалась многими мыслителями, использовавшими для передачи этого свойства различные метафоры. Так Сунь-Цзы сравнивал войну с водой: «...У войска нет неизменной мощи, у воды нет неизменной формы. Кто умеет в зависимости от противника владеть изменениями и превращениями и одерживать победу, тот называется божеством» [Сунь-Цзы 2002, 51]. Представители французской школы полемологии также связывали изменчивость с водной стихией. Они сравнивали войну с мифическим героем, сыном Посейдона – Протеем, обладавшим (по утверждениям Вергилия) неисчерпаемыми способностями превращений. Классическим примером изменчивости войны является утверждение К. Клаузевица по поводу внутренних и внешних источников трансформации этого феномена: «Итак, война бывает не только настоящим хамелеоном, так как она в каждом конкретном случае несколько изменяет свою природу, но также и в своих

общих формах по отношению к господствующим в ней тенденциям она представляет собой странную троицу, составленную из насилия как первоначального своего элемента, ненависти и вражды...» [Клаузевиц 1997, 58].

Многоликость войны отмечалась и отмечается многими современниками. Одним из них является французский философ Алексис Филоненко, посвятивший себя исследованию многих философских проблем, среди которых философия войны занимает важное место². В своем «Эссе о философии войны» (1976) он подвергает тщательному анализу философское творчество разных философов: Макиавелли, Канта, Фихте, Сен-Жюста, Гегеля, Клаузевица, Прудона, Толстого, Де Голля, – применительно к исследованию феномена войны. Тем самым он затронул проблему множественности трактовок войны, а также проблему соотношения войны и мира. Среди размышлений о вкладе европейских философов и мыслителей значительное место А. Филоненко уделяет философским размышлениям Л.Н. Толстого. Из двенадцати глав, ему посвящены четыре главы: «История и религия у Толстого» (IX), «Толстой и Клаузевиц» (X), «Толстой или фатализм» (XI), «Логика и стратегия: дифференциальное исчисление в “Войне и мире”» (XII). Сравнивая двух непохожих по своим взглядам на войну мыслителей, Филоненко писал: «Если порой казалось, что Толстой брал верх над Клаузевицем, необходимо признать, что мгновение спустя Клаузевиц брал верх над Толстым, и что так философ насилия порой превалировал над апостолом ненасилия, и наоборот» [Philonenko, 1976, 247]. Внимание к философским рассуждениям Л.Н. Толстого со стороны французского исследователя свидетельствует о его непредвзятости к творчеству одного из представителей русской философии войны. Такой позитивный интерес к российским мыслителям со стороны зарубежных авторов вызывает положительные эмоции, т.к. далеко не всегда бывает так. Примером этому могут служить рассуждения

² Алексис Филоненко (1932–2018) – известный французский философ и историк философии. Почетный профессор Университета Кана, Женевского университета, заслуженный профессор Руанского университета. Награжден Крестом «За воинскую доблесть», памятной медалью «За поддержание безопасности и порядка», Орденом Академических Пальм.

Р. Арона по поводу марксистско-ленинского учения о войне и армии (которое, по сути, являлось философией войны в СССР).

Рассуждая о многоаспектности философии войны, российский исследователь НИИ военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ О.А. Бельков отмечает: «Учитывая те вопросы, прояснение которых составляет содержание философского осмысления войны, и проблемы, которые нуждаются в таком осмыслении, можно назвать области философского исследования войны: война как состояние общества, отличное от мира, ее сущность и смысл, свойства и признаки; роль войны в жизни человечества и отдельных стран, влияние, которое она оказывает на различные стороны этой жизни; социальные последствия войны; ценностно ориентированный анализ войны; источники и причины возникновения войн и военных конфликтов; онтология войны, ее бытийственное содержание; структура войны, взаимосвязи между различными слагаемыми ее содержания; взаимосвязь войны с различными сферами общественной жизни и видами человеческой деятельности; духовная сторона и этика войны; политические, экономические, социальные и другие невоенные детерминанты и факторы хода и исхода войн; внутренние противоречия войны; место и роль армии, воинского сословия в судьбах отечества; понятийно-категориальный аппарат и методологические принципы исследования войны, типологизация войн» [Бельков 2019, 120]. Это лишний раз доказывает, что при наличии единого объекта исследования (война) предмет может в значительной степени варьироваться.

Отдавая себе отчет в том, с каким множеством проблем сталкивается философия войны, ограничимся в данной статье несколькими темами: проблемой исторической правды о войнах, а также проблемой победы и поражения в войне. Тем более, что они связаны между собой.

Ухрония или способ искажения истины

Все мы хорошо знакомы с понятием «утопия», которое применяется по поводу того, что не существует в реальности,

но является желательным. Очень часто оно применяется для обозначения идеального общественного строя, чаще всего связанного с воображаемым будущим. Т. Мор использовал этот неологизм, этимологический дериват от греческого «топос» и отрицательной приставки «у». То есть это место, которое не существует. В 1857 г. вышла книга французского философа Шарля Ренувье (1815–1903) «Ухрония. Утопия в истории». В самом названии автор недвусмысленно указал, во-первых, на утопичность концепта «ухрония», а, во-вторых, на его направленность на историю. Фабулой этого произведения была воображаемая победа Наполеона при Ватерлоо и ее социально-политические последствия для Европы. Ренувье был далеко не первым в такого рода исторических фантазиях. Как свидетельствуют источники, Тит-Ливий в трактате «История Рима от основания города» (кн. IX, разделы 17–19) развивает гипотезу о том, что было бы, если Александр Македонский устремил бы свое завоевание на Запад, а не на Восток. Более поздний автор аббат Мишель де Пюр (1620–1680) опубликовал в 1659 г. свой роман «Эпигон, история будущего века», который относят к жанру ухронии.

Почему возникает такое желание – «переделать» историю? Вероятнее всего, потому что не удовлетворяют реальные результаты исторического процесса, далеко не всегда совпадающего с желаниями участников, даже тех, кто не принимал в них участие и даже не современников. Это относится к четырехсотстраничной книге Мари-Пьер Рей «Страшная трагедия: новая история Русской кампании» [Rey 2012], где автор дает измененное, отклоняющееся от принятых исторических фактов, представление о событиях похода Наполеона в Россию. Еще дальше пошел бывший президент Французской республики Валери Жискар д'Эстен в написанной им книге под названием «Победа Великой армии» [Giscard d'Estaing 2010]. Там он рисует картину победы французского императора над русской армией. Триумфом кампании становится возвращение на родину и обретение Францией статуса великой державы. Примером выгодного для себя толкования реальных событий был сам Наполеон I.

«Переписывание» истории становится все более частой практикой в наши дни. Этим грешат авторы, для которых устоявшиеся представления о мировом статус-кво являются препятствием на пути к его изменению и созданию нового мирового порядка, в котором для его оправдания будет востребована новая история. Для этого очень удобна историософская концепция ухронии, предоставляющая свободу для самых смелых искажений исторических фактов.

Вполне понятно, почему история стала полем борьбы за новые смыслы и ценности, потому что очень выгодно получить моральные, а также иные дивиденды, присвоив себе то, что никогда не принадлежало «ухронистам» (в широком смысле) и их идеологическим спонсорам, и отнять у тех, кто был основой разрешения кризисных ситуаций, особенно исторического масштаба. Очень продуктивны такие попытки в случаях, когда свидетели событий уходят из жизни или когда правящие политические режимы навязывают обществу заведомо искаженные представления о реальных событиях. Порой такое желание опережает и даже подменяет вдумчивое и объективное изучение фактического материала. Но история – довольно упрямая вещь. Рано или поздно факты истории становятся достоянием не только специалистов, но и широкой общественности.

В философских размышлениях участника Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. Ф.Н. Глинка звучит футурологическое предостережение потомкам: «Настоящее повторяется в будущем так, как прошедшее в настоящем! Пройдут времена; лета обратятся в столетия, и настанет опять для некоего из царств земных период решительный, подобный тому, который ныне покрыл Россию пеплом, кровью и славою...» [Глинка 2012, 132]. К сожалению, его предупреждение неоднократно получило подтверждение в истории.

Что можно противопоставить натиску небезопасных исторических «фантазий» и прямых искажений фактов? Самый верный способ – противопоставить ему историческую, документальную правду. Лишь так можно обрушить ложь, в какие бы одежды она ни рядилась.

В трехтомном труде «История отечественной войны 1812 г., по достоверным источникам» (1859) талантливый отечественный историк М.И. Богданович дал объективный анализ научных трудов российских и иностранных исследователей, описавших события прошедшего столкновения наполеоновской и русской армий. Он высоко оценил вклад соотечественников и иностранцев в достоверное описание событий. Его похвалы удостоились: генерал Бутурлин, генерал Михайловский-Данилевский, Милютин, Смитт, Гепфнер. Одновременно он отметил не всегда достаточно высокий уровень иностранных источников о войне 1812 г.: «ни одно из них не соответствует ни важности предмета, ни современному состоянию науки» [Богданович 1859, IV]. Лишь немногие сочинения иностранцев заслуживают, по его мнению, похвалы: «Воспоминания принца Виртембергского» (*Erinnerungen aus dem Feldzuge des Jahres 1812 in Russland*), «Записки графа Толя» (*Denkwürdigkeiten des Grafen v. Toll*) и генерала де Шамбрэ «История похода в Россию» (*Histoire de l'expédition de Russie*) (см.: [Соловьев 2017, 43]).

М.И. Богданович справедливо замечает: «При описании войны нельзя обойтись без сличения показаний обеих сторон, которое лишь одно может послужить к беспристрастному исследованию истины» [Богданович 1859, V]. Тем самым он подчеркнул методологическое значение событийного аспекта военного столкновения как в гносеологическом, так и в политическом отношении. Такого рода умозаключение делает честь автору не только как генералу, но как историку и философу.

С точки зрения искажения реального положения дел нужно отметить разные уровни этого процесса: искажения исторической правды на уровне концепций и теорий, а с другой стороны, предвзятая трактовка в свою пользу на фактологическом уровне. Приемы искажения информации в военных и политических целях известны во все времена. О примерах «информационной войны» в ходе Отечественной войны 1812 г. повествует известный историк Е.В. Тарле: «Лживые бюллетени наполеоновского штаба произвели во Франции, в Польше, в Германии, Австрии, Италии то впечатление, на которое они были рассчитаны» [Тарле 2015, 155]. Как отмечают некоторые современные рос-

сийские исследователи, французы часто использовали методы искажения сведений, которые можно рассматривать как прототипы «информационной войны» [Безотосный 2004, 190–202]. Предметом фальсификации становились военные потери, результаты сражений, превосходство военной стратегии, цивилизационные амбиции [Земцов 2002, 38–51].

Победа и поражение

Тема победы и поражения в историософском плане интересовала многих авторов. К ней обращался наш известный соотечественник Н.Я. Данилевский, идеолог панславизма, один из основателей цивилизационного подхода к истории. Оригинальные идеи мыслителя в области философии политики вызывали неоднозначные отклики у современников. Вместе с тем постановка проблем отличалась основательной проработкой. В январе-феврале 1879 г. в журнале «Русская речь» он публикует статью «Горе победителям!», где обращается к проблеме военной политики России в Восточном вопросе. Геополитическую обстановку в регионе он оценивает пессимистически: «...нам предстояло достигнуть войной: разрешения всех преград, как нравственных, так и материальных, разделяющих северо-восточное славянство, т.е. Россию, — от славянства юго-восточного и от всех православных народов, населяющих Балканский полуостров. И все преграды были разрушены штыками русских солдат, — и снова восстановлены, а некоторые даже усилены и вновь созданы перьями русских дипломатов. Отрицательные результаты, достигнутые русскою политикой, многим превзошли положительные, достигнутые русским военным искусством и русскою военною доблестью! Странно и нелепо звучащий парадокс: горе победителям! сумела она обратить в грустный, но несомненный факт» [Данилевский 1998]. Действительно, эта проблема имеет еще более давнюю историю. Эта ситуация закреплена в крылатом выражении «Пиррова победа», понимаемой как победа, доставшаяся непомерно высокой ценой, уравнивавшей победителя и побежденного (существуют и более ранние аналоги этого выражения).

Французский полемолог Ж. Фрëнд в своей работе «Социология конфликта» обращается к проблеме соотношения победы и поражения в войне. Эта философская проблема всегда находится в центре внимания философов, мыслителей и политических деятелей. Кто в действительности пользуется плодами военной победы, и тождественны ли военная и политическая победа? Рассуждая о военной победе, он пишет: «Победа, означающая поражение другого, является завершением, отвечающим внутренней логике конфликта, так как он ставит перед собой целью сломить сопротивление противника, чтобы навязать ему нашу волю. В принципе, исходя из того, что речь идет о двустороннем отношении, только один из противников может быть победителем. Таким образом, феноменологически триумф одного и поражение другого, в сущности, составляет наиболее соответствующий духу конфликта выход. С этой точки зрения победа даже должна бы быть, по возможности, наиболее полной, а поражение, по возможности, наиболее сокрушительным. К. Клаузевиц не устает повторять это, варьируя формулировки» [Фрëнд 2008, 58].

Современные российские ученые внимательно относятся к проблеме победы и поражения. Этому нетрудно найти объяснение. Победа или поражение для Советского Союза были проблемой жизни и смерти не только для отдельного человека, но и для всего народа. Война, которую вела гитлеровская Германия против СССР, была войной на истребление. Историческая память народа вечно хранит события, являющиеся преступлением против человечности. Она является своего рода генетическим иммунитетом против национального беспамятства, которое в XXI в. способно внутренне разоружить гражданина своей страны.

Специалист по военно-политическим вопросам А.А. Кокошин в качестве реакции на книгу американского генерала в отставке У. Кларка «Как победить в современной войне» выступил в 2004 г. с небольшой работой «О политическом смысле победы в современной войне», посвященной рассмотрению политической составляющей в военном конфликте. Работа звучит современно и в определенном отношении наталкивает нас на

мысль не только о политическом смысле победы в современной или прошедшей войне, но и о ее нравственном содержании.

В качестве объекта исследования философии войны могут выступать различные конкретные войны или войны в своей совокупности. Каждый источник предоставляет исследователю богатый материал для изучения и обобщений. В этом смысле Отечественная война 1812 г. представляет большой интерес, т.к. она является, на наш взгляд, моделью включившей в себя богатый опыт прошлых войн, а также стала прообразом будущих войн.

Начиная войну против Российской империи, Наполеон располагал численным превосходством, огромным боевым опытом, совокупным экономическим потенциалом Франции и завоеванной Европы и пр., но ему не удалось использовать эти преимущества. Объяснения этому со стороны французов носили иррациональный характер («варварские обычаи» и т.п.), но причины были достаточно реальными – хотя бы плохая организация снабжения французской армии. Наполеоновский историк, участник французского похода в Россию Э. Лабом так описал состояние французских войск: «Стоявшая весь день прекрасная погода к ночи стала холодной и сырой, армия расположилась на поле битвы и обустроилась частично в редутах, которые она так славно захватила. Этот бивак был суровым; людям и лошадям нечего было есть, а нехватка дров заставляла нас испытать всю суровость дождливой и леденящей ночи» [Labauume 1820, 160]. Лабом, не подвергавший сомнению победу наполеоновской армии в кампании, сам того не желая, раскрыл одно из ее слабых мест – слабое тыловое обеспечение.

Еще одним подтверждением катастрофического положения французских войск, еще не взявших Москвы, является свидетельство графа Ф.П. де Сегюра, описавшего в своих мемуарах Бородинское поле после сражения: «...повсюду солдаты, бродящие среди трупов и разыскивающие пищу даже в вещевых мешках своих убитых товарищей» [Ségur 1910, 147]. Далее он делает заключение, расходившееся с общепринятым мнением во французской историографии, настаивавшем на безоговорочном поражении русских при Бородино: «Если оставшиеся

(русские войска. – А. С.) отходили в таком хорошем порядке, гордые и так мало обескураженные, насколько важно было овладение одним полем сражения? На таких обширных пространствах русским всегда хватит земли, чтобы сражаться» [Ségur 1910, 148].

Но его глубокие наблюдения и выводы дисгармонируют с другими умозаключениями, имеющими характер цивилизационного превосходства: «Очевидно, что они (русские солдаты. – А. С.) казались более стойкими к боли, чем французы; это не потому, что они выносили страдания более мужественно, но они страдали меньше, т.к. они менее чувствительны как телом, так и духом, что связано с менее развитой цивилизацией и с органами, закаленными климатом» [Ségur 1910, 149–150]. Похожие попытки принизить достижения и успехи России, ее граждан часто можно встретить и в настоящее время у многих западных авторов.

Заключение

В качестве заключения стоит отметить, что проблема войны и мира поныне остается фундаментальной и обращение к ней в философском ракурсе является очень важным для уяснения истоков и сущностных отношений, возникающих при переходе от мирного состояния в состояние войны и обратно. Этому в большой степени способствует философия войны, позволяя проникнуть в сущность изменений облика войны, а в ряде случаев предвосхитить направление трансформаций современных войн.

В работе «Заветные мысли» великий русский ученый Д.И. Менделеев, размышляя о войне и возможности ее устранения как социального феномена, писал: «Как бы люди ни желали век вечный жить в добром согласии, и какие бы союзы государства ни заключали, все же впереди, т.е. в ближайшем к нам времени, или точнее, в XX в., войн избежать нельзя, и, если правительства будут мирить, народы не прекратят воевать и требовать войн» [Козиков 2018, 221]. А если правительства не будут способствовать поддержанию мира? К сожалению, история XXI в. свидетельствует о возникновении войн и во-

енных конфликтов то в одной, то в другой части планеты. Это дает пищу для философских размышлений, ярким примером чего является исследование «миро-военного» цикла развития человечества [Даниленко 2008а; Даниленко 2008б]. Совсем недавно в свет вышла книга профессора университета Индианы, политического антрополога Эдгара Ийяса «Режим выживания. Глобальная война и политическое»³ [Illas 2020]. Это говорит о том, что философский анализ политико-экономического содержания феномена войны был и остается актуальным.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Безотосный 2004 – *Безотосный В.М.* Наполеоновские разведывательные службы в кампании 1812 г. // Новая и новейшая история. 2004. № 4. С. 190–202.

Бельков 2019 – *Бельков О.А.* Философия войны: слова и смыслы // Власть. 2019. № 2. С. 119–127.

Богданович 1859 – *Богданович М.И.* История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам. В 3 т. Т. 1. – СПб.: Тип. Торгового дома С. Струговщика, Г. Похитонова, Н. Водова и Ко., 1859.

Глинка 2012 – *Глинка Ф.Н.* Описание отечественной войны 1812 года до изгнания неприятеля из России и переход за границу в 1813 году // Письма русского офицера. Мемуары участников войны 1812 года. – М.: Аванта+, Астрель, 2012. С. 91–154.

Данилевский 1998 – *Данилевский Н.Я.* Горе победителям // *Данилевский Н.Я.* Политические статьи. – М.: Аликс; Облиздат, 1998.

Даниленко 2008а – *Даниленко И.С.* От прикладной военной науки – к системной науке о войне (начало) // Военная мысль. 2008. № 10. С. 23–26.

Даниленко 2008б – *Даниленко И.С.* От прикладной военной науки – к системной науке о войне (окончание) // Военная мысль. 2008. № 11. С. 18–27.

Земцов 2002 – *Земцов В.Н.* «Французское» Бородино. Французская историография Бородинского сражения // Отечественная история. 2002. № 6. С. 38–51.

Зоткин 2016 – *Зоткин А.А.* Проблема войны и мира в творчестве Канта, Фихте и Гегеля // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2016. № 4.

Клаузевиц 1997 – *Клаузевиц К.* О войне. – М., 1997.

³ В рамках деятельности выдающейся научной школы МГУ имени М.В. Ломоносова «Трансформации культуры, общества и истории: философско-теоретическое осмысление» 7 мая 2020 г. на кафедре философии политики и права проведена он-лайн дискуссия по этой книге.

Козиков 2018 – *Козиков И.А.* Д.И. Менделеев – не только химик. – М.: Издательство Московского университета, 2018.

Платон 1971 – *Платон.* Государство // *Платон.* Соч. в 3 т. Т. 3. Ч. 1. – М.: Мысль, 1971.

Платон 1972 – *Платон.* Законы // *Платон.* Соч. в 3 т. Т. 3. Ч. 2. – М.: Мысль, 1972.

Соловьев 2017 – *Соловьев А.В.* 1812 год: прообраз будущих войн // Военно-академический журнал. 2017. № 4. С. 43.

Сунь-Цзы 2002 – *Сунь-Цзы.* Трактаты о военном искусстве. – М.: АСТ, 2002.

Тарле 2015 – *Тарле Е.В.* Бородино. – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015.

Фрëнд 2008 – *Фрëнд Ж.* Победа и поражение // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2008. № 6. С. 58–66.

Belozеров 2018a – *Belozеров V.* Politische Theorie des Krieges bei Carl von Clausewitz und Carl Schmitt aus russischer Sicht (Teil 1) // Österreichische militärische Zeitschrift. 2018. № 1. S. 12–23.

Belozеров 2018b – *Belozеров V.* Politische Theorie des Krieges bei Carl von Clausewitz und Carl Schmitt aus russischer Sicht (Teil 2) // Österreichische militärische Zeitschrift. 2018. № 2. S. 147–157.

Chalvardjian 2014 – *Chalvardjian E.* Impact de l'art de la guerre napoléonien dans la seconde moitié du XIX^e siècle. – Paris: Publibook, 2014.

Chambray 1829 – *Chambray G.* Philosophie de la guerre / 2^e éd. – Paris: Pillet aîné, 1829.

Giscard d'Estaing 2010 – *Giscard d'Estaing V.* La Victoire de la Grande Armée. – Paris: Plon, 2010.

Illas 2020 – *Illas E.* The Survival Regime. Global War and the Political. – New York; London: Routledge, 2020.

Labaume 1820 – *Labaume E.* Relation complète de la Campagne de Russie, en 1812. – Paris: Janet et Cotele Librairies, 1820.

Lloyd 1790 – *Lloyd H.* La Philosophie de la guerre. Extrait des Mémoires politiques et militaires du général Lloyd, traduit par un officier français. – Paris: Barrois l'aîné, 1790.

Navia-Osorio y Vigil 1738 – *Navia-Osorio y Vigil Á.* Reflexions Militaires et Politiques / traduites de l'espagnol par M. de Vergy. – Paris: Hippolyte-Louis Guerin, 1738.

Philonenko 1976 – *Philonenko A.* Essai sur la philosophie de la guerre. – Paris: J. Vrin, 1976.

Rey 2012 – *Rey M.-P.* L'Effroyable Tragédie: Une nouvelle histoire de la campagne de Russie. – Paris: Flammarion, 2012.

Séguir 1910 – *Séguir P.P.* La Campagne de Russie. – Paris: Nelson, 1910.

Steinmetz 1907 – *Steinmetz S.R.* Die Philosophie des Kriegen. – Leipzig: Bart, 1907.

REFERENCES

Belkov O.A. (2019) Philosophy of War: Words and Meanings. *Vlast'*. No. 2, pp. 119–127 (in Russian).

Belozеров V. (2018a) Politische Theorie des Krieges bei Carl von Clausewitz und Carl Schmitt aus russischer Sicht (Teil 1). *Österreichische militärische Zeitschrift*. No. 1, pp. 12–23 (in German).

Belozеров V. (2018b) Politische Theorie des Krieges bei Carl von Clausewitz und Carl Schmitt aus russischer Sicht (Teil 2). *Österreichische militärische Zeitschrift*. No. 2, pp. 147–157 (in German).

Bezotosny V.M. (2004) Napoleon's Intelligence Service in the Campaign of 1812. *Novaya i noveyshaya istoriya*. No. 4, pp. 190–202 (in Russian).

Bogdanovich M.I. (1859) *History of the Patriotic war of 1812, According to Reliable Sources* (Vol. 1). Saint Petersburg: S. Strugovschik, G. Pokhitonov, N. Vodova and Co. (in Russian).

Chalvardjian E. (2014) *Impact de l'art de la guerre napoléonien dans la seconde moitié du XIX^e siècle*. Paris: Publibook (in French).

Chambray G. (1829) *Philosophie de la guerre* (2nd ed.). Paris: Pillet aîné (in French).

Clausewitz K. (1997) *On war*. Moscow (Russian translation).

Danilenko I. S. (2008a) From Applied Military Science – To the System Science of War (Beginning). *Voyennaya mysl'*. No. 10, pp. 23–26 (in Russian).

Danilenko I. S. (2008b) From Applied Military Science – To the System Science of War (End). *Voyennaya mysl'*. No. 11, pp. 18–27 (in Russian).

Danilevsky N.Y. (1998) Woe to the Winners. In: Danilevsky N.Y. *Political Articles*. Moscow: Alir; Oblizdat.

Freund J. (2008) Victory and Defeat. *Moscow State University Bulletin. Series 12. Political Sciences*. No. 6, pp. 58–66 (Russian translation).

Giscard d'Estaing V. (2010) *La Victoire de la Grande Armée*. Paris: Plon, 2010 (in French).

Glinka F.N. (2012) Description of the Patriotic War of 1812 before the Expulsion of the Enemy from Russia and the Transition Abroad in 1813. In: *Letters of a Russian Officer. Memoirs of Participants in the War of 1812* (pp. 91–154). Moscow: Avanta+; Astrel (in Russian).

Illas E. (2020) *The Survival Regime. Global War and the Political*. New York: Routledge.

Kozikov I.A. (2018) *D.I. Mendeleev Is Not only a Chemist*. Moscow: Moscow University Press (in French).

Labaume E. (1820) *Relation complète de la Campagne de Russie, en 1812*. Paris: Janet et Cotelte Librairies (in French).

Lloyd H. (1790) *La Philosophie de la guerre. Extrait des Mémoires politiques et militaires du général Lloyd, traduit par un officier français*. Paris: Barrois l'aîné (French translation).

Navia-Osorio y Vigil Á. (1738) *Reflexions Militaires et Politiques* (M. de Vergy, Trans.). – Paris: Hippolyte-Louis Guerin (French translation).

Philonenko A. (1976) *Essai sur la philosophie de la guerre*. Paris: J. Vrin (in French).

Plato (1971). Republic. In: Plato. *Works in 3 Vols.* (Vol. 3, part 1). Moscow: Mysl' (Russian translation).

Plato (1972). Laws. In: Plato. *Works in 3 Vols.* (Vol. 3, part 2). Moscow: Mysl' (Russian translation).

Rey M.-P. (2012) *L'Effroyable Tragédie: Une nouvelle histoire de la campagne de Russie*. Paris: Flammarion (in French).

Séguir P.P. (1910) *La Campagne de Russie*. Paris: Nelson (in French).

Steinmetz S.R. (1907) *Die Philosophie des Kriegen*. Leipzig: Bart (in German).

Sun-Tzu (2002). *Treatises on the Art of War*. Moscow: AST.

Tarle E.V. (2015) *Borodino*. Moscow: Direkt-Media (in Russian).

Zemtsov V.N. (2002) "French" Borodino. French Historiography of the Battle of Borodino. *Otechestvennaya istoriya*. No. 6, pp. 38–51 (in Russian).

Zotkin A.A. (2016) Problem of War and Peace in the Works of Kant, Fichte, and Hegel. *Bulletin of the Moscow State Regional University*. No. 4 (in Russian).

Клаузевиц, война и обретение смыслов: опыт философской рефлексии Раймона Арона

В.К. Белозёров

*Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия*

Аннотация

Статья посвящена изучению влияния идейного наследия прусского теоретика войны Карла фон Клаузевица и его личности на творчество, мировоззрение и политические взгляды французского исследователя Раймона Арона. Во Франции в течение длительного времени ценность и востребованность теории войны Клаузевица признавали только в контексте военно-специальных исследований. Арон одним из первых в стране признал ценность и методологический потенциал политической философии войны Клаузевица для познания процессов подготовки и применения военной силы, обеспечения национальной и международной безопасности и предпринял усилия для популяризации учения теоретика. Проводимый анализ содержания работ Арона, в которых он апеллирует к Клаузевицу и теории войны, позволил выявить эволюцию, происшедшую в отношении к идейному наследию прусского философа. Труды Клаузевица, бывшие для Арона поначалу преимущественно источником цитирования, превратились в методологическую основу философского осмысления войны и международных отношений, в том числе в ядерную эпоху. По результатам тщательного изучения работ и глубокого осмысления творческого наследия Клаузевица, Арон уже в последние годы своей жизни написал о нем двухтомный труд, видя в прусском мыслителе прежде всего политического философа войны. Важной причиной, обусловившей интерес французского ученого, стали личность и биография самого Клаузевица, его характер, отношения с властью, политическая позиция, восприятие современниками, судьба его учения. В этой связи восприятие Ароном Клаузевица является эмоционально насыщенным, а книга о нем существенно отличается от других его произведений чувственным авторским отношением. Осмысление Клаузевица и его идейного наследия побудило Арона к саморефлексии и изменению самоидентификации, лучшему пониманию военной культуры Германии и Франции. В статье делается вывод о важности дальнейшего осмысления и развития творческого наследия Клаузевица и Арона.

Ключевые слова: Арон, Клаузевиц, политическая философия войны, саморефлексия, политическая теория войны.

Белозёров Василий Клавдиевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Московского государственного лингвистического университета, член научного совета при Совете Безопасности Российской Федерации.

vk_belozerov@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4875-5878>

Для цитирования: *Белозёров В.К.* Клаузевиц, война и обретение смыслов: опыт философской рефлексии Раймона Арона // *Философские науки*. 2020. Т. 63. № 1. С. 40–65.

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-1-40-65

Clausewitz, War, and Meaning Formation: Raymond Aron's Experience of Philosophical Reflection

V.K. Belozerov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Abstract

The article studies the influence of the ideological heritage of the Prussian war theorist Carl von Clausewitz on the works, worldview, and political views of the French researcher Raymond Aron. For a long time, in France the value and relevance of Clausewitz's theory of war was acknowledged only in the light of specialized military issues. Aron was one of the first in the country to recognize the value and methodological potential of Clausewitz's political philosophy of war for the understanding of the preparation and usage of military force, maintenance of national and international security, and Aron made efforts to popularize the Prussian theorist's doctrine. The analysis of Aron's works, in which he appeals to Clausewitz and the theory of war, has revealed the evolution that occurred in attitude towards the ideological heritage of the Prussian philosopher. Clausewitz's works, which were primarily a source of citation for Aron at first, turned into the methodological framework for a philosophical conceptualization of war and international relations, in particular in the nuclear era. Based on the results of a thorough study of Clausewitz's works and a deep reflection on his legacy, Aron in his later years wrote a two-volume work about him, seeing the Prussian thinker primarily as a political philosopher of war. An important reason for the interest of the French scholar was the personality and biography of Clausewitz himself: his character, relations with authorities, political position, acceptance by contemporaries, and the fate of

his doctrine. In this regard, Aron's understanding of Clausewitz is emotionally loaded, and the book about him significantly differs from Aron's other works by the author's personal attitude. The comprehension of Clausewitz and his ideological heritage encouraged Aron's self-reflection and change of self-identification, a better understanding of the military culture of Germany and France. The article concludes on the importance of further conceptualization and development of the scientific legacy of Clausewitz and Aron.

Keywords: Aron, Clausewitz, political philosophy of war, self-reflection, political theory of war.

Vasily K. Belozerov – D.Sc. in Political Science, Professor, Head of the Department of Political Science, Moscow State Linguistic University, Member of the Scientific Council under the Security Council of the Russian Federation.

vk_belozerov@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4875-5878>

For citation: Belozerov V.K. (2020) Clausewitz, War, and Meaning Formation: Raymond Aron's Experience of Philosophical Reflection. *Russian Journal of Philosophical Sciences* = *Filosofskie nauki*. Vol. 63, no. 1, pp. 40–65. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-1-40-65

Введение

Тема войны и ее философского осмысления занимает значимое место в творчестве Раймона Арона. При этом одной из ключевых фигур, к которым он постоянно обращался в своих изысканиях, был прусский теоретик войны Карл фон Клаузевиц. Ряд работ Арона, в которых так или иначе присутствует Клаузевиц и его идеи, переведены на русский язык и известны российскому читателю. Вместе с тем в этих трудах прусский философ войны и его идейное наследие используются Ароном прежде всего для выстраивания и усиления аргументации или в качестве исходной посылки для размышлений о таких важных политических проблемах, как международные отношения, национальная и глобальная безопасность. Теория Клаузевица как методологическая основа философского осмысления войны в этих работах французского мыслителя не раскрывается и не является предметом специального исследования.

Читателю, заинтересовавшемуся этим важным сюжетом в творчестве Арона, придется довольствоваться только комментариями и оценками его самого, которые он давал практически до конца своей жизни и которые опубликованы на русском языке. Разумеется, в этих условиях представление о восприятии Ароном Клаузевица и его теории обречено на фрагментарность.

Вместе с тем обращение Арона к Клаузевицу знаменовало начало качественно иного этапа развития философии войны во Франции. Кроме того, в случае с двухтомным трудом Арона «Мысли о войне. Клаузевиц» и с другими его работами сталкиваемся не просто с очередной интерпретацией идейного наследия известного теоретика войны, а еще и с саморефлексией французского мыслителя, причем весьма болезненной для него самого.

Генезис философской рефлексии теории Клаузевица во Франции

Во французской философской мысли прочно закрепилось творческое наследие теоретика войны пруссака Карла фон Клаузевица. Причем на поприще осмысления его теоретических достижений проявили себя мыслители, которых с уверенностью можно отнести к «звездам первой величины» французской философии.

Вместе с тем достойное место концепция войны Клаузевица обрела во Франции далеко не сразу. Судя по всему, изначально ничего не предвещало глубокого изучения Клаузевица французскими философами и представителями других общественных наук. Даже главный труд его жизни, книга «О войне», увидела свет в 1832 г. и была переведена во Франции более полувека спустя под названием «Теория большой войны» («*Théorie de la grande guerre*»). Считалось, что труд пруссака Клаузевица предназначен в первую очередь для военных профессионалов. В этом отношении характерна высокая оценка, данная книге французским генералом Люсьеном Кардо (1838–1920): «“Теория большой войны” заслуживает быть настольной книгой для всех командующих армиями, которые задумываются и считают себя призванными поразмыслить над своими роковыми функциями» (цит. по: [Снесарев 2007, 197]).

Вместе с тем именно рассуждения прусского теоретика, носящие философский характер, были расценены как лишние и неуместные, мешающие восприятию более ценных идей произведения Клаузевица. Более того, соответствующие разделы поначалу были просто исключены из французского перевода. Весьма эмоционально, в присущей ему саркастической манере, высказался о столь радикальном отношении во Франции к теории Клаузевица известный отечественный военный мыслитель А.А. Свечин: «О том варварском обращении, которому подвергалась философская часть труда Клаузевица в буржуазных армиях, можно судить по первому переводу Клаузевица, изданному во Франции в 1886 г.: переводчик, полковник Вотри, рассудил, что первые две части труда написаны слишком философски, а последние две части не закончены и в высшей степени насыщены диалектикой. Поэтому первое издание труда “О войне” вышло во Франции в составе лишь четырех средних частей, наиболее устаревших по содержанию, в которых Клаузевиц до известной степени избегал ставить общие вопросы о войне, и в которых положение о зависимости стратегии от политики не подчеркивается так решительно, как в других. И французский стратег, генерал Камон, весьма одобряет это решение переводчика, не запугавшего французов сразу “метафизическим туманом” Клаузевица. И только после большого успеха этого издания, к нему были допечатаны первые две части, как введение, и последние две части, как второй том» [Свечин 1935, 246]¹. Предвзятое отношение к Клаузевицу и, прежде всего, неприятие его философской манеры анализа военной действительности сохранялось во Франции практически до середины XX в. В преддверии предстоящего вооруженного противостояния с Германией в годы Первой мировой войны во Франции было немало написано о «немецком тумане», напускаемом Клаузевицем, о «тевтонской мистике» его произведений. Библиография вопроса хорошо изучена известным западногерманским знатоком Клаузевица Вернером Хальвегом [Hahlweg 1973, 134–137].

¹ Книга Камона о Клаузевице была опубликована в 1911 г. [Camon 1911].

Появление приведенных выше оценок, высказанных в отношении философствования Клаузевица, до определенной степени можно оправдать сложностью восприятия его идей. Не вызывает удивления в этой связи, что традиция обвинения прусского теоретика в избытке философии распространилась в Европе и оказалась длительной и живучей. Причем, как это ни странно, такие оценки имеют место и в самой Германии. Так, отставной немецкий генерал и военный исследователь Кристиан Миллотат усматривает причину происшедшего в том, что «великое произведение “О войне” окутано туманом», поскольку для многих является “философией войны”» [Millotat 2005, 50]. Генерал полагает, что у Клаузевица пытались обнаружить нечто «философское» в духе мышления таких философов, «как Гегель и Кизеветтер... которые лишь немногим немцам нашего времени что-то говорят. Тем самым... труду Клаузевица был придан туман, сквозь который лишь немногие немцы находили возможность прорваться и смогли открыть его для себя» [Millotat 2005, 50]. Поэтому, по мнению немецкого исследователя, «должно быть понятно, насколько сегодня актуальны мысли Клаузевица для политиков и военных, если они будут освобождены от философского тумана, перенесены на современность и соотнесены с современными политическими и военными обстоятельствами» [Millotat 2005, 55].

Нельзя не отметить, что с этой традицией диссонирует восприятие идейного наследия Клаузевица в России. При этом следует обратить внимание на то, что книга «О войне» фактически сразу после своего выхода привлекла в нашей стране внимание исследователей, при этом получила признание ценность именно политико-философской рефлексии прусского теоретика войны. В открытой в декабре 1832 г. в Санкт-Петербурге Военной академии передовые мыслители Н.В. Медем и П.А. Языков в своих исследованиях сделали выбор в пользу методологии Клаузевица [Русская военно-теоретическая мысль... 1960, 98–160]. Более того, в нашей стране фактически сразу после выхода книги «О войне» была осознана неуместность и опасность игнорирования того, что неразумно было охарактеризовано вердиктом «философский туман». Примечательно, что в проводимых в

Германии исследования фиксируется как объективное обстоятельство и вызывает интерес тот факт, что восприятие главного труда Клаузевица в России состоялось «существенно раньше, чем в других европейских государствах». Более того, немецкими исследователями обоснованно утверждается, что в нашей стране осмысление взглядов прусского теоретика войны «всегда находилось в эпицентре... смены направлений исследований и теоретических парадигм» [Rose 1995, 239, 241].

В научной мысли современной Франции считается само собой разумеющейся философская рефлексия войны Клаузевицем, в рамках которой его «размышления строятся как философский трактат политики» [Guineret 2014, 91]. Между тем следует признать, что традиция выхолащивания философского содержания осмысления Клаузевицем войны оказалась прервана относительно недавно благодаря интеллектуальным усилиям прежде всего Раймона Арона. Находясь уже на седьмом десятке жизни, ученый с удивлением для себя констатировал то обстоятельство, что приступил к разработке в Коллеж де Франс курса лекций «об одном из самых знаменитых и, возможно, менее изученном (прежде всего во Франции) военном теоретике» [Aron 1976a, 10].

Сам исследователь в течение длительного времени не демонстрировал желания изучать войну с позиций философии и социологии. И тем более удивительной представляется происшедшая в мышлении Арона метаморфоза, о которой можно судить по его солидаризации с утверждением британского военного теоретика Б. Лиддела Гарта, которую французский мыслитель артикулировал уже в конце своей жизни: «Военные проблемы следует изучать, как и все другие предметы, которые изучаются в университете» [Арон 2006, 271]. Именно Арон одним из первых во Франции приступил к реализации этого подхода на практике. Чтобы понять генезис продвижения французского исследователя к философскому познанию войны и к восприятию теории Клаузевица определенным образом, следует сосредоточить внимание на некоторых кластерах его биографии и творчества.

Уже находясь на закате своей творческой карьеры, Арон признавался, что в межвоенный период, когда был молодым,

мечтал о примирении Франции и Германии, столь часто в истории ожесточенно противостоявших друг другу. Политические же реалии, в условиях которых жил Арон, оказались жестокими. Реваншизм, национализм и нацизм, охватившие Германию, куда он приехал весной 1930 г. и жил до августа 1933 г., потрясли молодого исследователя. В это время он наглядно убедился в том, насколько может оказаться жесток политический режим к гражданам своей страны и агрессивен во внешней политике. Поэтому здесь, в Германии, переживавшей драматичный период своей истории, он получил, как впоследствии осознал, важное политическое образование [Арон 2006, 49]. Как ни странно, последующие годы не возбудили в ученом ненависти к стране и ее мыслителям. Оценивая роль Германии и творческого наследия немецких ученых в своем научном становлении, умудренный исследователь в конце жизни признавал: «Вопреки войне 1939–1945 годов, вопреки национал-социализму я никогда не осуждал народ и культуру из-за политических конфликтов» [Арон 2006, 33].

Поэтому исследовательский (и не только) интерес Арона к Клаузевицу невозможно осмыслить и объективно оценить вне рамок того чувственного отношения, которое исследователь испытывал к Германии в течение всей своей жизни – к достижениям ее философской, политической и социологической мысли. Германию Арон оценивал как страну, куда философы в его время приезжали, чтобы пополнить свое образование [Арон 2006, 31]. Не случайно незадолго до кончины французский ученый признавал, что после того как написал свою книгу о Клаузевице, его охватил «энтузиазм времен юности» [Арон 2006, 43].

Вообще, проводимому Ароном анализу политической практики и теории, в том числе связанной с применением военной силы, присуще постоянное обращение к творческим достижениям авторитетных немецких теоретиков. При этом можно согласиться с утверждением немецкого исследователя Маттиаса Оппермана о политической принадлежности Раймона Арона англосаксонскому миру [Oppermann 2008, 280]. Одновременно сам французский мыслитель, характеризуя полученное им научное образование, признавал, что своим становлением «обя-

зан главным образом немецкой школе» [Арон 1992, 30]. Среди немецких исследователей, оказавших мощное воздействие на формирование политических и научных взглядов Арона, следует назвать, помимо Карла фон Клаузевица, Карла Маркса и Макса Вебера.

«Выход» Арона на Клаузевица состоялся не сразу после знакомства с ним, хотя в преддверии жестокого глобального вооруженного противостояния и в ходе него ученый не мог не размышлять о феномене войны, которую до этого он презирал и не имел желания изучать. Оказавшись в годы Второй мировой войны в эмиграции в Лондоне, он предпочел прочесть труды даже не самого Клаузевица, а известную книгу последователя прусского философа войны Ганса Дельбрюка «История военного искусства в рамках политической истории».

По признанию Арона, впервые он прочитал шедевр Клаузевица, книгу «О войне», в 1955 г. Однако тогда она оказалась для него прежде всего кладом цитат, которые он активно использовал впоследствии при написании книги «Мир и война между народами» [Арон 1976а, 10–11]. Действительно, в этой книге, увидевшей свет в 1962 г., труд Клаузевица «О войне» цитируется как никакой другой источник. Знаменательно также и то, что цитаты прусского философа войны оказались сосредоточены прежде всего в разделах, закладывающих методологию всего дальнейшего исследования: в первой, второй и третьей главах (соответственно «Стратегия и дипломатия, или О единстве внешней политики», «Могущество и сила, или Средства внешней политики», «Могущество, слава и идея, или Цели внешней политики») [Арон 2000, 71–146].

При этом первую главу своей книги Арон начинает сразу с известной дефиниции Клаузевица о том, что война представляет собой «акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю». Эта мысль и стала для него отправной точкой для дальнейших размышлений [Арон 2006, 71]. Безоговорочно принимает французский исследователь и утверждение о том, что война – это инструмент политики и «есть только продолжение политики иными средствами» (формула Клаузевица). Весьма важной для анализа международных

отношений представлялась Арону и содержащаяся в книге «О войне» мысль о том, что политика есть разум олицетворенного государства. Вместе с тем нельзя не признать того, что объектом специального исследования концепция Клаузевица для Арона в описываемый период не стала.

Понимание Клаузевица как политического философа войны

Только спустя несколько лет разработка курса лекций в Колеж де Франс побудила Арона к пониманию концепции прусского философа войны в определенном ключе, что потребовало основательного изучения его трудов, а также и научных работ, связанных с Клаузевицем. В результате появился двухтомный труд «Мысли о войне. Клаузевиц» («Penser la guerre, Clausewitz»). Как впоследствии охарактеризовал французский ученый свой творческий поиск, он «работал над этой книгой между 1972 и 1975 годами, работал с радостью, почти с энтузиазмом» [Арон 2002, 707].

Труд о Клаузевице занимает в творческом наследии французского философа, как это ни банально звучит, особое место. И дело не только в том, что книга оказалась последним крупным произведением, лебединой песней французского мыслителя. Имеется немало свидетельств о проявлении Аронем особых чувств к своему творению. Сам ученый признавался, что питает к своему произведению «некоторую слабость», и утверждал, что эту книгу он «никогда не должен был написать» [Арон 2006, 372]. Более того, в октябре 1980 г., спустя четыре года после выхода книги, в одном из писем он назвал ее своим «любимым дитя» [Oppermann 2008, 282]. Столь трепетное чувственное отношение следует связать прежде всего с восприятием Аронем личности Клаузевица и пониманием всех обстоятельств формирования его теории войны. В результате прусский мыслитель заинтересовал и в определенной мере заинтриговал французского мыслителя.

Одно из объяснений этому, думается, следует искать в том, что близкой и понятной французскому ученому оказалась эмоциональная напряженность работ Клаузевица, а также и

присущий ему глубокий пессимизм, тщательно скрывавшийся от соплеменников. Причем наиболее эмоционален прусский офицер и теоретик войны оказался в своей ненависти к Наполеону и Франции начала XIX в. В этом отношении настрой Клаузевица раскрывается не только в том, что он непосредственно участвовал в войнах против революционной и наполеоновской Франции и остро переживал национальный позор родной ему Пруссии, связанный с ее разгромным военным поражением и оккупацией. Полученное Клаузевицем впечатление было настолько сильным, что прусский философ практически на протяжении всей своей жизни теоретически воевал с Францией и уже в послевоенные годы обосновывал и составлял планы военных операций против нее, причем делал это не только по поручению руководства, но и по своей инициативе. В последние годы своей жизни Клаузевиц занимался этим с особой интенсивностью и разрабатывал планы войны против Франции: в 1828 г., в августе 1830 г., в конце 1830 г. и в феврале 1831 г. Спустя несколько месяцев, в ноябре 1831 г., прусский философ войны скончался. «Лебединой песней» Клаузевица назвал его последние интеллектуальные усилия отечественный военный мыслитель, автор труда «Философия войны» А.Е. Снесарев [Снесарев 2007, 168].

Эволюцию теории Клаузевица и его исследовательского метода нельзя отделять от его личностного становления. После поражения под Йеной и Ауэрштедтом в 1806 г. прусские реформаторы, среди которых был и Клаузевиц, не смогли поднять страну на открытую борьбу с французами, во многом из-за широкого распространения пораженческих настроений в обществе и капитулянтских и коллаборационистских – среди знати. В тот период эмоции взяли верх над аналитическими способностями Клаузевица, что и объясняет радикализацию его мышления. Лишь в результате долгих и напряженных творческих исканий, сумев охватить всю сложную палитру военной действительности, он понимает, что война может вестись с различной степенью интенсивности в применении насилия.

В произведениях молодого прусского офицера содержатся и уничижительные оценки французской нации, о чем Арону,

общавшемся с опубликовавшим эти работы в 1966 г. немецким исследователем Вернером Хальвегом, было хорошо известно. Позже оценки Клаузевица к народу Франции изменились. Для Арона же, которого всегда волновали отношения двух стран, в том числе в военной сфере, поведение народа и элиты в условиях поражения было, безусловно, интересно и близко с учетом приобретенного жизненного опыта.

Направленность и последствия проявления вражды персонально к Наполеону оказались для Клаузевица иными. Причем для прусского теоретика император французов был, ни много, ни мало, «сам бог войны» (*der Kriegsgott selbst*) [Клаузевиц 1936, т. 2, 342]. О теоретическом же осмыслении вражды Клаузевица своими современниками Арону было хорошо известно. Достаточно сказать, что вражда Клаузевица к Наполеону стала предметом научного анализа другого немецкого исследователя, социолога и юриста Карла Шмитта, с которым Арон находился в устойчивом творческом общении. В своих трудах Арон обращался ко многим работам Шмитта, в которых присутствует философ войны и дается оценка его теории («Понятие политического», «Теория партизана», «Клаузевиц как политический мыслитель»). При этом Шмитт в своей статье 1967 г. с присущей ему тщательностью обосновывал, что «Клаузевиц, будучи врагом Наполеона, стал творцом политической теории войны. Он *мыслил* о том, что он и его друзья делали. Только поэтому его теория является подлинной, и только как подлинная теория она могла оказать воздействие за пределами своей исторической эпохи и даже проникнуть в учение и практику революционеров всемирного значения Ленина и Мао» [Schmitt 1967, 499].

Проведенное Ароном исследование, так или иначе, предполагало проникновение в логику мышления советских руководителей в вопросах применения военной силы, в том числе и в ядерную эпоху. Как известно, книгу «О войне» в годы Первой мировой войны штудировал В.И. Ленин, писал о Клаузевице И.В. Сталин, а впоследствии – и М.С. Горбачев. Следует отметить, что воздействие теории Клаузевица на нашу страну в теоретическом и прикладном аспектах изучено и изучается за рубежом [Rose 1995].

Не укрылось от Арона то, что к пониманию необходимости целостного восприятия войны и, соответственно, выбора метода ее исследования Клаузевиц подошел лишь в конце своей жизни. Ценным же в теории и методе Клаузевица оказалось для Арона именно стремление к охвату всего сложного феномена войны без остатка. Лишь видение войны как политического явления позволяет, как понял Клаузевиц, объяснить ее эволюцию в истории и обеспечивает ее целостное восприятие. Замысел исследователя состоял в том, чтобы «создать из всего стройное целое объемом в один небольшой том», «избежать всего заурядного, само собой разумеющегося, сто раз повторенного и общепризнанного» [Клаузевиц 1936, т. 1, 21], ориентируясь при этом на вдумчивого и компетентного читателя. К сожалению, реализовать свой революционный для того времени замысел Клаузевицу так и не удалось, его труд остался незавершенным и даже, пожалуй, только намеченным. Пониманию Аронем происшедшего у Клаузевица изменения исследовательского метода способствовало тщательное изучение книги «О войне». В результате французскому ученому удалось доказать, что «пересмотр книги VIII предшествовал написанию главы I, наиболее законченному выражению мысли стратега» [Арон 2002, 707].

Осознавая незавершенность труда прусского теоретика войны, Арон все же сделал претенциозную заявку на «всестороннее толкование», стремление «осветить философский метод Клаузевица» [Арон 2002, 705]. В предисловии к своему труду о Клаузевице французский исследователь подчеркивает важность сосредоточения на понимании его исследовательского метода: «Первое, что меня привлекло в нем, это философская проблема, попытка понять природу войны, выработать теорию, которая не противоречит учению в целом, другими словами, которая позволит понять задачи войны, не питая малейшей надежды получить секрет победы» [Арон 1976а, 11–12]. Свое намерение понять Клаузевица именно как философа войны и противоречивую судьбу его учения Арон пояснял уже после выхода своего труда: «Я попытался в этой книге не только по-своему истолковать величайшего стратега прошлого, но и найти в

творчестве этого стратега-философа истоки противоречивых толкований, которые были даны его теории» [Арон 2006, 372]. По всей видимости, озвученное признание было продиктовано пониманием того, что решить задачу всестороннего толкования концепции Клаузевица не представляется возможным. Фактически уже своими размышлениями о том, когда заканчивается мир и начинается война, равно как и наоборот, Арон подтверждает такой вывод. В стремлении очертить дихотомию мира и войны, пределы и критерии этих противоположных состояний политических отношений, условия их взаимоперехода, решающее значение для исследователя приобретает соотношение цели и средств [Арон 1976а, 153], которому так много внимания уделено в концепции Клаузевица.

При этом Арон решительно выступает против отнесения Клаузевица к пропагандистам стратегии уничтожения (в духе «тотальной войны» генерала Э. Людендорфа), справедливо полагая, что прусский мыслитель, обозначив широкий спектр применения военного насилия, лишь высказывается о гипотетической возможности абсолютной войны. К тому же, по мнению Арона, «мир, так же, как и абсолютная война, есть ни что иное как идея здравого смысла; одно напоминает, чего стоит бояться, а другое — то, на что мы имеем право надеяться» [Арон 1976b, 225].

В решении вопроса о примате политики, выстраивании отношений политического и военного руководства, оценки военной силы как инструмента государственной власти французский ученый также однозначно встает на сторону Клаузевица. Ведь именно освобождение войны от тисков политики и ведет, по Клаузевицу, к абсолютной войне. Поэтому не соглашается французский ученый и с критикой прусского теоретика британским военным историком Б. Лиддел Гартон, автором концепции «стратегии не прямых действий». Арон стремится развеять стереотипы о Клаузевице как предтече прусского милитаризма и тем самым раскрыть ценность его подходов для западного мира.

Между интересом и фобиями: опыт политической психотерапии Арона

Посредством обращения к Клаузевицу Арон решал и ряд сложных и чувствительных для него самых вопросов, миро-

воззренческих по своей природе. Как признает сам ученый, его современники-французы не хотели войны. Как и многие его сограждане, оказавшись в ситуации выбора, Арон оказался в итоге в рядах сторонников примирения с нацистами и «был очень зол на тех, кто выступал за сопротивление Гитлеру в связи с Чехословакией» [Арон 2006, 39]. Ученый так описывал свои впечатления от капитулянтского выступления маршала Петена по радио в июне 1940 г.: «Так же, как и все французы вокруг меня, я испытал скорее чувство облегчения» [Арон 2006, 92]. Вскоре во Франции по требованию нацистов были опубликованы антиеврейские законы, касавшиеся и самого Арона.

Политическая ситуация и общественные настроения, возникшие на родине Клаузевица в начале XIX в. после понесенного поражения, по ряду параметров содержали в себе явные аналогии с положением дел во Франции кануна и начала Второй мировой войны. Достаточно назвать пораженческие настроения основной массы населения и политической и интеллектуальной элиты, отсутствие воли к сопротивлению, небоеспособность армии перед грядущим военным столкновением. Как известно, восторгались Наполеоном и преклонялись перед ним Гегель и Гете, тем не менее продолжившие свою творческую деятельность после изгнания французов. Думается, вряд ли такую ситуацию можно представить в России.

Фактически Арон обнаружил на примере Пруссии времен Клаузевица объяснительную модель политического поведения своих сограждан и, пожалуй, себя самого. Вместе с тем в Пруссии в начале 1813 г., в отличие от Франции 1945 г., действительно начался национальный подъем, в подготовке которого Клаузевиц и его единомышленники-реформаторы приняли деятельное участие. Сам будущий великий теоретик войны сражался в рядах русской армии против врагов своей родины. Причем король и его приближенные так никогда и не простили Клаузевицу самовольного перехода в русскую армию, что стало живым упреком для них. Посредством осмысления политической позиции Клаузевица Арон мог понять происшедшее с Францией и, может быть, в какой-то степени найти оправдание перед самим собой и перед читателями.

Обращение Арона к идейному наследию прусского философа войны имело под собой и основание довольно деликатного личного свойства. На то обстоятельство, что он еврей, ученый в молодые годы попросту не обращал внимания. Пребывание же в Германии побудило его к осмыслению своей идентичности в различных ее контекстах. «Сознание принадлежности к евреям было навязано мне, так сказать, Гитлером, событиями», признавал он спустя десятилетия. Приход нацистов к власти и распространение расизма и антисемитизма актуализировали вопрос отношения к людям его национальности, в том числе в связи с их исследовательской деятельностью. Об этом он стал заявлять и на научных мероприятиях: «Впервые в моей жизни в 1934 году по случаю конференции в Высшей нормальной школе о национал-социализме я подчеркнул, что я еврей и в качестве такового меня могут заподозрить в необъективности» [Арон 2006, 36]. В дальнейшем регулярно и до конца жизни регулярно возникали ситуации, когда ученый вынужден был осмысливать последствия своей этнической принадлежности и периодически демонстративно высказывать свою позицию в конкретной ситуации.

Ознакомление с творчеством Арона показывает, что он не просто был знаком с теми работами Клаузевица, где присутствуют признаки пренебрежительного отношения прусского философа войны к евреям, но и сознательно обращает на них внимание. При этом известно, что Клаузевиц был представителем своей эпохи, среди его предков были известные лютеранские теологи, придерживавшиеся ортодоксальных религиозных взглядов. Нельзя не отметить и того, что за рубежом в главном труде Клаузевица и сегодня склонны обнаружить нечто, указывающее на его антисемитские взгляды, причем реакция следует довольно своеобразная. Так, современный британский исследователь Хью Стрэчен указывает на присущий прусскому философу войны скрытый антисемитизм, обнаруживающийся, в частности, в 23 главе шестой части книги «О войне». Более того, как специально подчеркивает Стрэчен, соответствующий сюжет, присутствующий в оригинале главного труда Клаузевица, «опускается или смягчается во всех английских переводах» [Strachan 2007, 198].

В одном из писем, датированным маем 1812 г., Клаузевиц так описывает сцены из повседневной жизни Польши: «Грязные немецкие евреи, которые, как паразиты, кишат в грязи и нищете, являются патрициями страны. Тысячу раз я думал о том, что если бы огонь мог уничтожить все это заселение, то эта непостижимая грязь обратилась бы благодаря чистому пламени в чистый пепел. Мне это всегда представлялось полезным. Все кишит здесь евреями, которые говорят по-немецки, но малопонятно» [Schwartz 1878a, 521–522]. В другом письме в апреле 1814 г. Клаузевиц пишет о своем идейном противнике Наполеоне, обосновывая, что его нужно навсегда устранить с европейской политической арены после многих лет войны: «Весь мир поражен исходом катастрофы. Бонапарт живуч, как еврей, и так же бесстыден. Но в целом было бы неправильно не наносить лично ему последнего удара» [Schwartz 1878b, 117]. Арон был знаком с этими письмами, приведенную фразу о Наполеоне он цитирует в предисловии к своей книге о Клаузевице. Причем делает это демонстративно, чтобы подчеркнуть присущее его работам эмоциональное отношение к конкретным историческим личностям, что было особенностью исследовательского метода Арона: «Я никогда не отрицал, что моим “интеллектуальным портретам” недоставало объективности, если под этим термином подразумевается “эмоциональный нейтралитет”. Некоторые тексты, их небольшое количество, могли бы меня раздражать. Например, “Бонапарт живуч, как еврей, и так же бесстыден”. Существует бесчисленное множество текстов, в которых выражается ненависть или презрение в отношении французов» [Aron 1976a, 12–13].

Озвучивание Ароном отношения Клаузевица к евреям так или иначе «работало» на демонстрацию и утверждение политической и научной идентичности ученого, который, по его собственному признанию, всегда отторгал сионизм и не был верующим евреем [Арон 2006, 139]. Весьма характерен также эпизод, связанный с тем, что в 1967 г. после пресс-конференции де Голля, в ходе которой президент республики заговорил о «еврейском народе, уверенном в себе и властном», заде-

тый прозвучавшими высказываниями Арон написал работу «Де Голль, Израиль и евреи». Ученый решительно выступил против отождествления израильтян с евреями, проживающими во Франции [Арон 2006, 300–301]. Как представляется, не случайно эпилог книги о Клаузевице Арон заканчивает размышлением о роли французов еврейского происхождения для Франции и Израиля: «Прежде чем чувствовать себя виноватым за сказанные слова, я все же жду, в чью пользу будет вынесено решение: израильтянам или палестинцам по праву принадлежит Священная Земля трех религий» [Арон 1976b, 286].

Своеобразные последствия и проявления в творчестве ученого имела и ненависть к войне. Страх перед войной как таковой многие европейцы, в памяти которых были свежи воспоминания об ужасах, разрушениях и утратах минувших мировых войн, испытывали и в дальнейшем. И в то же время война продолжала манить Арона: «Я ненавижу войну и потому-то так много о ней писал» [Арон 2006, 77]. Интерес французского исследователя в этой связи привлекало развитие философской и военной научной мысли Германии как страны, начавшей обе мировые войны и потерпевшей в них сокрушительное поражение. Причем каждый раз страна быстро восстанавливала свой потенциал. Военная же регенерация Германии после Первой мировой войны, в которой Франция оказалась победителем, а Германия – побежденной, проходила на глазах Арона, что вызывало у него опасения: «Немцы хотели поставить под вопрос результаты предшествующей войны» [Арон 2006, 35].

И здесь вновь с неизбежностью возникала фигура Клаузевица и противоречивая судьба его теоретического наследия. Немецкий фельдмаршал Альфред фон Шлиффен в предисловии к пятому изданию книги «О войне», вышедшему в 1905 г., отмечал, что Клаузевиц не предлагает Германии и ее армии «никакой готовой доктрины». Вместе с тем успехи поразивших Европу военных кампаний 1866 и 1870–1871 гг., результатом которых стало поражение Франции и создание Германской империи, начальник германского генштаба объясняет тем, что «превосходство нашего командования, которое там стало очевидным, имеет свои корни в произведении “О войне”, на котором вос-

питывалось целое поколение выдающихся воинов». В период активных военных приготовлений и в канун «европейской бойни» Шлиффен провозглашает, что Клаузевиц – это «великий учитель войны, воспитатель армии, которым может гордиться современное поколение» [Клаузевиц 1937, 19, 21, 22]. Работы же Шлиффена, как и других немецких военных теоретиков, Арон тщательно изучал.

Факт остается фактом: разработки Клаузевица были использованы теоретиками германского милитаризма, а впоследствии – и нацизма. «Великого Клаузевица» упоминает и Гитлер в своем «Политическом завещании». Все это было известно Арону, который выступал против того, чтобы причислять прусского философа войны к апологетам милитаризма. После Второй мировой войны имя Клаузевица было привлечено для возрождения страны. С плохо скрываемым пафосом об этом писал в своей статье о Клаузевице Карл Шмитт: «Он принадлежит к немногочисленной энергичной властной элите, которая в 1807–1812 гг. настолько успешно регенерировала тотально побежденное военное государство Пруссию, что оно отважилось вступить в соревнование с бурным индустриальным развитием XIX столетия. Для того, что собственно понимают под много раз оспоренным именем “Пруссия”, как и для того, что от нее осталось и продолжало жить после вычеркивания этой Пруссии победителями во Второй мировой войне, Клаузевиц гораздо значимее, чем многие другие, чьи имена сегодня призваны для спасения чести Пруссии» [Schmitt 1967, 501]. Таким образом, превратно толкуемые идеи прусско-германского реваншизма и после Второй мировой войны вновь могли обрести свою питательную основу в жизни и творчестве Клаузевица.

В любом случае, в лице Клаузевица и его теории Арон столкнулся с самым значимым достижением немецкой военной культуры, одним из воплощений которой стал прусско-германский генеральный штаб. С момента создания генштаб стал организацией, которую по стилю организации внутренней работы сегодня правомерно назвать фабрикой мысли (think tank). Организация и результаты работы германского генштаба впечатляли европейцев, в том числе и Арона. Одновременно

внушали опасение перспективы его возрождения в той или иной форме после Второй мировой войны. Послевоенные фобии вызваны были прежде всего осознанием потенциала «немецкой военной машины», в которой интеллект оказался помноженным на дисциплину и конкуренцию с которой военные институты Франции не выдержали. По результатам прочтения сочинения Ганса Дельбрюка и сравнения французской и немецкой практик военной организации страны Арон вынужден был констатировать: «...Превосходство, в основе которого лежит *способность к коллективным действиям* и военная дисциплина, не передается автоматически. Эти качества связаны с социальными структурами и вырабатываются в течение длительных действий» [Арон 2000, 282].

С учетом изложенного представляют интерес рассуждения, оценки и предложения Арона относительно перспектив военного развития побежденной Германии. Вполне объяснимо то, что он, как и многие его современники в Европе, полагал недопустимым воссоздание в послевоенной Западной Германии армии, полностью находящейся в национальной юрисдикции, и генерального штаба [Арон 2006, 196–197]. В результате военное строительство в ФРГ, осуществляемое под контролем западных держав-победительниц, не предусматривало нахождения военнослужащего на посту главнокомандующего, сама же немецкая армия виделась только жестко подчиненной НАТО. Все же, думается, из соображений политкорректности и «трансатлантической солидарности», Арон недоговаривает о том, что летом 1945 г., несмотря на решения держав победительниц, в западных зонах оккупации германские вооруженные силы продолжали существовать и готовиться к боевым действиям. Только в Шлезвиг-Гольштейне находилось около миллиона немецких солдат и офицеров, не переведенных на положение военнопленных, с которыми была организована боевая подготовка. Распущены эти формирования, в предназначении которых трудно усомниться, были только по жесткому требованию советской стороны [Жуков 1970, 716–718].

Начавшаяся же вскоре холодная война, во время которой и жил и творил Арон, воспринималась им как паллиатив тоталь-

ной войны. Тем не менее и впоследствии ученый утверждал, что после воссоединения Германия, если таковое состоится, а это означало бы окончание холодной войны, должна стать нейтральным государством [Арон 2006, 191, 342–343].

Интерпретации Клаузевица и интерпретации Арона

Идеи французского ученого, возникшие по результатам осмысления творческого наследия прусского теоретика войны и его личности, обсуждались в среде западногерманской политической элиты. По оценке самого Арона, книга о Клаузевице «стала предметом научно-межпартийной полемики в Федеративной Республике Германии (в узких кругах)» [Арон 2002, 707].

Характерно, что приоритетной целевой группой книги о Клаузевице, переведенной и на немецкий язык, он полагал немецкую аудиторию, причем прежде всего своих коллег из числа научного сообщества: «Публика, к которой я в глубине души обращался, была немецкой; разумеется, для книги такого рода речь могла идти не о широкой публике, а о коллегах – историках, специалистах по международным отношениям, политологах, возможно, даже философах» [Арон 2002, 711]. Следует признать, что авторские ожидания оправдались в полной мере. Среди немецких философов, политологов и социологов, которые изучали труды Арона о Клаузевице и судьбе его идей, представлены имена таких известных исследователей, как Вернер Хальвег, Карл Шмитт, Герффрид Мюнклер, Беатрис Хойзер.

Последствия же осмысления Ароном идейного наследия Клаузевица обоснованно рассматривать и в более широком контексте. Размышления и публикации, родившиеся в ходе творческого обмена мнениями исследователей из Франции, Германии и других стран, представляют значительный интерес в методологическом плане для разработки политической теории войны. Причем сам ученый отказался от притязаний на создание собственной теории войны [Арон 2006, 267]. Достаточно красноречивым представляется также тот факт, что Жюльен Фройнд, исследовавший войну и теорию Клаузевица,

считал своими равноценными учителями и Раймона Арона, и Карла Шмитта [Соловьев 2011, 218]. Примечательно также, что Арон называл Фройнда посредником между собой и Шмиттом. Во Франции традиция осмысления феномена войны в его различных ипостасях на основе обращения к немецким теоретикам получила свое продолжение, о чем свидетельствуют труды Рене Жирара [Жирар 2019] и Алена де Бенуа [Бенуа 2013].

Можно ли утверждать, что труд Арона стал для Франции и ее исследователей окончательным прочтением Клаузевица? Ведь, например, философ и богослов Рене Жирар, замороженный идеями прусского философа войны, полагает, «что именно *рационалистическое* прочтение Арона помешало моему вхождению в текст Клаузевица и что Клаузевиц говорит совсем не о том, о чем Арон хочет заставить его говорить» [Жирар 2019, 16]. В труде Жирара, вышедшем почти два десятилетия спустя после смерти Арона, немало содержится критических высказываний в его адрес. Думается, в качестве ответа Жирару, который призывает «завершить Клаузевица», можно привести мнение самого Арона: «Как бы мы ни хотели, учение Клаузевица остается и навсегда останется незавершенным. Интерпретация его идей, которую я даю, согласуется с моими предпочтениями, с предпочтениями поколений, которые пережили две мировые войны XX столетия» [Aron 1976a, 12].

Оценивая состоявшийся «заочный» обмен мнениями, можно с уверенностью утверждать, что и в дальнейшем будут появляться исследования, предлагающие все новое прочтение Клаузевица и тем самым подтверждающие эвристичность созданной им теории. И все же следует поддержать целеполагание Жирара в его стремлении осмыслить до конца творческое наследие прусского философа войны, равно как следует консолидироваться с императивным требованием Беатрис Хойзер «Читать Клаузевица!» [Heuser 2005], труды которого часто изучают поверхностно.

Говоря об осмыслении Клаузевица Ароном в нашей стране, необходимо учитывать, что его книга о прусском философе войны на русский язык не переведена. Желающие ознакомиться с этим произведением должны читать его либо в оригинале,

либо довольствоваться пересказами. Практически неизвестны в России и труды Вернера Хальвега. В советское время имена Арона и Хальвега в связи с Клаузевицем упоминались, но прежде всего как антикоммунистические авторы, соответствующим образом рассматривались и их работы [Ленин... 1981, 390]. До сих пор в России нередко ошибочно трактуются и подходы самого Клаузевица, равно как и последствия их реализации. Так, Т.И. Демченко достаточно категорично утверждает: «Действия фашистской Германии были обоснованы теорией Клаузевица, которая сводится не только к разгрому вооруженных сил противника, но и к уничтожению его как народа, к полному порабощению» [Демченко 2016, 93]. Вряд ли можно признать удовлетворительной и ситуацию, когда перевод на русский язык работ самого Клаузевица прекратился во второй половине 30-х гг. прошлого века.

Заключение

В условиях, когда обеспечение национальной и международной безопасности сталкивается с новыми неблагоприятными факторами, перед отечественным научным сообществом встает сложная интеллектуальная задача разработки политической теории войны. Ее решение невозможно без выявления и понимания проявления военного фактора в контексте общей логики политического процесса. Такая познавательная деятельность требует прочной методологической основы, сопоставления существующих научных подходов к пониманию войны. К мыслителям, чьим идейным достижениям суждено оставаться в фокусе исследований войны как в России, так и за рубежом, относятся Клаузевиц и Арон.

Осмысление войны на основе анализа достижений российской, французской и немецкой научной мысли позволит выйти на новые горизонты рефлексии об этом вечном спутнике жизни социумов. Поэтому заслуживает внимания идея профессора С.Н. Климова о том, что «путь к обновленной военной культуре Франции, а может быть, военной культуре Европы лежит, в первую очередь, через Германию и Россию» [Климов 2001, 111]. Адекватное восприятие национальной специфики осмысления назначения, подготовки и применения военной силы пойдет на пользу не только научному сообществу в наших странах, но будет иметь и прикладное значение. Чтобы получить такой

результат, требуется не просто сопоставление подходов, но и проникновение в логику мышления тех или иных теоретиков и в процесс формирования национальных систем научного знания о войне. Осмысление Ароном идейного наследия Клаузевица в этом отношении весьма показательно.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Арон 1992 – *Арон Р.* Этапы развития социологической мысли / общ. ред. и предисл. П.С. Гуревича. – М.: Прогресс – Политика, 1992.

Арон 2000 – *Арон Р.* Мир и война между народами / под общ. ред. В.И. Даниленко – М.: NOTA BENE, 2000.

Арон 2002 – *Арон Р.* Мемуары: 50 лет размышлений о политике. – М.: Ладомир, 2002.

Арон 2006 – *Арон Р.* Пристрастный зритель / пер. с франц.; под ред. Б.М. Скуратова. – М.: Праксис, 2006.

Бенуа 2013 – *Бенуа А. де.* Карл Шмитт сегодня: «Справедливая война», терроризм, чрезвычайное положение, «Номос Земли» / пер. с франц. С. Денисова. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2013.

Жирар 2019 – *Жирар Р.* Завершить Клаузевица. Беседы с Бенуа Шартром / пер. с франц. – М.: ББИ, 2019.

Жуков 1970 – *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. – М.: АПН, 1970.

Демченко 2016 – *Демченко Т.И.* Диалектика и политика войны // *Lex Russica*. 2016. № 5. С. 81–104.

Клаузевиц 1936 – *Клаузевиц К.* О войне. – М.: Госвоениздат, 1936.

Клаузевиц 1937 – *Клаузевиц К.* 1812. – М.: Госвоениздат, 1937.

Климов 2001 – *Климов С.Н.* Военная культура Франции XX века (социально-философский анализ). – М.: Военный университет, 2001.

Ленин... 1981 – Ленин как политический мыслитель / под ред. В.В. Загладина и др. – М.: Политиздат, 1981.

Русская военно-теоретическая мысль... 1960 – Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX веков / под ред. Л.Г. Бескровного. – М.: Воениздат, 1960.

Свечин 1935 – *Свечин А.А.* Клаузевиц. – М.: Журнально-газетное объединение, 1935.

Снесарев 2007 – *Снесарев А.Е.* Жизнь и труды Клаузевица / предисл. Ю.Н. Балуевского; вступ. ст. И.С. Даниленко; статьи В.К. Белозёрова и Д. Хойзер. – М.; Жуковский: Кучково поле, 2007.

Соловьев 2011 – *Соловьев А.В.* Жюльен Фрэнд и его концепция войны и мира: предисловие переводчика // *Пространство и Время*. 2011. № 1. С. 217–219.

Aron 1976a – *Aron R.* Penser la guerre, Clausewitz. Tome 1: L'âge européen. – Paris: Gallimard, 1976.

Aron 1976b – *Aron R.* Penser la guerre, Clausewitz. Tome 2: L'âge planétaire. – Paris: Gallimard, 1976.

- Camon 1911 – *Camon H.* Clausewitz. – Paris: R. Chapelot, 1911.
- Hahlweg 1973 – *Hahlweg W.* Das Clausewitzbild einst und jetzt // Carl von Clausewitz: Vom Kriege / achtzehnte Auflage. – Bonn: Ferdinand Dümmlers Verlag, 1973.
- Heuser 2005 – *Heuser B.* Clausewitz lesen! – München: Oldenbourg, 2005.
- Guineret 2014 – *Guineret H.* Clausewitz et la guerre / 2^e édition. – Paris: Presses Universitaires de France, 2014.
- Millotat 2005 – *Millotat C.E.O.* Carl von Clausewitz und sein Einfluss auf Politiker und Soldaten von heute // Clausewitz-Gesellschaft. Jahrbuch 2005. Band 1. – Hamburg: Clausewitz-Gesellschaft e.V., 2005. S. 46–56.
- Oppermann 2008 – *Oppermann M.* Raymond Aron und Deutschland. Die Verteidigung der Freiheit und das Problem des Totalitarismus. – Ostfildern: Jan Thorbecke Verlag, 2008.
- Rose 1995 – *Rose O.* Carl von Clausewitz: Wirkungsgeschichte seines Werkes in Rußland und der Sowjetunion 1836–1991. – München: Oldenbourg, 1995.
- Schmitt 1967 – *Schmitt C.* Clausewitz als politischer Denker // Der Staat. 1967. № 4. S. 479–502.
- Schwartz 1878a – *Schwartz K.* Leben des Generals von Clausewitz und der Frau Marie von Clausewitz. Bd. 1: mit Briefen, Aufsätzen, Tagebüchern und anderen Schriftstücken. – Berlin: Ferdinand Dümmlers Verlags-Buchhandlung, 1878.
- Schwartz 1878a – *Schwartz K.* Leben des Generals von Clausewitz und der Frau Marie von Clausewitz. Bd. 2: mit Briefen, Aufsätzen, Tagebüchern und anderen Schriftstücken. – Berlin: Ferdinand Dümmlers Verlags-Buchhandlung, 1878.
- Strachan 2007 – *Strachan H.* Clausewitz's on War. A Biography. – New York: Grove Press, 2007.

REFERENCES

- Aron R. (1962) *Paix et guerre entre les nations*. Paris: Calmann-Lévy (Russian translation: Moscow: NOTA BENE, 2000).
- Aron R. (1967) *Les Étapes de la pensée sociologique*. Paris: Gallimard (Russian translation: Moscow: Progress – Politika, 1992).
- Aron R. (1976a) *Penser la guerre, Clausewitz. Tome 1. L'âge européen*. Paris: Gallimard (in French).
- Aron R. (1976b) *Penser la guerre, Clausewitz. Tome 2. L'âge planétaire*. Paris: Gallimard (in French).
- Aron R. (1981) *Le Spectateur engagé*. Paris: Julliard (Russian translation: Moscow: Praksis, 2006).
- Aron R. (1983) *Mémoires. 50 ans de réflexion politique*. Paris: Julliard (Russian translation: Moscow: Ladomir, 2002).
- Beskrovny L.G. (Ed.) (1960) *Russian Military-Theoretical Thought of the 19th and Early 20th Centuries*. Moscow: Voenizdat (in Russian).
- Camon H. (1911) *Clausewitz*. Paris: R. Chapelot (in French).
- Clausewitz C. (1936) *On War*. Moscow: Gosvoenizdat (Russian translation).
- Clausewitz C. (1937) *1812*. Moscow: Gosvoenizdat (Russian translation).

de Benoist A. (2007) *Carl Schmitt actuel : « Guerre juste », terrorisme, état d'urgence, « Nomos de la terre »*. Paris: Krisis (Russian translation: Moscow: Institute of General Humanitarian Research, 2013).

Demchenko T.I. (2016) Dialectics and Politics of War. *Lex Russica*. No. 5, pp. 81–104 (in Russian).

Girard R. (2007) *Achever Clausewitz : Entretiens avec Benoît Chantre* (Russian translation: Moscow: Izdatel'stvo BBI, 2019).

Guineret H. (2014) *Clausewitz et la guerre* (2nd ed.). Paris: Presses Universitaires de France (in French).

Hahlweg W. (1973) Das Clausewitzbild einst und jetzt. In: *Carl von Clausewitz: Vom Kriege* (18th ed.). Bonn: Ferdinand Dümmlers Verlag (in German).

Heuser B. (2005) *Clausewitz lesen!* München: Oldenbourg (in German).

Klimov S.N. (2001) *Military Culture of France of the 20th Century (Socio-Philosophical Analysis)*. Moscow: Voyennyy universitet (in Russian).

Millotat C.E.O. (2005) Carl von Clausewitz und sein Einfluss auf Politiker und Soldaten von heute. In: *Clausewitz-Gesellschaft. Jahrbuch 2005* (pp. 46–56). Hamburg: Clausewitz-Gesellschaft e.V. (in German).

Oppermann M. (2008) *Raymond Aron und Deutschland. Die Verteidigung der Freiheit und das Problem des Totalitarismus*. Ostfildern: Jan Thorbecke Verlag (in German).

Rose O. (1995) *Carl von Clausewitz: Wirkungsgeschichte seines Werkes in Rußland und der Sowjetunion 1836–1991*. München: Oldenbourg (in German).

Schmitt C. (1967) Clausewitz als politischer Denker. *Der Staat*. No. 4, pp. 479–502 (in German).

Schwartz K. (1878a) *Leben des Generals von Clausewitz und der Frau Marie von Clausewitz. Bd. 1: mit Briefen, Aufsätzen, Tagebüchern und anderen Schriftstücken*. Berlin: Ferdinand Dümmlers Verlags-Buchhandlung (in German).

Schwartz K. (1878b) *Leben des Generals von Clausewitz und der Frau Marie von Clausewitz. Bd. 2: mit Briefen, Aufsätzen, Tagebüchern und anderen Schriftstücken*. Berlin: Ferdinand Dümmlers Verlags-Buchhandlung (in German).

Snesarev E.A. (2007) *Life and Works of Clausewitz*. Moscow: Kuchkovo pole (in Russian).

Soloviev A.V. (2011) Julien Freund and His Concept of War and Peace: The Preface of the Translator. *Prostranstvo i vremya*. No. 1, pp. 217–219 (in Russian).

Strachan H. (2007) *Clausewitz's on War. A Biography*. New York: Grove Press.

Svechin A.A. (1935) *Clausewitz*. Moscow: Zhurnal'no-gazetnoye ob'yedineniye (in Russian).

Zagladin V.V. (Ed.) (1981) *Lenin as a Political Thinker*. Moscow: Politizdat (in Russian).

Zhukov G.K. (1970) *Memoirs and Reflections*. Moscow: APN (in Russian).

Гуманитарный терроризм как высшая и последняя стадия асимметричной войны

Б.Н. Кашиников

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия

Аннотация

В статье обсуждается проблема гуманитарного терроризма – терроризма, провозглашающего гуманитарные цели и сдержанного в средствах. Этот вид терроризма оправдывает себя возвышенными устремлениями и представляет свои действия как точечные убийства только виновных индивидов. Такой терроризм является продуктом Просвещения, он возник в конце XVIII столетия и прошел по меньшей мере три фазы в своем развитии. Первой из них был классический якобинский террор 1793–1794 гг. Второй – русский индивидуальный террор конца XIX – начала XX вв. Третьей фазой является современная американская война беспилотных летательных аппаратов, именуемых дронами. С точки зрения современной западной теории справедливой войны, этот терроризм морально превосходит не только обычный примитивный терроризм прямолинейных атак на гражданских лиц (такой терроризм может быть не менее справедлив с точки зрения самопровозглашенных целей, но сомнителен с точки зрения средств), но также и современную войну. Террористы такого рода убивают лишь немногих виновных и тем самым преподносят урок другим. Но следует иметь в виду, что гуманитарный терроризм являет собой не только вершину теории справедливой войны, но и войны абсолютной. В его основе лежит ненависть в своем личностном и единичном выражении, которая только и составляет суть абсолютной вражды. Абсолютная враждебность сама по себе может быть неизбежной и даже оправданной, но она предотвращает путь к миру. Мстительная злоба, происходящая из абсолютной вражды, способна создавать свои собственные фантомы справедливости, которые питают войну. Автор заключает, что таким образом создается порочный круг. Логика справедливой войны влечет в направлении гуманитарного терроризма, гуманитарный терроризм влечет в трясину абсолютной вражды. Абсолютная вражда провозглашает справедливость войны.

Ключевые слова: война, терроризм, террор, теория справедливой войны, гуманизм, мораль.

Кашников Борис Николаевич – доктор философских наук, доцент, профессор Школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», член совета директоров Международного общества военной этики в Европе (Euro-ISME).

bnkashnik@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0002-4412-8802>

Для цитирования: *Кашников Б.Н. Гуманитарный терроризм как высшая и последняя стадия асимметричной войны // Философские науки. 2020. Т. 63. № 1. С. 66–84.*

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-1-66-84

Humanitarian Terrorism as a Higher and Last Stage of Asymmetric War

B.N. Kashnikov

*National Research University Higher School of Economy,
Moscow, Russia*

Abstract

The article reviews the problem of humanitarian terrorism that is a terrorism of self-proclaimed humanitarian goals and self-inflicted constraints. This type of terrorism justifies itself by lofty aspirations and claims that its actions are targeted killings of guilty individuals only. This terrorism is the product of the Enlightenment, it emerged by the end of the 18th century and passed three stages in its development. The first stage is the classical terror of the Jacobins 1793–1794. The second one is Russian revolutionary terror of the end of the 19th – early 20th centuries. The third stage is the contemporary American warfare waged by the unmanned aerial vehicles, called drones. From the perspective of the contemporary just war theory, this terrorism is not only morally superior to the ordinary primitive terrorism of straightforward attacks on civilians (this terrorism may be no less fair in terms of self-imposed goals, but is doubtful in terms of means), but even contemporary war. Terrorists of this type kill the few but teach a lesson to many. But it must be clearly born in mind that humanitarian terrorism is not only the summit of just war but also the summit of absolute war. It is founded in personal and individual enmity, which makes the core of absolute enmity. Absolute enmity may at times be inevitable and even justified, but it blocks the road to peace. Revengeful spite, stemming from absolute enmity, is capable of creating its own phantoms of justice, propelling the war. The author concludes that the vicious circle is thus completed. The logic of just

war drags in the direction humanitarian terrorism, humanitarian terrorism drags in the mire of absolute enmity. Absolute enmity proclaims just war.

Keywords: war, terrorism, terror, just war theory, humanism, morals.

Boris N. Kashnikov – D.Sc. in Philosophy, Professor of the School of Philosophy, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics; Member of the Board of Directors, International Society for Military Ethics in Europe (Euro-ISME).

bnkashnik@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0002-4412-8802>

For citation: Kashnikov B.N. (2020) Humanitarian Terrorism as a Higher and Last Stage of Asymmetric War. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosoфskie nauki*. Vol. 63, no. 1, pp. 66–84.

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-1-66-84

Я, говорит, люблю человечество, но дивлюсь на себя самого: чем больше я люблю человечество вообще, тем меньше я люблю людей в частности, то есть порознь, как отдельных лиц... Я, говорит, становлюсь врагом людей, чуть-чуть лишь те ко мне прикоснутся. Зато всегда так происходило, что чем более я ненавидел людей в частности, тем пламеннее становилась любовь моя к человечеству вообще.

Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы

Введение.

Идея и смысл гуманитарного терроризма

Понятие гуманитарного терроризма не является внутренне противоречивым. Терроризм вообще стремится к гуманитарному самооправданию, и в этом смысле гуманитарен *par excellence*. Сама логика и природа террора построена на «любви к человечеству» [Devji 2008]. Гуманитарный терроризм – это, так сказать, терроризм зрелый, терроризм претендующий на свое собственное моральное достоинство, стремящийся населить сферу универсальной моральной справедливости. Терроризм называется так, а не иначе по той причине, что достигает своих средств посредством нагнетания страха и ужаса на противника. Террор при этом становится неизмеримо более значительным и всеохватывающим, если он навлекается во имя Бога, и террористы обыкновенно верят, что они представляют собой не иначе как карающую десницу Бога или Человечества. Это означает, что режим террора должен быть

обеспечен авторитетом самой морали или кем-то ее представляющим. Гуманитарный террорист – это тот, кто вовлечен в моралистическое насилие. Такой тип насилия нуждается в возвышенном пьедестале более, чем иные. Терроризм как террор систематический и концептуальный может иметь два диаметрально противоположных способа своего выражения. Первый из них прибегает к террору всеобщему, неизбирательному и массовому и тем самым достигает эффекта нагнетания страха. Однако страх может быть достигнут и прямо противоположным способом, а именно, посредством точных и избирательных ударов в отношении исключительно тех, кто считается виновным. Кроме всего прочего, сама точность ударов несет дополнительный устрашающий эффект. Величайший из возможных страхов есть страх перед всемогущим Богом, карающим всякого по заслугам его. Если сравнить эти два лика террора – терроризм неизбирательных нападений и терроризм точечных убийств, – второй действует куда более устрашающе. В обоих случаях для террориста недостаточно просто убить врага. Убийство должно быть провозглашено как справедливое и уничижительное, по возможности, точное. Террористы не только стремятся монополизировать силу морального долженствования, они не в меньшей степени стремятся выносить и приводить в исполнение исключительно «правые» приговоры, и потому всякий раз, когда обстоятельства позволяют, они стремятся наносить удары избирательно и пропорционально. Террористы в силу логики самого террора, если есть такая возможность, нередко стремятся убивать немногих и только виновных, запугивая тем самым остальных.

Не следует удивляться тому, что гуманитарный терроризм представляет собой также и вершину абсолютной войны. Терроризм вообще, вопреки господствующему мнению, неразрывно связан с войной. Гуго Гроций полагал, что война по сути своей складывается из двух частей, первая из них представляет собой силу, вторая – террор¹ [Гроций 1994, 480]. Гроций писал непосредственно под впечатлением ужасной Тридцатилетней войны в Европе, где террор обыкновенно преобладал над силой или военным искус-

¹ В русском варианте дается не совсем верный перевод: «Что же касается способа действия, то насилие и устрашение наиболее свойственны войне». Судя по английскому варианту, это скорее должно было бы переводиться не как «насилие и устрашение», но как «сила и террор» («force and terror» в английском варианте). Действительно, война редко обходится без террора. Хотя это не обязательно терроризм как террор концептуальный и законченный.

ством – игрой стратегии и случая, по выражению Клаузевица. Но и Клаузевиц, который жил в иную эпоху – эпоху Вестфальского мира и регулируемой войны, хотя и полагался больше на военное искусство, отнюдь не исключал террор. Более того, он утверждал, что по логике своей война стремится к эскалации и превращению в войну абсолютную, которая не знает различия между силой и террором. Террор это и есть приглашение в абсолютную войну, а абсолютная война ведется посредством террора. Публичная и регулируемая война XVIII в. обыкновенно велась без всякой личной ненависти между комбатантами. Напротив, она часто сочеталась с уважением к противнику и даже восхищением его мужеством и доблестью. Терроризм неизбирательный, который я буду называть примитивным терроризмом, основывается на ненависти, но эта ненависть еще не имеет законченного, совершенного и полного характера, поскольку это еще безличная ненависть. Даже закладывая бомбу в публичном месте, террорист может желать, чтобы она не сработала, поскольку, не питая личной неприязни к противнику, он не нуждается в убийстве кого бы то ни было. Он стремится донести до сведения свою готовность к решительным действиям, и он пойдет на убийства, если его голос не будет услышан. Если он будет услышан без убийств и взрывов, это еще лучше. Что касается гуманитарного террориста, то он стремится к убийству, причем убийству конкретных и определенных индивидов. Ненависть, как и любовь, это хорошо понимал Достоевский, лишь тогда бывает законченной и явной, когда она распространяется не на абстрактных, а на конкретных лиц. Абсолютная война начинается тогда, когда комбатанты обретают личностную ненависть друг к другу. Личностное становится политическим и наоборот. По этой причине абсолютная война не знает компромисса и примирения. Не может быть примирения с тем, кто проклят. Они могут быть только стерты с лица земли, подобно проказе. На этом этапе, по мнению Клаузевица, политика исчезает, поскольку политика это и есть искусство компромисса и переговоров². Остается чистая вражда и слепая ненависть, хотя убийства могут совершаться

² Это, разумеется, не единственное понимание природы политического. Для Моргантау, например, политика заключена в природе человека и смысл этой природы в стремлении к абсолютной доминации. Для Уолтца она заключена в страхе. Но ни то, ни другое не значит, что политика есть слепая ненависть или страх. Напротив, даже и в стремлении к доминации политика предполагает уважение к противнику, если это только не абсолютная война.

вполне рационально и последовательно. Важно подчеркнуть, что отнюдь не отсутствие морали толкает на абсолютную войну, напротив, это мораль абсолютной и бескомпромиссной ненависти, которая вытесняет мораль компромисса и переговоров. Такая мораль вражды вполне совместима с возвышенными целями и сдержанными средствами «справедливой войны». Гуманитарные прелести теории справедливой войны в виде справедливых целей и сдержанных средств не делают войну менее террористической и абсолютной. Напротив, террор и абсолютная война представляет собой логический исход войны справедливой [Кашников 2019].

По сути своей терроризм представляет собой теорию и практику той стороны войны, которая направлена не на стратегические силовые маневры и игру случая, но на создание всеобщего и подавляющего страха в стане противника. Сделать это, как я уже заметил, можно двумя способами: посредством неизбирательных атак, что сравнительно легко, и посредством высоко избирательных атак исключительно на ключевых индивидов, виновных в провозглашении и ведении войны, что гораздо труднее. В любом из этих случаев терроризм представляет собой насилие, направленное на диалог. Современный терроризм есть продукт Модерна и его смысл заключается в коммуникативном действии. Террор направлен не столько на самое насилие, сколько на резонанс. Враг должен быть уведомлен о нашей готовности к насильственным действиям; мы должны знать, что он знает об этом и он должен знать, что мы знаем, что он испытывает страх. Эта разновидность резонанса, свойственного теории игр, становится возможной лишь при участии средств массовой информации в условиях расцвета автономного кантовского субъекта и демократии. Существуют таким образом две стороны любого терроризма. Одна из них объективная, фактическая сторона. Эта сторона существовала всегда, во все времена, поскольку всегда враг мог быть повергнут не только посредством победы в сражении, но и посредством страха и трепета. Этого достаточно для террора, но недостаточно для Терроризма с большой буквы, терроризма эпохи Модерна. Подлинный террор и подлинное лицо терроризма может открыться только тогда, когда противник знает, что мы готовим террор и мы знаем, что он знает об этом. Это становится возможным, когда терроризм населяет не только фактическую, но субъективную, ценностную и гуманитарную сферу. Подлинный терроризм современности – это субъективный оценочный

феномен. Подлинный террорист современности – это тот, кто не только не скрывает своих субъективных (подлинных или вымышленных) террористических замыслов, мотивов и целей, но и гордится ими, даже если не склонен называть себя террористом. Существуют три основных субъективных состояния, которые являются факторами террора куда в большей степени, нежели непосредственное террористическое действие. Первое – это то, что наши мотивы должны содержать элемент иррациональности, а следовательно, непредсказуемости с точки зрения противника. Такая иррациональность может одновременно выглядеть как высшая рациональность самого Бога или справедливости, недоступная для коррумпированного разума. Второе – средства террора должны быть подлинно устрашающими, но не в обыденном смысле этого слова; они должны нести в себе то, что можно назвать «террористической деперсонализацией». Иными словами, помимо страха как угрозы жизни и здоровью, средства должны быть устрашающими в смысле унижения, деградации и позора. Это страх унижительной и позорной смерти, подобный тому, как в Древних Афинах казненных преступников не предавали земле, но бросали в общую яму. Сообщение, транслируемое террористами посредством своих действий, заключается в том, что противники есть изверги рода человеческого и недостойны человеческого обращения, и ровно поэтому должны быть подвергнуты террористической деперсонализации посредством наиболее унижительного насилия. Достигается это двояким способом: во-первых, унижительной смертью в прямом смысле этого слова, когда разорванное тело противника смешивается с асфальтом и бетоном, во-вторых, в ценностном смысле, когда ценности противника смешиваются с грязью. «В этом регистре насилие стремится не только нанести вред, но унижить и не только унижить непосредственную жертву, но также всех, кто видит в действиях жертвы выражение своей политической веры» [Kahn 2008]. Третьим субъективным компонентом терроризма являются его цели, также транслируемые посредством методов террора. Это цель абсолютной вражды, абсолютного уничтожения всех конкретных виновных индивидов поименно и без сожаления. Как об этом пишет Карл Шмидт, такова логика войны *iusta causa* (справедливого дела) в отсутствии *iusta hostis* (справедливого противника). Именно на этом основано действие гуманитарного терроризма. Для него не существует традиционного уважения к врагу, как не существует его и для

«справедливой» войны, из которой непосредственно вытекает гуманитарный терроризм и абсолютная война. «В мире, где партнеры, таким образом, взаимно врываються в бездну тотального обесценения, перед тем как они физически уничтожат друг друга, должны возникнуть новые разновидности абсолютной вражды. Вражда станет настолько страшной, что, вероятно, нельзя будет больше говорить о враге или вражде, и обе эти вещи даже с соблюдением всех правил прежде будут запрещены и прокляты до того, как сможет начаться дело уничтожения. Уничтожение будет тогда совершенно абстрактным и абсолютным. Оно более вообще не направлено против врага, но служит только так называемому объективному осуществлению высших ценностей, для которых, как известно, никакая цена не является чрезмерно высокой» [Шмитт 2007, 143].

Революционный терроризм якобинцев

Первоначальный смысл слова «террор», как, впрочем, и фразы «враг человечества», был связан с идеей глубокого преобразования человечества посредством насилия. Террор был общим названием для всего периода с сентября 1793 г. по июль 1794 г., когда якобинцы сделали террор главным орудием подавления политических противников внутри страны. Риторика якобинцев представляла террор в качестве неизбежного и необходимого средства и механизма прогресса, посредством которого только и могут утвердиться гуманистические ценности просвещения: свобода, равенство, братство и справедливость для всех. Противники революции представлялись в качестве врагов человечества и должны были быть уничтожены безотлагательно и безжалостно. Считалось, что для того, чтобы сокрушить противников человечества окончательно и бесповоротно, должна вестись беспрецедентная по своим масштабам и абсолютности война, поскольку это величайшая, справедливейшая и окончательная, по сути эсхатологическая битва, которая сокрушит силы зла и приведет к торжеству силы добра. Манихейская идея подпитывала и манихейскую теорию справедливости войны. Человеческая история есть почти полностью история террора, но терроризм, в особенности терроризм гуманитарный, зародился только в условиях Модерна и был продуктом Просвещения. Речь теперь шла не только и не столько о терроре, но о терроре коммуникативном. Коммуникация эта заключалась в трансляции

посредством мотивов, средств и целей революционеров. Мотивы эти основывались на ценностной рациональности (которая должна была восприниматься как иррациональность реакционерами), мотивы были мотивами безжалостными и уничижительными, а цели – абсолютными. Иными словами, реакционеры должны были подвергнуться мифологизированному состоянию «до-Модерна», состоянию террора и пыток (что тоже являлось мифом, поскольку Модерн являет миру куда более насильственное состояние общества). При этом террористы действовали в полном соответствии с самопровозглашенным революционным правом, которое представлялось им вершиной естественного права. Террор объявлялся самым революционным государством и основывался на видимой монополии на насилие. Но закон этот был в высшей степени упрощенческим и неполноценным, если не сказать садистским, не имеющим ничего общего с нормами процедурной справедливости. Как писал об этом современник событий, Эдмунд Берк, миллионы дьяволов ада, называемые террористами, были выпущены на свободу [Берк 1993]. Именно эти слова и дали Достоевскому название его романа – «Бесы». Терроризм с самого начала означал не что иное, как действия политического государства, осуществляющего политический террор в отношении противников, а не противоправные действия группы радикалов, что стало чертой терроризма впоследствии.

Русский индивидуальный террор конца XIX – начала XX вв.

Французский революционный террор был подхвачен и развернут революционерами по всей Европе. Единственное различие заключалось в том, что это был терроризм групп радикалов. Классической формой такого терроризма обыкновенно считают именно русский революционный терроризм, представленный группами «Земля и Воля» и «Народная Воля». Это были две террористические группировки, которые в соответствии со своими программами осуществляли преобразование российского общества посредством убийств правительственных чиновников. Правительственное насилие должно было встретить отпор в ответном насилии революционеров, и террор должен был стать главным оружием.

Окончательное выражение этот процесс нашел в деятельности партии социалистов-революционеров, которая сделала индивидуальный террор стержнем всей своей программы [Friedlander 1997].

Во многих отношениях русский революционный терроризм был лишь копией французского революционного терроризма, но только в форме небольших групп, направляющих удары против правительства. Революционеры не могли рассчитывать победить правительство в открытой войне, но могли направлять на членов правительства точечные удары, устраняя наиболее одиозных функционеров, планируя тем самым вызвать всеобщий страх и паралич правительства. Эти точечные убийства стали возможны благодаря технологическому прогрессу. «Другим фактором, который значительно способствовал усилению насилия в империи, был фактор научного прогресса и технических инноваций, которые значительно упростили производство оружия для террористов и основных взрывчатых устройств» [Geifman 1993, 16]. Этими факторами были динамит, револьвер, телеграф, железная дорога и авиация. Более того, террористы мечтали о дроне, как оружию своей мечты: «Фантазии на этот предмет нередко распространялись на отдаленные схемы, включая создание летательного аппарата, который мог бы сбрасывать бомбы на Зимний дворец» [Geifman 1993, 17]. Эти инновации сводили на нет многократное превосходство в силе, принадлежавшее правительству, особенно если мы примем во внимание, что устаревшие представления о чести не давали представителям дворянства возможности предпринять необходимые меры предосторожности.

Подобно своим якобинским собратьям, эти террористы пребывали «в поисках человечества». Они не только провозглашали величайшую справедливость цели, но и ограничивали себя точечными убийствами. Они были уверены в своем праве выносить смертные приговоры и пользовались «высочайшим правом» — «правом унижать»³. Эти убийства действительно вызывали парализующий страх среди чиновников и, поскольку общественность нередко симпатизировала террористам, это было также еще и унижительным террором. Все это делало террор достаточно театральным. Террористический эффект достигался отнюдь не только посредством страха смерти. Это был также страх публичного унижения и позора. Сама по себе смерть от рук террориста была позорной не только по причине того, что бомбы нередко смешивали тело с грязью, но еще и потому, что все это оскорбительно походило на смертный приговор, провозгла-

³ В романе Достоевского Петр Степанович Верховенский замечает между делом, что право унижать есть величайшее право революционера.

шенный некоей квазилегитимной властью. В этом и заключался главный фактор террора не только с точки зрения целей, но и с точки зрения средств. Один из террористов, Николай Морозов, писал: «Массовые революционные движения, где люди нередко встают друг против друга в силу простого недоразумения, где народ убивает своих собственных детей, в то время как их враги из безопасного убежища наблюдают за их гибелью, — она заменяет рядом отдельных, но всегда бьющих прямо в цель политических убийств. Она казнит только тех, кто действительно виновен в совершающемся зле. Террористическая революция представляет поэтому самую справедливую из всех форм революций» [Морозов 1880, 7–8]. Гуманитарные ограничения были вполне серьезными, вплоть до угрозы успеху операции. В то же время революционеры оставались все теми же самыми «бесами» французской революции, и Достоевский гениально показал бесовскую сущность такого гуманитарного активизма. Наиболее печальной из черт террористов было безразличие к человеческой жизни и личностная гордыня, что детально подтверждается Достоевским. Достоевский показывает отсутствие морального права террористов на совершение убийства. Они не представляют народ, и их мотив заключается в мстительной злобе. Они движимы исключительно ненавистью и неприязнью к собственному народу, который они совершенно не понимают, претворяя в жизнь маниакальную идею осуществления революции. На их стороне не было даже той квазилегитимности, которую могли приписать себе французские революционеры, и возможно по этой причине, у многих авторов мы находим описание некоторого странного чувства стыда, присущего многим из революционеров. Этот стыд происходил по той простой причине, что убийства, совершаемые ими, были все же весьма неблагородного свойства [Савинков 2004]. Это затруднение было преодолено посредством своеобразной концепции искупления, включенного в этический катехизис революционера. Поскольку революционеры, так или иначе, должны пасть в борьбе, моральное искупление будет осуществлено актом самопожертвования.

Американские дроны-убийцы

Современная американская война посредством дронов представляет собой не что иное, как вершину гуманитарного терроризма. Этот терроризм продолжает наследие французского револю-

ционного террора и является продуктом Модерна. Он смешивает и объединяет основные черты французского и русского революционного террора, но при этом утрачивает многое: концепцию искупления русского терроризма (поскольку операторы дронов не подвергаются риску) и квазилегитимность французского терроризма. Подобно французскому терроризму, это есть терроризм государственный, но который действует на чужой территории и нарушает международное право. Небольшая смертоносная машина под названием «дрон» может осуществить то, что не способна традиционная военная операция. Первое известное нам убийство было совершено в ноябре 2001 г., когда дрон типа «Хищник» убил Мухаммеда Атефа, командующего Аль-Кайды в Афганистане. В дальнейшем именно на дроны была сделана вся ставка в контртеррористической операции США в Центральной Азии. Ник Хелветт утверждает: «Война дронов представляет собой новейший пример государственного терроризма, где “подозреваемые в террористы” могут быть убиты в некоторых случаях без суда и предоставления доказательств их участия в террористических актах, не говоря уже о следствии; более того, неизвестные сопровождающие лица тоже могут быть убиты в то же самое время в качестве того, что эвфемистически называется “сопутствующим вредом”, что означает в любом понимании смерть невинных людей, женщин и детей» [Hewlett 2016, 147]. Гражданские потери могут быть весьма значительны, но даже если точность была совершенной, это все же терроризм и проявление абсолютной войны. Две главные особенности делают этот терроризм гуманитарным. Во-первых, это провозглашенное правовое дело, которое имеет отдаленное отношение к самообороне. Даже если это самооборона, это оборона Америки как исключительной державы, уверенной в своем исключительном праве продолжательницы наследия Просвещения и Модерна. Американская миссия заключается в экспорте демократии по всему миру.

Точечные убийства представляют собой не только вершину асимметричной войны без потерь (разумеется только для преобладающей стороны). Операторы беспилотных летающих машин направляют свои удары на незащитных людей. Они не подвержены риску и скорее напоминают палачей, нежели военных пилотов. Однако они не испытывают даже тех угрызений совести, которые временами испытывали русские террористы и не проявляют потребности в искуплении. Они есть убийцы в простом и

чистом смысле этого слова, и их война не является войной. Война дронов – это терроризм в чистом виде, представляющий собой вершину развития логики и практики террористической войны. Война может считаться таковой лишь до тех пор, пока в ней существует риск жизни для нападающего, лишь до тех пор, пока она оставляет хотя бы минимальную возможность проявления мужества и благородства. Эта война не может даже увенчаться победой, хотя и может быть успешной по той простой причине, что это не война. Подобно якобинскому террору, это терроризм, основанный на предполагаемой легитимности государства. Тем не менее война незаконна с точки зрения международного права, поскольку ведется на чужой территории без официального объявления войны, и она нарушает важнейшее право человека – право на жизнь и справедливый суд. Подобно русскому революционному терроризму, этот терроризм предпринимает точечные казни, которые не являются, строго говоря, законными. Подобно французскому и русскому терроризму, американский терроризм представляет собой уникальное сочетание субъективных мотивов, средств и целей. Этот набор коммуникативен в такой же степени, как и соответствующий набор террористов более раннего периода. Мотивы этого терроризма не представляются достаточно рациональными и воспринимаются как мстительная злоба и откровенный садизм. Мотивы эти являют собой послание всему миру о безмерной мощи, возможностях и глобальном суверенитете Америки. Средства унижительны, особенно учитывая традиционные представления о чести. Предполагаемые террористы преследуются подобно диким животным и подвергаются уничтожению подобно вредным насекомым, и именно в этом содержится главное послание. Цели есть цели абсолютной вражды и бесконечной войны. Здесь можно согласиться с Д. Россом: «Война с террором формулируется как потенциально бесконечная борьба против бесконечно растянутого противника, которая проникает через все границы и населяет все сферы. Новая ситуация существенно милитаризирована, суверенитет отдельных государств менее значим, чем объединенная и скоординированная система “безопасности”. Такая система может быть сконцентрирована в США, но тем не менее предполагает планетарные меры безопасности, которые проникают во все частные страны. Развитие этой системы безопасности предполагает свои собственные средства, логику и автономию, неограниченную концептом суверенитета»

[Ross 2004, 2]. Речь по сути идет о создании концепции глобального суверенитета. Было также показано, что цели не предполагают компромисса, как это обычно бывает в войне между государствами, – это цели полного уничтожения противника. В результате те, кто живет под дронами, испытывают постоянное ожидание смертельного удара и ощущение своей беспомощности. В довершение американская практика нанесения многократных ударов по одной и той же цели и свидетельства тех, кто пытался спасти жертвы, заставляет окрестных жителей и гуманитарные службы воздерживаться от оказания помощи. Многие жители деревень стараются не собираться в группы, включая и необходимые общественные собрания, из опасения привлечь внимание операторов дронов [Chomsky, Vltchek 2017].

Гуманитарный терроризм такого рода следует считать имморальным не потому, что он недостаточно справедлив, но потому что он представляет собой терроризм. Гуманитарный терроризм такого рода открывает простор для беззакония, становящегося скорее нормой, нежели исключением, каковой всегда являлась война. Крепс и Кааг делают верное заключение: «Развитые технологии позволили государствам ограничить нежелательные последствия целенаправленного насилия, но способность предпринимать более точные, целенаправленные удары не следует путать со стремлением к юридической и этической легитимации» [Kreps, Kaag 2012, 276]. Законная и этическая легитимация как раз отсутствует в подобных террористических актах. Они низводят людей до уровня средства и лишают человеческого достоинства. Это подтверждает и соответствующая риторика. Например, в 2001 г. президент Буш сообщил: «Я верю в наши вооруженные силы. И у нас есть важная работа – подобно тому, как она есть у фермеров, заводских рабочих и бизнесменов... нам следует очистить мир от носителей зла» [Kreps, Kaag 2012, 277]. Устранение зла с лица земли – это и есть та самая туманная и устрашающая цель, которая лежит в основании всякого терроризма. Даже атомная атака на Хиросиму еще не была терроризмом в полном смысле этого слова, поскольку целью было выиграть войну, но не искоренить зло как таковое. Для французских, русских и американских террористов речь шла именно об уничтожении зла, представленного вполне конкретными индивидами, которые, иными словами, этим злом «одержимы», и именно в этом заключаются главные признаки абсолютной войны. Война дронов исключает возмож-

ность компромисса и превращается в постоянную войну. Список моральных проблем подобной войны может быть продолжен. Война дронов – это проявление войны абсолютной, которая не знает различия между войной и терроризмом. В довершение это – именно гуманитарный терроризм. Непосредственным результатом действий является, скорее, не подавление терроризма, но появление все новых и новых террористов, которые приходят мстить за погибших собратьев и унижение. Примирение и компромисс становятся все менее и менее возможны, и состояние абсолютной войны поддерживается бесконечно.

Заключение.

Военные технологии и столкновение гуманитарных терроризмов

Гуманитарный терроризм возникает как закономерный процесс. Он является следствием одновременно трех логик. Логика теории справедливой войны предполагает реализацию принципов *ius ad bellum* и *ius in bello*, т.е. требует морально оправданной и предельно точечной войны. Он является развертыванием логики самой войны. Война стремится снизить потери своей стороны и сделать максимально точными удары по противнику. Новые военные технологии делают это возможным. Гуманитарный терроризм является следствием логики самого терроризма. Всякий терроризм стремится к гуманитарному обоснованию и, по возможности, наказанию непосредственно виновных. Результатом является утрата войной своего компонента силы, стратегии и случая и обретение ею компонента террора.

При этом моральные проблемы гуманитарного терроризма не в том, что он гуманитарный, но в том, что он терроризм. Я отмечу три главных проблемы. Первая заключена в том, что это проявление абсолютной вражды. Моральное зло такой вражды имеет те же причины, по которым Кант запрещал использование наемных убийц в ходе войны, а именно по той причине, что это делает взаимную уверенность в последующем мире невозможной [Кант 1994, 365]. Использование наемных убийц или точечное убийство при помощи дронов ввергает нас в состояние абсолютной войны. Если война не является войной, объявленной и не привязанной к политической сфере, она легко может выйти за рамки всяких мер и приличий и уже не подлежать разрешению посредством переговоров. Гуманитарный терроризм ввергает мир в состояние постоянной войны без компромисса и примирения. Прежняя традиционная межгосударственная война, при всей ее жестокости, напоминала шахматную игру. Она могла быть разрешена

посредством политического маневра, поскольку хотя предполагала убийства, не предполагала личной вражды между комбатантами. Даже терроризм неизбирательных нападений на гражданских лиц в некотором смысле лучше гуманитарного терроризма, потому что не предполагает личной и индивидуальной вражды. Посредством гуманитарного терроризма либеральные государства открывают простор для гуманитарного насилия, предполагающего полное бесправие одних и полную власть других.

Во-вторых, следует иметь в виду, что ненависть и вражда не только социально разрушительны, но и коварны. Раз возникнув, они способны создавать нормативную среду по своему образу и подобию, оправдывая вражду как вражду справедливую и подерживая бесконечное состояние войны. Возникающие при этом частные концепции справедливости и даже теория справедливой войны как таковая являются продуктом мстительной злобы и проявлением манихейского сознания. Следствием является то, что Маркс называл «ложное сознание», сознание, обслуживающее оправдание войны как объективной ценности. Теория справедливой войны может быть таким ложным сознанием, не важно идет ли речь о войне вообще или о справедливости всякой частной войны. Никакая современная война не может быть войной справедливой. Думаю, что глобальные эпидемиологические, экологические и экономические проблемы это достаточно показали и не стоит тратить время на доказательства. В то же время любая война создает свой собственный миф в целях поддержания желания и стремления убивать и разрушать. Подобная справедливость есть не только атавизм низменной природы человека, но и способ поддержания ее в этом состоянии.

В-третьих, гуманитарный терроризм вырастает из «справедливой» войны, но остается при этом терроризмом. В этом своем качестве он полностью лишен всех важнейших свойств и характеристик войны, в особенности тех, которые способны делать войну в кантовском смысле «возвышенной»⁴ [Кант 2011, 299]. В условиях гуманитарного терроризма война сливается со своими менее достойными собратьями по цеху насилию: терроризмом, геноцидом, преступным насилием. Родимыми пятнами любого терроризма являются отсутствие рыцарства, достоинства, чести и невозможность победы. Победоносный терроризм невозможен, как невозможен и победоносный геноцид, по той причине, что мы просто не применяем термин «победа» для подлого убийства,

⁴ В «Критике способности суждения» Кант отмечает: «Даже война, если она ведется правильно и со строгим соблюдением гражданских прав, содержит в себе нечто возвышенное...» [Кант 2001, 299].

даже если это множественные убийства. Война предполагает риск, мужество, благородство, и только в этом случае она может быть увенчана победой. Террорист может демонстрировать некоторые воинские добродетели, но их явно недостаточно, и они окрашены в иной тон. Терроризм есть прежде всего хладнокровное убийство безоружного человека без всякого риска для себя. В этом смысле он представляет собой, по выражению Л.Н. Толстого, самое отвратительное из возможных убийств. В том случае, если гуманитарный терроризм окончательно и бесповоротно заменит собой войну, это будет только означать окончательную деградацию войны [Кашников 2020].

Существует вероятность, что дальнейшая трансформация войны будет означать полное и окончательное вытеснение компонента возвышенной силы и подмену ее гуманитарным терроризмом, учитывая, что войны по преимуществу становятся теперь асимметричными. В этом случае война как таковая будет означать не более чем столкновение терроризмов. Следует понимать, что гуманитарный терроризм есть вопрос меры и степени. Точно также, как может быть больше или меньше терроризма, который присутствует во всякой войне, может быть больше или меньше гуманитарности или справедливости, которые тоже присутствуют всякой войне. Полный гуманитарный терроризм (терроризм справедливых целей и ограниченных средств) могут себе позволить немногие – только преобладающая сторона современной асимметричной войны при наличии высоких военных технологий. В конце концов, мы можем предугадать возникновение совершенных военных технологий, которые позволят стирать с лица земли всякого неугодного индивида посредством набора его генетического кода на специальной клавиатуре. В этом случае и слабая сторона асимметричной войны вряд ли останется в долгу, как она не остается в долгу уже и сейчас, поскольку единственной возможностью сопротивления для слабой стороны будет только прямолинейный терроризм неизбирательных атак на гражданских лиц враждебной стороны. Но в этом случае, в полном соответствии с теорией справедливой войны, нам придется присвоить даже и такому терроризму статус гуманитарного, как войне «крайней необходимости»⁵ [Walzer 2000]. Порочный

⁵ Уолцер заявляет о том, что состояние «крайней необходимости» позволяет отбросить гуманитарные ограничения *ius in bello* во имя высших целей гуманизма. В этом случае, учитывая, что терроризм – это всегда, с точки зрения террористов, чрезвычайная необходимость, различие между двумя разновидностями терроризма полностью исчезает и всякий терроризм становится гуманитарным.

круг тем самым замыкается. В условиях асимметричной войны, а современные войны как правило асимметричные [Gross 2010], война не только переходит в состояние войны абсолютной, но и в состояние глобального столкновения терроризмов.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Берк 1993 – Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. – М.: Рудомино, 1993.

Гроций 1994 – Гроций Г. О праве войны и мира. – М.: Ладомир, 1994.

Кант 1994 – Кант И. К вечному миру // Кант И. Сочинения в 4-х томах на немецком и русском языках. Т. 1: Трактаты и статьи (1784–1796). – М.: Ками, 1994. С. 354–477.

Кант 2001 – Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 4. – М.: Наука, 2001.

Кашников 2019 – Кашников Б.Н. Теория справедливой войны. Критика основных начал // Этическая мысль. 2019. № 2. С. 152–68.

Кашников 2020 – Кашников Б.Н. Глобальный суверенитет и моральная деградация войны // Вопросы философии. 2020. № 2. С. 14–25.

Морозов 1880 – Морозов Н.А. Террористическая борьба. – Лондон: Русская типография, 1880. С. 7–8.

Савинков 2004 – Савинков Б. Конь бледный. Конь вороной. – М.: Терра-Книжный клуб, 2004.

Шмитт 2007 – Шмитт К. Теория партизана. Промежуточное замечание к понятию политического. – М.: Праксис, 2007.

Chomsky, Vltchek 2017 – Chomsky N., Vltchek A. On Western Terrorism. From Hiroshima to Drone Warfare. – London: Pluto Press, 2017.

Devji 2008 – Devji F. The Terrorist in Search of Humanity: Militant Islam and Global Politics. – New York: Columbia University Press, 2008.

Friedlander 1977 – Friedlander R.A. The Origins of International Terrorism // Terrorism. Interdisciplinary Perspectives / ed. by A. Yonah, S.M. Finger. – New York: McGraw-Hill, 1977. P. 30–45.

Geifman 1993 – Geifman A. Thou Shalt Kill. Revolutionary Terrorism in Russia, 1894–1917. – Princeton: Princeton University Press, 1993.

Gross 2010 – Gross M. Moral Dilemmas of Modern War. Torture, Assassination, and Blackmail in the Age of Asymmetric Conflict. – Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2010.

Hewlett 2016 – Hewlett N. Blood and Progress. Violence in Pursuit of Emancipation. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016.

Kahn 2008 – Kahn P. Sacred Violence. Torture, Terror and Sovereignty. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 2008.

Kreps, Kaag 2012 – Kreps S., Kaag J. The Use of Unmanned Aerial Vehicles in Contemporary Conflict: A Legal and Ethical Analysis // Polity. 2012. Vol. 44. No. 2. P. 260–285.

Ross 2017 – Ross D. Violent Democracy. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2004.

Walzer 2000 – *Walzer M. Just and Unjust Wars* / 3rd ed. – New York: Basic Books, 2000.

REFERENCES

Burke E. (1993) *Reflections on the Revolution in France and on the Proceedings in Certain Societies in London Relative to that Event*. Moscow: Rudomino (Russian translation).

Chomsky N. & Vltchek A. (2017) *On Western Terrorism. From Hiroshima to Drone Warfare*. London: Pluto Press.

Devji F. (2008) *The Terrorist in Search of Humanity: Militant Islam and Global Politics*. New York: Columbia University Press, 2008.

Friedlander R.A. (1977) The Origins of International Terrorism. In: Al-exaner Y. & Finger S.M. (Eds.) *Terrorism. Interdisciplinary Perspectives* (pp. 30–45). New York: McGraw-Hill.

Geifman A. (1993) *Thou Shalt Kill. Revolutionary Terrorism in Russia, 1894-1917*. Princeton: Princeton University Press.

Gross M. (2010) *Morall Dilemmas of Modern War. Torture, Assassination, and Blackmail in the Age of Asymmetric Conflict*. Cambridge, MA: Cambridge University Press.

Grotius H. (1994) *On the Law of War and Peace*. Moscow: Lodomir (Russian translation).

Hewlett N. (2016) *Blood and Progress. Violence in Pursuit of Emancipation*. Edinburg: Edinburg University Press.

Kahn P. (2008) *Sacred Violence. Torture, Terror and Sovereignty*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Kant I. (1994) Perpetual Peace. In: Kant I. *Works in German and Russian* (Vol. 1, pp. 354–477). Moscow: Kami (Russian translation).

Kant I. (2001) *Critique of Judgement*. In: Kant I. *Works in German and Russian* (Vol. 4). Moscow: Nauka (Russian translation).

Kashnikov B.N. (2019) Theory of Just War. The Critique of the Foundations. *Ethical Thought = Eticheskaya mysl'*. Vol. 19, no 2, pp. 152–168 (in Russian).

Kashnikov B.N. (2020) Global Sovereignty and Moral Degradation of War. *Voprosy filosofii*. No. 2, pp. 14–25 (in Russian).

Kreps S. & Kaag J. (2012) The Use of Unmanned Aerial Vehicles in Contemporary Conflict: A Legal and Ethical Analysis. *Polity*. Vol 44, no. 2. pp. 260–285.

Morozov N.A. (1880) *Terrorist Struggle*. London: Russkaya tipografiya (in Russian).

Ross D. (2004) *Violent Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press.

Savinkov B. (2004) *Pale Horse. Black Horse*. Moscow: Terra – Kniznyy klub (in Russian).

Schmitt C. (2007) *The Theory of the Partisan: A Commentary/Remark on the Concept of the Political*. Moscow: Praxis (Russian translation).

Walzer M. (2000) *Just and Unjust Wars* (3rd ed.). New York: Basic Books.

Кантианский проект вечного мира в контексте современных этико-политических концепций войны

А.Д. Куманьков

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия

Аннотация

В статье ставится вопрос о современном значении учения И. Канта о войне. Рассматривается контекст и содержание ключевых положений концепции вечного мира, предложенной Кантом. При этом отмечается идейная взаимосвязь Канта с предшествующими ему авторами, выносившими предложения о необходимости построении союзов государств как средства противодействия войне. Также указываются события, служившие историческим фоном концептуализации проекта Канта: Французская революция и вызванные ею войны, мирный договор между Францией и Пруссией. Во второй половине XX в. отмечается рост внимания к этико-политической философии Канта. В это время представители самых разнообразных политических и этических школ, космополитизм, интернационализм, либерализм, обращают внимание на наследие Канта и пытаются соотнести с ним собственные теоретические построения. В этой части было показано, как кантовская мысль о войне оказывается задействованной у М. Дойла, Ю. Хабермаса, У. Бека, М. Калдор, Б. Оренд и др. М. Дойл возводит теорию демократического мира к кантовскому тезису о необходимости распространения республиканизма. Согласно этой теории, либеральные демократии решают конфликты между собой невоенными методами. Хабермас, Бек и Калдор видят в Канте одного из классических сторонников космополитизма. Кантовский проект важен для них, поскольку содержит положения о межнациональных формах кооперации. Они объединяются вокруг понимания, что содействовать миру будет союзный орган, осуществляющий «правление без правительства» и отвечающий за функционирование принципов пацификации международных отношений. Особое внимание уделяется последнему Б. Оренду, который доказывает возможность интерпретации Канта как представителя теории справедливой войны. Кроме того, ориентируясь на Канта, Оренд разрабатывает новый раздел в теории спра-

ведливой войны – концепцию *ius post bellum*, а также легитимирует смену режима как цель справедливой войны.

Ключевые слова: космополитизм, Кант, война, вечный мир, республиканизм, *ius post bellum*, теория справедливой войны.

Куманьков Арсений Дмитриевич – кандидат философских наук, доцент Школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

akumankov@hse.ru

<http://orcid.org/0000-0002-8951-4707>

Для цитирования: Куманьков А.Д. Кантианский проект вечного мира в контексте современных этико-политических концепций войны // Философские науки. 2020. Т. 63. № 1. С. 85–100.

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-1-85-100

Kantian Project of Perpetual Peace in the Context of Modern Ethical and Political Concepts of War

A.D. Kumankov

*National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia*

Abstract

The article considers the modern meaning of Kant's doctrine of war. The author examines the context and content of the key provisions of Kant's concept of perpetual peace. The author also reviews the ideological affinity between Kant and previous authors who proposed to build alliances of states as a means of preventing wars. It is noted that the French revolution and the wars caused by it, the peace treaty between France and Prussia served as the historical background for the conceptualization of Kant's project. In the second half of the 20th century, there is a growing attention to Kant's ethical and political philosophy. Theorists of a wide variety of political and ethical schools, (cosmopolitanism, internationalism, and liberalism) pay attention to Kant's legacy and relate their own concepts to it. Kant's idea of war is reconsidered by Michael Doyle, Jürgen Habermas, Ulrich Beck, Mary Kaldor, Brian Orend. Thus, Doyle tracks democratic peace theory back to Kant's idea of the spread of republicanism. According to democratic peace theory, liberal democracies do not solve conflict among themselves by non-military methods. Habermas, Beck, Kaldor appreciate Kant as a key proponent of cosmopolitanism. For them, Kant's project is important due to notion of supranational forms of cooperation. They share an understanding that peace will be promoted by an allied authority, which will be "gover-

ning without government” and will take responsibility for the functioning of the principles of pacification of international relations. Orend’s proves that Kant should be considered as a proponent of the just war theory. In addition, Orend develops a new area in just war theory – the concept of ius post bellum – and justifies regime change as the goal of just war.

Keywords: cosmopolitanism, Kant, war, perpetual peace, republicanism, ius post bellum, just war theory.

Arseniy D. Kumankov – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, School of Philosophy, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics.

akumankov@hse.ru

<http://orcid.org/0000-0002-8951-4707>

For citation: Kumankov A.D. (2020) Kantian Project of Perpetual Peace in the Context of Modern Ethical and Political Concepts of War. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 63, no. 1, pp. 85–100. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-1-85-100

Введение

Иммануилу Канту принадлежит одно из наиболее известных философских сочинений, призывающих к устранению войны и мирному сосуществованию народов, которое нередко интерпретируется если не как абсолютно утопическое, то как качественно уступающее метафизическим кантовским сочинениям или же вообще рассматривается как шуточное. Так, Ханна Арендт оценивала исторические и политические работы кенигсбергского философа с известной долей скептицизма: «по качеству и глубине не могут сравниться с другими сочинениями Канта... Сам Кант называл некоторые из этих произведений всего лишь “игрой с идеями” или “всего лишь увеселительной прогулкой”. Ироничный тон трактата “К вечному миру” – по своей важности намного превосходящего прочие из этих текстов – ясно демонстрирует, что Кант не воспринимал их слишком серьезно. В письме к Кизеветтеру (от 15 октября 1795 г.) он называет этот трактат “мечтами”» [Арендт 2012, 18]. Или же можно вспомнить более близкие по времени к самому Канту рассуждения Гегеля, в которых он критикует пацифистские симпатии Канта, утверждая высокое значение и общеисторическую целесообразность войны. В «Философии права» Гегель воспроизводит свою мысль, высказанную в работе «О научных способах исследования естественного права» (1802–1803): благодаря войне «сохраняется нравственное здоровье на-

родов, их безразличие к застыванию конечных определенностей; подобно тому как движение ветров не дает озеру загнивать, что с ним непременно случилось бы при продолжительном безветрии, так и война предохраняет народы от гниения, которое непременно явилось бы следствием продолжительного, а тем более вечного мира» [Гегель 1990, 360]. В этих суждениях зафиксированы, таким образом, две стратегии критики кантовского учения о войне. Первая из них связана с указанием на философскую ограниченность этого учения. Вторая заключается в попытке поставить под сомнение правовую и моральную оценку войны, данную Кантом, указать на недопонимание им объективного значения войны и ее смысла для развертывания человеческой истории. В данной работе нас в большей степени будет интересовать вторая линия критики рассуждений Канта о войне. По первому вопросу здесь отметим лишь, что Арендт находит возможным в лекциях довольно активно обращаться к материалу трактата «К вечному миру», что делает его, видимо, не столь уж незначительным и для нее самой. А «наследники» Канта оценивали его работу как весьма важную для полноценного понимания учения Канта о праве. К примеру, Фихте высказывался следующим образом: «это сочинение полностью содержит если не основания, то по крайней мере результаты кантовской философии права и поэтому оно весьма значительно и в научном отношении» [Фихте 2003, 242].

В данном тексте мы хотели прояснить значение идей Канта о войне для современной критики войны и их место в ряду прочих классических источников теории справедливой войны. Обвинения, приведенные выше, представляются неверными. В чем-то они воспроизводят мышление в духе грубых форм политического реализма, придающего первостепенное значение в политической жизни государству и его интересам, или утилитаризма, позволяющего судить о благе для большинства, приобретаемого ценой жизни меньшинства. С нашей точки зрения, кантовский проект остается актуальным и применимым, хотя с необходимыми поправками; он не потерял свою теоретическую содержательность и имеет практическое значение, что не позволяет свести его до уровня философской игры или иронии. Мы начнем с краткого резюме учения Канта о войне, а затем скажем о влиянии кантовских идей на развитие философского учения о войне на рубеже XX–XXI вв. и о практическом значении его проекта вечного мира.

Учение Канта о войне

Трактат «К вечному миру. Философский проект» был опубликован в 1795 г. В это время Кант создает целый ряд текстов по различным вопросам практической философии, и трактат оказывается не первой и не последней работой, в которой кенигсбергский философ обращается к проблематике войны. Элементы ироничности действительно присутствуют в трактате. Он оформлен не как собственно философское сочинение, но как международный договор всех государств о вечном мире: с предварительными (прелиминарными), окончательными (дефинитивными), а также дополнительными статьями. Таким образом, текст намеренно стилизован под правовой документ своего времени, а не под философскую работу. Кроме того, сам Кант начинает с того, что заявляет: фраза «К вечному миру» – это «сатирическая надпись на вывеске одного голландского трактирщика рядом с изображенным на этой вывеске кладбищем» [Кант 1994б, 6]. В дальнейшем Кант еще будет обращаться к этой параллели между миром и кладбищем, когда заметит, что истребительная война, уничтожившая и участников войны, и все право, открывает путь к вечному миру «на гигантском кладбище человечества» [Кант 1994б, 10]. Отметим, что эта ирония могла бы быть усилена. В немецком языке слово «кладбище» может обозначаться словом, однокоренным словам «мир» или «покой»: *der Friedhof* – кладбище, *der Friede* – мир. Впрочем, Кант использует в данном случае другое слово – *der Kirchhof*.

Стоит сказать несколько слов о том идейном и историческом контексте, в котором появляется этот текст. Эта задача была блестящим образом решена переводчицей Канта на английский язык – Мэри Кэмпбелл Смит [Smith 1901, 1–105]. Смит подробно разбирает историю философского понимания войны, начиная с древнейших времен, доводя ее до XVIII столетия, комментирует текст Канта и далее рассматривает европейскую военную и международно-политическую мысль XIX в. Мы же заметим, что для более точного понимания текста Канта следует обратить внимание на целый ряд контекстов: формирование легалистской парадигмы обоснования войны, развитие договорных теорий происхождения государства, рост популярности сочинений о мире (наиболее известные в XVIII в. принадлежат Сен-Пьеру, Руссо, Бентаму, Гердеру), ключевые исторические события того времени (правление Фридриха II Великого, Французская революция,

Война американских колоний за независимость), наконец, сама практическая философия Канта.

В XVII–XVIII вв. происходит переоценка уходящего корнями в христианскую средневековую теологию представления о справедливой войне как наказании за грехи. Авторы, создающие новую науку о международном праве и войне, выстраивают свое учение вокруг государства как основного субъекта политических отношений. Государства признаются ими равными в своих политических и моральных правах, а потому война как наказание делается невозможной – ведь каждый оказывается в своем праве судить о своих политических целях и средствах их достижения. Как это выразил Томас Гоббс: «...короли и лица, облеченные верховной властью, вследствие своей независимости всегда находятся в состоянии непрерывной зависти и в состоянии и положении гладиаторов, направляющих оружие друг на друга и зорко следящих друг за другом. Они имеют форты, гарнизоны и пушки на границах своих королевств и постоянных шпионов у своих соседей, что является состоянием войны» [Гоббс 1991, 88]. Война получает интерпретацию в инструментальном духе – это средство решения политических конфликтов, не имеющее отношения к божественной справедливости. К ней обращаются, когда сталкиваются с нарушением права народов, поэтому сама парадигма осмысления войны в таком духе называется легалистской.

Кант также ориентируется на набирающий популярность философский жанр развития теорий мира без войны. Жан-Жак Руссо, важнейший автор для Канта, в 1761 г. написал небольшую работу, посвященную этой проблеме, а годом ранее подготовил реферат другого трактата о вечном мире – сочинения аббата Шарля Сен-Пьера. И Сен-Пьер, и Руссо полагают возможным избавление от войны в ограниченных сообществах: в Европейском Содружестве или Христианской Республике. Это просвещенческие элитаристские модели. Кант же пойдет далее своих предшественников и прорабатывает проект глобального освобождения от войны.

О будущем человечества без войны Кант высказывается уже в 1780-е гг., например, в работе 1784 г. «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» [Кант 1966]. К этой теме он подступает в своих этико-политических сочинениях. Как пишет И.С. Андреева, «этика Канта будет неполной без завершающей ее мирной программы, в свою очередь основные положения

концепции мира базируются на его этических принципах» [Андреева 2003, 17]. Но к 1795 г., когда появляется трактат о вечном мире, происходит ряд знаковых событий европейской, в частности прусской, истории. Революция во Франции провоцирует революционные войны 1792–1799 гг. Их деятельным участником становится Наполеон Бонапарт. 5 апреля 1795 г. Франция и Пруссия подписывают Базельский мир, который знаменует распад первой антифранцузской коалиции, ряд территориальных потерь прусской монархии и вовлечение ее в союзы против своих соседей (в первую очередь против Австрии и России). Ненадежность такого положения была очевидна. Но именно на этом фоне и в таких условиях появляется рассуждение Канта о возможности избавления от войны как таковой.

Напомним, что Кант приводит три положения, определяющие дефинитивные статьи договора о вечном мире:

- гражданское устройство каждого государства должно быть республиканским;
- международное право должно быть основано на федерализме свободных государств;
- всемирно-гражданское право должно быть ограничено условиями всеобщего радушия [Кант 1994б, 14–26].

Последняя статья постепенно становится принципом международных отношений: иностранный гражданин не воспринимается сейчас однозначно как враг. Хотя свободного перемещения в глобальном масштабе, естественно, не существует. Этот пункт в программе Канта, как правило, не вызывает критики со стороны современных исследователей Канта.

Однако первая и в особенности вторая статьи подвергаются серьезной критике (вероятно, наиболее известным критиком кантовского проекта среди авторов, которые не отвергают идеи Канта совершенно, является Юрген Хабермас, написавший отдельное эссе о вечном мире [Хабермас 2001]). Канта упрекают в том, что одно из наиболее слабых мест его теории – отсутствие институционализации системы космополитического права. С точки зрения того же Хабермаса, «кантово понятие союза народов... несостоятельно» [Хабермас 2001, 297], покуда в нем отсутствует идея надгосударственной структуры, обладающей силой принуждения каждого из участников международных отношений к исполнению общих обязательств. Но все же вряд ли стоит строить интерпретацию Канта на предположении, что он рассуждает неосмотритель-

но, когда пишет о добровольности союза республик. Кант явным образом указывает, что только «ангелы» способны реализовать республиканский и федералистский проект, основываясь лишь на велениях разума. Однако даже «народ дьяволов» способен на это из прагматических побуждений. Кантовская теория содержит принципиальное положение – проект вечного мира не реализуем здесь и сейчас, он предполагает постепенное строительство мира через постепенную республиканизацию государств. Соответственно, нельзя ожидать внезапного исчезновения войн. Кроме того, представления Канта о надгосударственной организации или глобальном государстве претерпели изменение в 70–90-е гг. XVIII в., что вновь подтверждает абсолютную осознанность его формулировок дефинитивных статей. Идея союза государств, неподчиненных общей власти, последовательно отстаивается Кантом в трактатах «К вечному миру» и «Метафизика нравов» и явным образом связана с его республиканскими убеждениями.

Вопрос о вечном мире оказывается вопросом правильного управления государством: «лишь от хорошей организации государства... зависит, как направить силы этих (эгоистических. – *А. К.*) склонностей, чтобы каждая из них или сдерживала разрушительное действие другой, или уничтожала его» [Кант 1994б, 32]. Моральные качества граждан не обладают решающим значением.

Кант был уверен, что постепенное распространение республик будет способствовать отказу от войн, хотя бы на основании прагматических соображений – народ, участвующий в управлении государством, «хорошенько подумает», прежде чем начать войну. При этом Кант исходил из того, что именно республиканизм – совмещение идеалов свободы и равенства перед законом, разделения властей и репрезентативности – послужит основанием для создания союза государств. Граждане республик, наученные подчиняться разумному закону, а не велению деспота, будут способными к добровольному ограничению взаимной ненависти и принятию космополитического права (или права всемирного гражданства). Республики объединятся в суррогат гражданского общественного союза или конфедерацию на основании добровольно взятых на себя обязательств решать конфликты средствами, отличными от войны, а добровольность принятия законов морально-политического разума должна обеспечить всеобщий отказ от войн. Этот порядок Кант определяет, как космополитический (см. о космополитизме Канта: [Höffe 2001; Kleingeld 2012]).

Иммануил Кант и современная этика войны

Политическая мысль Канта изначально была не менее известна, чем его метафизическая программа. Однако во второй половине XX в. она получает особое внимание. К ней начинают относиться не только как к важному, но представляющему в первую очередь историко-философский интерес разделу наследия кенигсбергского философа, а как к источнику актуальной и современной социальной, моральной, политической теории. К нему обращаются как представители аналитической, так и континентальной традиции: Джон Ролз, Юрген Хабермас, Ульрих Бек. Авторы, работающие в сфере этики войны или политической теории войны, также начинают активно задействовать ресурсы кантовской философии.

Так, в 1983 г. в двух частях выходит программная статья одного из важнейших исследователей либеральной политической теории войны, ныне профессора Колумбийского университета, Майкла Дойла «Кант, либеральное наследие и международные дела» [Doyle 1983a; Doyle 1983b]. Для Дойла Кант предтеча теории демократического мира. В кантовском заключении о необходимости установления республиканской формы правления как условия всеобщего мира видят выражение современной идеи мира между либеральными демократиями [Doyle 1983a, 228; Саликов 2012, 44–45 и далее]. Эта идея и ссылка на Канта как одного из ее авторов станет впоследствии общим местом теории демократического мира.

Хабермас и Бек, критикуя исходный кантовский проект, не воспринимают его как совершенно ошибочный, но скорее указывают на необходимость его перенастройки и доработки. Современная эпоха кажется им переходной: «Эпоха, в которую мы живем, есть эпоха не космополитизма, а космополитизации» [Бек 2012, 46]. В качестве необходимого элемента будущего космополитического порядка, как было указано выше, они называют появление наднациональной структуры, осуществляющей глобальное правительство. Ю. Хабермас отмечает, что такой структурой могла бы стать Организация Объединенных Наций, обновленная должным образом. В качестве альтернативного варианта обновления кантовского проекта можно указать на концепцию Мэри Калдор, предполагающей реконструкцию ООН и увеличение ее политического веса. Однако Калдор предлагает не идти по пути превращения ООН в мировое правительство. Это представляется

Калдор невыполнимой задачей [Калдор 2015, 368]. Гораздо уместнее реформировать ее в организацию, обладающую большими возможностями действовать и использовать собственные силы для влияния на политических игроков, развязывающих войны, и непосредственно не вмешиваться в конфликты. Как мы видим, в этих проектах намечается отход от изначального кантианского вывода о необходимости установления добровольного соглашения национальных государств. Но все же подобные интерпретации не противоречат логике кенигсбергского философа. ООН не должна брать на себя роль мирового правительства, но могла бы стать институтом, осуществляющим «правление без правительства», т.е. отвечать за функционирование принципов, обеспечивающих пацификацию международных отношений.

В 2000 г. происходит еще одно значимое обращение к кантовской философии войны. Выходит книга канадского философа Брайана Оренд *«Война и международная справедливость: взгляд с кантианской точки зрения»* [Orend 2000]. Оренд пытается доказать, что Канта, которого традиционно не связывают с теорией справедливой войны, следует воспринимать именно как одного из сторонников этой этической концепции войны. Во всяком случае, Кант не является ни политическим реалистом, т.к. не игнорирует этический контекст в своих суждениях о политике и войне, ни пацифистом в строгом смысле слова, т.к. не утверждает, что любая война вне зависимости от обстоятельств недопустима и не является справедливой ни при каких условиях. Поскольку в рассуждениях Канта можно найти элементы рассуждения в категориях, которые в теории справедливой войны получили название *ius ad bellum* (букв.: право или справедливость на войну) и *ius in bello* (право или справедливость во время войны) [Orend 2000, 60].

Подобные попытки причислить Канта к теоретикам справедливой войны отнюдь не редкость (см., например: [Shell 2005]; критика такого подхода: [Williams 2012]). Однако возникает вопрос, можно ли действительно рассматривать Канта как часть этой традиции. Рассуждая о своих предшественниках, существенно развивших учение о войне XVII–XVIII вв., таких как Гуго Гроций, Самюэль Пуфендорф и Эммер де Ваттель, Кант замечает, что они «плохие утешители» [Кант 1994б, 20]. Ваттель пишет в *«Праве народов»*: «Законы естественного общества настолько важны для блага всех государств, что если бы вошло в обычай их попирать, то ни один

народ не мог бы рассчитывать уцелеть и спокойно жить... Все нации имеют право применять силу к той из них, которая открыто нарушает законы установленного природой общества или прямо выступает против благополучия этого общества» [Ваттель 1960, 32]. Но Кант отказывается признать существование естественного общества народов, они всегда остаются в военном состоянии, в этом смысле Канту ближе Гоббс, нежели оптимисты Пуфендорф и Ваттель. Кроме того, Кант не видит возможным рассуждать о праве в контексте военной политики, т.к. государства разобщены и каждое государство является «судьей в своем собственном деле» [Кант 1994б, 21]. В результате Кант саркастически заключает: «не было еще случая, чтобы аргументы, снабженные свидетельствами столь важных мужей, побудили какое-либо государство отказаться от своих намерений» [Кант 1994б, 20]. Иными словами, не существует правовых обязательств действовать сдержанно в том, что касается войны, и учение о *ius ad bellum* и *ius in bello*, как они понимаются современной теорией справедливой войны, не соответствует кантовским воззрениям на сферу межгосударственных отношений. Однако это не значит, что не существует никаких запретов на войну. Они есть, но связаны не с существующей справедливостью, требующей подчинения определенному набору правил, но с требованием разума. Здесь как раз и появляется представление о разумном вменении договора народов о мире: «разум с высоты морально-законодательной власти, безусловно, осуждает войну как правовую процедуру и, напротив, вменяет в непосредственный долг мирное состояние, которое, однако, не может быть ни установлено, ни обеспечено без договора народов между собой» [Кант 1994б, 21].

Итак, мы скорее не согласимся с предложением Орэнда причислить Канта к одному из теоретиков справедливой войны. И все же книга Орэнда содержит еще одно, действительно важное открытие. Оно содержится во второй главе книги [Orend 2000, 57], где Орэнд обращает внимание на учение о послевоенной справедливости, которое обнаруживается у Канта. По словам Орэнда, большая часть предварительных и окончательных статей договора о вечном мире целью своей имеют установление «идеальной системы международного правосудия... в контексте космополитической федерации» [Orend 2000, 59]. Ориентируясь на эту установку Канта, Орэнд в ряде работ развивает концепцию *ius post bellum* (право или справедливость после войны; сам термин предложил

профессор Йельского университета Томас Погге) [Orend 2000; Orend 2006; Orend 2007; Orend 2008]. К традиционным категориям теории справедливой войны, *ius ad bellum* и *ius in bello*, он добавляет еще один перечень принципов, которые должны обеспечить этическое взаимодействие между сторонами конфликта после того, как подписано мирное соглашение. Оренд обращает внимание, что фаза окончания войны, подписания мира и послевоенной реконструкции предельно важна для того, чтобы не допустить возобновления войны в будущем. Зачастую неспособность понять нужды поверженного противника, жажда мести, стремление наказать врага и заставить его искупить вину, а также неспособность содействовать восстановлению институтов мирной жизни приводят к губительным последствиям. Регион возвращается в хаос затяжного безвластия и рискует вновь превратиться в арену боевых действий.

В книге «Мораль войны» Оренд формулирует семь принципов *ius post bellum*, которые следует учитывать при завершении войны.

1. Пропорциональность и публичность (*proportionality and publicity*). Государство или политическое сообщество, ответственное за развязывание несправедливой войны, должно быть наказано, и об этом необходимо публично объявить. Но меру наказания следует соотнести со степенью ущерба, причиненного агрессором.

2. Восстановление прав (*rights vindication*). Наказания и политическая трансформация не должны ставить под сомнение право противника на суверенитет и политическую автономию.

3. Различение (*discrimination*). Различные категории граждан бывшего военного противника должны оцениваться по-разному при решении вопроса о наказании за агрессию; гражданское население не подлежит наказанию.

4. Наказание для политического руководства (*punishment #1*). Политики, ответственные за начало агрессивной войны, должны получить наказание пропорционально тому влиянию, которое они оказывали при принятии решения о войне.

5. Наказание для военных (*punishment #2*). Аналогично военные должны понести наказание за совершенные военные преступления.

6. Компенсации (*compensation*). Сторона, виновная в развязывании агрессивной войны, обязана возместить потери жертвам агрессии. Наказание такого рода признается элементом пацификации агрессора и, по мысли ОRENDA, будет препятствовать желанию действовать агрессивно вновь. При этом компенсации

стоит требовать сдержанно, ограничивая их объем, дабы не дать повод для развития реваншизма.

7. Реконструкция (rehabilitation). Необходимо провести ряд мер в военной и социально-политической сфере, чтобы лишить бывшего агрессора средств и оснований для начала новых войн. В этом должны помочь частичное разоружение и сокращение армии и построение институтов, основанных на стремлении содействовать реализации прав человека [Orend 2006, 180–181].

Как видно, эти процедурные меры построены на традиционных для теории справедливой войны принципах наказания и пропорциональности в средствах, целях и распределении наказания. Оренд не оспаривает необходимость расследования и наказания вины лиц, ответственных за начало агрессивной войны, но само это наказание должно быть достаточным, чтобы послужить карой нарушителям мира и компенсировать потери, вызванные их деятельностью, но не чрезмерным, дабы не допустить запуска нового витка насилия.

Кроме того, у Канта Оренд фиксирует еще одну актуальную идею. В §60 «Метафизики нравов» Кант пишет об обязанности справедливого государства, победив агрессора, позволить ему «принять другое устройство, которое по самой своей природе не благоприятствовало бы наклонности к войне» [Кант 1994а, 387]. Для ОRENDA Кант оказывается, таким образом, апологетом войны с целью смены режима. Продолжая мысль Канта, Оренд выстраивает концепцию послевоенной политической трансформации противника, развязавшего агрессивную войну. Оренд оперирует понятием «минимально справедливое общество» [Orend 2006, 38] (см. также: [Куманьков 2016, 6–12]) – таким является общество, построенное на принципе невмешательства и признания базовых либеральных ценностей (свобода, равенство, высокий уровень жизни, признание на мировом уровне, высокий уровень стабильности). Агрессора, нарушавшего международную безопасность или ответственного за массовое насилие по отношению к собственным гражданам, Оренд полагает возможным привести к такому состоянию посредством послевоенного политического строительства [Orend 2006, 197].

Заключение

Классические авторы заслуживают внимания уже на уровне того вклада, который они сделали в мировую философскую мысль. Однако значение Канта для современной политической

теории и этики войны не исчерпывается историко-философским измерением. Как мы показали, целый ряд идей кенигсбергского философа оказывается востребованным в современных теоретических построениях в самых разнообразных контекстах. К ним обращаются теоретики либерализма, интернационализма и космополитизма, сторонники теории справедливой войны. Если говорить о последних, то их стремление причислить Канта в число своих сторонников или предшественников понятно. Мы объяснили, почему Кант не был теоретиком справедливой войны и все же согласимся со сторонниками этого нравственного учения о войне. Идеи Канта об ограничении войны – в особенности, о справедливости послевоенных действий победителя в отношении побежденного, о справедливости *post bellum*, а также о взаимной ответственности сторон, заключивших договор о мире – предельно актуальны, т.к. показывают способы выхода из затяжных войн, наиболее характерных для современности.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Андреева 2012 – Андреева И.С. Вековая мечта человечества (предисловие составителя) // Трактаты о вечном мире / сост. И.С. Андреева и А.В. Гулыга. – СПб.: Алетейя, 2003.

Бек 2012 – Бек У. Живя в мировом обществе риска и считаясь с ним. Космополитический поворот // Полис. Политические исследования. 2012. № 5. С. 44–58.

Ваттель 1960 – Ваттель Э. Право народов или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. – М.: Госюриздат, 1960.

Гоббс 1991 – Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1991.

Калдор 2015 – Калдор М. Новые и старые войны. – М.: Издательство Института Гайдара, 2015.

Кант 1966 – Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Сочинения в 6 томах. Т. 6. – М.: Мысль, 1966. С. 7–23.

Кант 1994а – Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Собрание сочинений в 8 т. Т. 6. – М.: Чоро, 1994.

Кант 1994б – Кант И. К вечному миру // Собрание сочинений в 8 т. Т. 7. – М.: Чоро, 1994.

Куманьков 2016 – Куманьков А.Д. Концепция минимальной справедливости в философии войны Б. Орента // Культура: управление, экономика, право. 2016. № 2. С. 6–12.

Саликов 2012 – Саликов А.Н. Интерпретация идей трактата «К вечному миру» И. Канта в современной либеральной теории демократического мира // Кантовский сборник. 2012. № 4 (42). С. 57–67.

Фихте 2003 – *Фихте И.Г.* К вечному миру. Философский проект Иммануила Канта // Тракаты о вечном мире / сост. И.С. Андреева и А.В. Гулыга. – СПб.: Алетейя, 2003.

Хабермас 2001 – *Хабермас Ю.* Кантова идея вечного мира – из 200-летней исторической перспективы // Вовлечение другого: Очерки политической теории. – СПб.: Наука, 2001. С. 277–332.

Doyle 1983a – *Doyle M.W.* Kant, Liberal Legacies, and Foreign Affairs. Part 1 // Philosophy and Public Affairs. 1983. Vol. 12. No. 3. P. 205–235.

Doyle 1983b – *Doyle M.W.* Kant, Liberal Legacies, and Foreign Affairs. Part 2 // Philosophy and Public Affairs. 1983. Vol. 12. No. 4. P. 323–353.

Habermas J. (1995) Kants Idee des Ewigen Friedens – aus dem historischen Abstand von 200 Jahren // Kritische Justiz. 1995. Vol. 28. No. 3. P. 293–319.

Hufte 2001 – *Hufte O.* »Königliche Völker« – Zu Kants kosmopolitischer Rechts- und Friedentheorie. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2001.

Kleingeld 2012 – *Kleingeld P.* Kant and Cosmopolitanism. – New York: Cambridge University Press, 2012.

Orend 2000 – *Orend B.* War and International Justice: A Kantian Perspective. – Waterloo: Wilfrid Laurier University Press, 2000.

Orend 2006 – *Orend B.* The Morality of War. – New York: Broadview Press, 2006.

Orend 2007 – *Orend B.* Jus Post Bellum: The Perspective of a Just–War Theorist // Leiden Journal of International Law. 2007. Vol. 20. No. 3. P. 571–591.

Orend 2008 – *Orend B.* Jus Post Bellum: A Just–War Theory Perspective. In: Jus Post Bellum: Towards a Law of Transition From Conflict to Peace / ed. by C. Stahn, J.K. Kleffner. – The Hague: T.M.C. Asser Press, 2008.

Shell 2005 – *Shell S.M.* Kant on Just War and ‘Unjust Enemies’: Reflections on a ‘Pleonasm’ // Kantian Review. 2005. Vol. 10. No. 1. P. 82–111.

Smith 1901 – *Smith M.C.* Translator’s Introduction // *Kant I.* Perpetual Peace: A Philosophical Essay. – London: George Allen & Unwin; New York: Macmillan, 1901.

Williams 2012 – *Williams H.* Kant and the End of War: A Critique of Just War Theory. – New York: Palgrave Macmillan, 2012.

REFERENCES

Andreyeva I.S. (2003) The Age-Old Dream of Humanity. In: Andreyeva I.S. & Gulyga A.V. (Comp.) *Treatises on Perpetual Peace*. Saint Petersburg: Aletheia (in Russian).

Beck U. (2012) Living in the World Risk Society and Taking It into Account: A Cosmopolitan Turn. *Polis. Politicheskkiye issledovaniya*. No. 5, pp. 44–58 (Russian translation).

de Vattel E. (1960) *The Law of Nations: Or, Principles of the Law of Nature Applied to the Conduct and Affairs of Nations and Sovereigns*. Moscow: Gosyurizdat (Russian translation).

Doyle M.W. (1983a) Kant, Liberal Legacies, and Foreign Affairs. Part 1. *Philosophy and Public Affairs*. Vol. 12, no. 3, pp. 205–235.

Doyle M.W. (1983b) Kant, Liberal Legacies, and Foreign Affairs. Part 2. *Philosophy and Public Affairs*. Vol. 12, no. 4, pp. 323–353.

Fichte J.G. (2003) Perpetual Peace: Immanuel Kant's Philosophical Project. In: Andreyeva I.S. & Gulyga A.V. (Comp.) *Treatises on Perpetual Peace*. Saint Petersburg: Aletheia (Russian translation).

Hobbes T. (1991) Leviathan, or The Matter, Forme and Power of a Common-Wealth Ecclesiasticall and Civil. In: Hobbes T. *Works* (Vol. 2). Moscow: Mysl' (Russian translation).

Huffe O. (2001) "Königliche Völker" – Zu Kants kosmopolitischer Rechts- und Friedenstheorie. Frankfurt am Main: Suhrkamp (in German)

Kleingeld P. (2012) *Kant and Cosmopolitanism*. New York: Cambridge University Press.

Kaldor M. (2015) *New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era*. Cambridge, UK: Polity Press (Russian translation: Moscow: Gaydar Institute Press, 2015).

Kant I. (1966) Idea for a Universal History from a Cosmopolitan Point of View. In: Kant I. *Works in 6 Vols.* (Vol. 6, pp. 7–23). Moscow: Mysl' (Russian translation).

Kant I. (1994a) The Metaphysics of Morals. In: Kant I. *Works in 8 Vols.* (Vol. 6). Moscow: Choro (Russian translation).

Kant I. (1994b) Perpetual Peace. In: Kant I. *Works in 8 Vols.* (Vol. 7). Moscow: Choro (Russian translation).

Kumankov A.D. (2016) Concept of Minimal Justice in Brian Orend's Philosophy of War. *Kul'tura: upravleniye, ekonomika, pravo*. No. 2, pp. 6–12 (in Russian).

Orend B. (2000) *War and International Justice: a Kantian Perspective*. Waterloo: Wilfrid Laurier University Press.

Orend B. (2006) *The Morality of War*. New York: Broadview Press.

Orend B. (2007) Jus Post Bellum: The Perspective of a Just-War Theorist. *Leiden Journal of International Law*. Vol. 20, no. 3, pp. 571–591.

Orend B. (2008) Jus Post Bellum: A Just-War Theory Perspective. In: Stahn C. & Kleffner J.K. (Eds.) *Jus Post Bellum: Towards a Law of Transition From Conflict to Peace*. The Hague: T.M.C. Asser Press.

Salikov A.N. (2012) Interpretation of the Ideas of I. Kant's Treatise *Perpetual Peace* in the Modern Liberal Theory of Democratic Peace. *Kantovskiy sbornik*. No. 4 (42), pp. 57–67 (in Russian).

Shell S. M. (2005) Kant on Just War and 'Unjust Enemies': Reflections on a 'Pleonasm'. *Kantian Review*. Vol. 10, no. 1, pp. 82–111.

Smith M.C. (1901) Translator's Introduction. In: Kant I. *Perpetual Peace A Philosophical Essay*. London: George Allen & Unwin; New York: Macmillan.

Williams H. (2012) *Kant and the End of War: A Critique of Just War Theory*. New York: Palgrave Macmillan.



КОГНИТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО



Философия науки



DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-1-101-115

Original research paper

Оригинальная исследовательская статья

Does a Ribosome Really Read? On the Cognitive Roots and Heuristic Value of Linguistic Metaphors in Molecular Genetics* Part 1

S.T. Zolyan

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

*Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Institute of Philosophy, Sociology and Law,

National Academy of Sciences, Yerevan, Armenia

Abstract

We discuss the role of linguistic metaphors as a cognitive frame for the understanding of genetic information processing. The essential similarity between language and genetic information processing has been recognized since the very beginning, and many prominent scholars have noted the possibility of considering genes and genomes as texts or languages. Most of the core terms in molecular biology are based on linguistic metaphors. The processing of genetic information is understood as some operations on text – writing, reading and editing and their specification (encoding/decoding, proofreading, transcription, translation, reading frame). The concept of gene reading can be traced from the archaic idea of the equation of Life and Nature with the Book. Thus, the genetics itself can be metaphorically represented as some operations on text (deciphering, understanding, code-breaking, transcribing, editing, etc.), which are performed by scientists.

*This research is supported by the grant from the Russian Science Foundation (RSF), project no. 17-18-01536 “Knowledge transfer and convergence of methodological practices: Cases of interdisciplinary integration of political, biological, and linguistic research” at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences.

At the same time linguistic metaphors portrayed gene entities also as having the ability of reading. In the case of such “bio-reading” some essential features similar to the processes of human reading can be revealed: this is an ability to identify the biochemical sequences based on their function in an abstract system and distinguish between type and its contextual tokens of the same type. Metaphors seem to be an effective instrument for representation, as they make possible a two-dimensional description: biochemical by its experimental empirical results and textual according to the cognitive models of comprehension. In addition to their heuristic value, linguistic metaphors are based on the essential characteristics of genetic information derived from its dual nature: biochemical by its substance, textual (or quasi-textual) by its formal organization. It can be concluded that linguistic metaphors denoting biochemical objects and processes seem to be a method of description and explanation of these heterogeneous properties.

Keywords: epistemology, philosophy of science, genetic code, genetic reading, genetic translation, genetic information, quasi-mind, cognitive metaphor.

Suren T. Zolyan – D.Sc. in Philology, Professor, Visiting Professor of the Immanuel Kant Baltic Federal University; Research Project Member, Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences; Leading Research Fellow, Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia.

surenzolyan@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0002-4422-5792>

For citation: Zolyan S.T. (2020) Does a Ribosome Really Read? On the Cognitive Roots and Heuristic Value of Linguistic Metaphors in Molecular Genetics (Part 1). *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 63, no. 1, pp. 101–115. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-1-101-115

Может ли рибосома «читать»?

О когнитивной основе и эвристической значимости лингвистических метафор в молекулярной генетике*

Часть 1

С.Т. Золян

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта,
Калининград, Россия

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда. Проект № 17-18-01536 «Трансфер знаний и конвергенция методологических традиций» в Институте научной информации по общественным наукам РАН.

Аннотация

В статье обсуждается роль лингвистических метафор как когнитивной модели концептуализации процесса обработки генетической информации. Сущностное сходство между языком и обработкой генетической информации было осознано уже со времени становления генетики, многие выдающиеся исследователи отмечали возможность рассматривать гены и геномы как тексты или языки. Большинство базовых терминов в молекулярной биологии основаны на лингвистических метафорах. Процессы обработки генетической информации осмысляются как определенные операции с текстом: запись, чтение, редактирование и их разновидности (кодирование/декодирование, корректура, транскрипция, перевод, считывание). Истоки концепта генетического чтения можно проследить начиная с древних представлений о Жизни и Природе как о Книге. Сама генетика может быть метафорически представлена в качестве выполняемых учеными определенных операций над текстом (декодирование, понимание, взлом кода, транскрибирование, редактирование и т.д.). В то же время лингвистические метафоры представляют гены как объекты, обладающие способностью читать. В случае с «биологическим чтением» могут быть выявлены некоторые существенные черты, сходные с процессами чтения человеком: это способность идентифицировать биохимические последовательности на основе их функции в абстрактной системе и опознавать типы и их контекстуальные варианты. Метафоры видятся как эффективный инструмент репрезентации, поскольку они создают возможность двумерного описания: биохимического по своим экспериментальным эмпирическим результатам и текстуального по когнитивным моделям его осмысления. В дополнение к их эвристической значимости, лингвистические метафоры основаны на базовых свойствах генетической информации, двойственной по своей природе: биохимической по материальной субстанции, текстуальной (или квазитекстуальной) по форме организации. Отсюда делается вывод, что лингвистические метафоры, обозначающие биохимические объекты и процессы, представляются должным методом описания и объяснения этих гетерогенных качеств.

Ключевые слова: эпистемология, философия науки, генетический код, считывание гена, транскрипция гена, генетическая информация, квазисознание, когнитивная метафора.

Золян Сурен Тигранович – доктор филологических наук, профессор, приглашенный профессор Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, исполнитель проекта в Институте научной информации по общественным наукам РАН, ведущий научный сотрудник Института философии, социологии и права Национальной академии наук Республики Армения.

surenzolyan@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0002-4422-5792>

Для цитирования: Золян С.Т. Может ли рибосома «читать»? О когнитивной основе и эвристической значимости лингвистических метафор в молекулярной генетике (Часть 1) // Философские науки. 2020. Т. 63. № 1. С. 101–115. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-1-101-115

Introduction

The article addresses the notion of genetic reading: this evergreen metaphor can be traced from the archaic idea of the likeness of life and nature to the Book till the recent portraying of a genome as the Book of Life and the Language of God. We discuss the influence of linguistic metaphors on the understanding of the processing of genetic information: how intuitive notions were originally formed as linguistic metaphors and then led to experiment-based discoveries. In addition to their heuristic value, linguistic metaphors are based on essential characteristics of genetic information derived from its dual nature: biochemical by its substance, textual by its formal organization. Metaphors seem to be an effective instrument for representation, as they make a two-dimensional description possible: biochemical by its experimental empirical results, and textual according to cognitive models of their comprehension.

Metaphors of reading in molecular genetics

In any textbook, one can find an explanation of how a cell or ribosome reads RNA. As a typical example, let us quote Francis Crick's popular book *Life Itself, Its Origin and Nature*: "A ribosome jumps onto each RNA molecule, moving along it, reading off its base-sequence and stringing together amino acids (carried to it by tRNA molecules) to make a polypeptide chain" [Crick 1981, 70].

Sometimes the ability *to read* is attributed to a cell or organism in general, sometimes verbal forms allow to avoid mentioning who is a reader, as it is represented in this simplified explanation: "So, how does a cell know which of these proteins to make?.. Cells decode mRNAs by

reading their nucleotides in groups of three, called codons... Codons in an mRNA are read during translation, beginning with a start codon and continuing until a stop codon is reached. mRNA codons are read from 5' to 3', and they specify the order of amino acids in a protein"¹.

However, schoolchildren and students are not supposed to ask by whom "codons are read." The proper answer cannot be found even in scientific papers describing the technique and specific types of reading activities. Based on the data of the National Centre of Biotechnology Information, USA, Wolfgang Raible has systemized and even calculated the frequency of metaphors derived from the concept of reading:

Four nucleotide bases abbreviated by A, T, G, and C were called the "letters of the genetic alphabet." RNA-polymerase is *reading* (found in ca. 44,500 documents as of 2000; the numbers always cover a period of ten years) DNA-sequences with their *reading-frame/s* (27,700 docs.). This process is called *transcription* (81,000 docs. in 1997; 148,100 in 2000 and a total of 212,300 for the family transfer* in 2000), and this happens thanks to *transcription factors* (92,300 docs. in 2000). Associated with transcription is an immediate process of *proofreading* or *proof reading* (700 docs.).

The result is called a *copy* (20,000 docs.) subject to further *editing* (2,100) or *copy editing* (52). The resulting string of mRNA will be *translated* (20,000 docs. in 1997, 75,400 for translat* in 2000) into a polypeptide. This is made possible because the triplets of nucleotides *encode* or are *coding for* amino acids (130,000 docs. for code*/coding in 1997, 253,000 in 2000). The whole process is called *gene expression* (245,400 docs. as of 2000). The use of the metaphor does not end here... The genome of lots of species is being *deciphered* actually (830 docs) [Raible 2001, 105–106] (see also: [Avisé 2001]).

In spite of the fact that this research covered literature published before 2000, the situation has not essentially changed. As it is demonstrated [O'Keefe et al. 2015], the most common metaphor in use is that of the genome as "text," though the idea of "editing" now appears to be more valid for public discussion than "reading." As this is stated in the most recent research, this metaphor still remains the principal and can easily be combined with metaphors of other semantic types: "With these metaphors, we enter a metaphorical field

¹ *The Genetic Code*. Khan Academy. Retrieved from <https://www.khan-academy.org/science/biology/gene-expression-central-dogma/central-dogma-transcription/a/the-genetic-code-discovery-and-properties>

governed by a different master metaphor compared to the older ‘book of life’ metaphors. One might call it the ‘circuit of life’ metaphor. This metaphor (which links up with the older one of ‘programming life’) shifts the way we talk and think about genes and genomes away from the book (and cutting and pasting and editing paper) and towards the machine and the computer” [McLeod & Nerlich 2017, 7].

So, it is possible to go further and try to reveal semantic roots of these terminological usages and describe them not only as some linguistic device, but first of all, as a coherent notional system and conceptual tool for comprehension of genetic processing. Such attempts were made before in seminal works of prominent philosophers of science Evelyn Fox Keller (2002) and Lilly Kay (2000), who had chosen as a subject for their research the origin and functioning of this kernel metaphor of genetic reading. In spite of the different bases of their research, both researchers are inclined to consider it as a product of “a Language in operation,” or as generated by some discursive practices connected with some dominating notional paradigm: “There were no genetic messages in the 1930s, genes did not transfer information before the 1950s, they only possessed biochemical specificities” [Kay 2000, 18].

One can agree upon that, but at the same time, this explanation does not seem to be exhaustive or comprehensive, as there also was no idea about the genetic code in the 1930s and protein synthesis and genomics in the 1950s. Besides, as it has been mentioned many times, apart from linguistic-oriented metaphors, there are a lot of others (physicalist, mechanical, engineering, architectural, organic, cybernetic, theological, etc.), and all of them can be explained as a result of some discursive paradigm. However, as it seems, the language-based metaphors are the central, systemic and most coherent ones, they describe the whole processes of gene expression on all of its stages and manifestations. The general inconsistency and incompleteness of metaphorical reasoning and understanding, as it seems, does not affect language-based metaphors in molecular biology. It is not that step by step genetic terminology liberates itself from the initial metaphorical connotations and reduces the processing of genetic information to its bio-chemical substratum. One can observe quite the opposite trend: initially emerging just as a comparison, then the reading-based terminology does not lose its linguistic features and is deeply embodied in the theoretical frame of molecular genetics and even gives birth to the new flourishing disciplines (biosemiotics, bioinformatics, and their still non-recognized cousins: bio-hermeneutics, bio-linguistics, even

protein linguistics, etc.). All of them are based on the assumption that processing genetic information does not essentially differ from reading and writing. As these metaphors are “more equal” than all the others, so some additional causes should be elucidated as an explanation of their vitality.

Life as a text without an author: more than a metaphor

However, *reading* is not a core concept of the basic terminology of molecular genetics. It is a derivative from the other concept, a written text, which seems to be the central point of this conceptual system. The similarity between text and genetic information was recognized from the very foundation of genetics – since the discovery of the genetic function of the DNA by F. Miesher. At first, this was just a comparison between two recursive systems where an infinite number of derived configurations (“words”) from some restricted set of the initial elements (“an alphabet”) can be generated. According to Miesher, in these huge molecules all the wealth and variety of heredity transmissions can find expression, “just as all the words and concepts of all languages can find expression in twenty-four to thirty letters of the alphabet” (cited in: [Trifonov 2000, 5]).

Of course, in such usages, the terms “an alphabet” and “words” should be understood in a broad and formal sense (this only happened in the second half of the 20th century, in mathematical linguistics). Nevertheless, the concept of Language remains a prototype for all such denotative and connotative meanings. Miesher’s brief observation contains two basic ideas, about finite and minimal sets of formal elements which are blocks for infinite “wealth and variety” of derived constructions. What is missing here is that there should also be rules of formation, a language (the correct notion of grammar seems to be too technical, it occurs not as a metaphor, but only in its literal meaning in special articles on bio-linguistics and bio-semiotics). If processing the genetic information is equated with the processing of verbal text (especially with written, but not oral text), this implies a notion of language (rules of formation and understanding of “words” or “sentences”).

Thus, the quest for rules of heredity may be identified with either revealing an unknown language, or deciphering a code. The introduction of the notion “the hereditary code-script” was the first step in this direction. Initially, it is endowed with some features of a supra-natural omniscient being: “In calling the structure of the

chromosome fibers a code-script we mean that the all-penetrating mind, once conceived by Laplace, to which every causal connection lay immediately open, could tell from their structure whether the egg would develop, under suitable conditions, into a black cock or into a speckled hen, into a fly or a maize plant, a rhododendron, a beetle, a mouse or a woman” [Schrödinger 2012, 21–22].

Code-script is able to do even more than to predict the further development of a cell: “But the term code-script is, of course, too narrow. The chromosome structures are at the same time instrumental in bringing about the development they foreshadow. They are law-code and executive power – or, to use another simile, they are an architect’s plan and builder’s craft – in one” [Schrödinger 2012, 22].

The code-script is depicted as a self-acting, self-planning, self-executing, self-referring, self-describing and self-prescribing Being. Of course, this notion initially used as a metaphor, obtains new semantics. At the first stage of conceptualization, the features of a semiotic sign system (code-script) are transferred onto a living organism: a chromosome contains the pattern of its further development, its “script-code.” At the second stage, vice versa, the script-code (the-chromosome-as-a-sign-system) is considered as a perfect living Creature endowed with mind, will, abilities to envisage, and even power.

Although Schrödinger’s idea on the decisive function of chromosomes was not confirmed, the term “code” that he suggested became an important concept for describing mechanisms of inheritance. With all the differences in their approaches, the experimental researches were subordinated to the logic of revealing and even “cracking” of the secret encryption code. The search for genetic regularities was reformulated in semiotic terms since the biochemical characteristics of heredity can be represented in the form of signs (“digits,” “letters” and “words”). The discoveries of the deepest mechanisms of heredity were considered as a semiotic problem, i.e., as identification of rules of mapping of one sign system onto another. In this way the problem was formulated by George Gamow, rightfully considered as the predecessor of the genetic code discovery. According to him, “the hereditary properties of any given organism could be characterized by a long number written in a four-digital system. On the other hand, the enzymes (proteins), the composition of which must be completely determined by the deoxyribonucleic acid molecule, are long peptide chains formed by about twenty different kinds of amino acids, and

can be considered as long ‘words’ based on a 20-letter alphabet. Thus, the question arises about the way in which four-digit numbers can be translated into such ‘words’” [Gamow 1954, 318].

Following this logic, Francis Crick characterized his fundamental discovery of the genetic code as a “linkage” between two “languages”: “The elucidation of the genetic code is indeed a great achievement. It is, in a sense, the key to molecular biology because it shows how the two great polymer languages, the acid language, and the protein language, are linked together” [Crick 1966, 9].

Therefore, there are two languages and rules of correspondence between them. Genetic code which was thought by Schrödinger as the all-penetrating mind now is transformed into something like a vocabulary in Gamow’s style: “The genetic code is the small dictionary, which relates the four-letter language of nucleic acids to the twenty-letter language of the proteins” [Crick 1981, 170].

The rapid experimental elucidation of bio-molecular mechanisms of heredity makes it possible to specify the so-called linguistic operations, which were associated with the processing of genetic information. So, instead of the undifferentiated and at the same time “narrow” concept of script-code where characteristics of an author, interpreter, text, and language were blended, the more specific concepts associated with operations on the text have appeared. The equating of the genetic information with text caused the corresponding association. Therefore, the processing of genetic information was likened to operations with text, and different stages and mechanisms for processing genetic information found their correspondences. First of all, the two basic opposing operations with a text, writing and reading, were differentiated and separated. The related stages of these processes are identified and then localized in different areas. Thus, processes associated with writing found their place in DNA, while reading and translation were located in RNA. The protein synthesis was represented as the series of operations meant to convert a sequence of nucleotides into an amino acid sequence, where each triplet (combination of three nucleotides) corresponded to some of the 20 amino acids (or with one of the four nonsense codons, a sort of punctuation mark for benching a beginning or termination of protein synthesis). During this process, some additional operations, as well as possible errors modifying the original message, are also possible: editing, misreading, and even proof-reading (to detect and correct possible mistakes).

In addition to the processes that can be called creative, as they require some “understanding,” there are also more mechanical operations with the text – these are different types of its replication². These are the processes of rewriting, copying, and transcription: as when transferring from one strand to another, a triplet of nucleotides is replaced with its mirror copy; thus the same unit of text is rewritten in different letters in the reverse order. Transcription is a general term for this whole process occurring in DNA.

The totality of all these operations, the proper designation of the whole process of protein synthesis is named expression – where the linguistic connotations also are apparent – some initial meaning receives its surface form and is identified with some “expression” (some protein). So, the process of protein synthesis appears as a sequence of operations with text, where DNA and RNA consequently perform the functions of a chirographer, cryptographer, reader, and translator.

However, who is the author of the original text? Taken as it is, this issue can be ignored, as for all the processes mentioned above, it does not matter by whom this “text” was written. Most importantly, it should be adequately “rewritten,” “read,” and “translated.” However, our habit of treating an author as a prime cause of a text urges us to attribute it to someone, even by reconstructing or inventing some imaginary author. The Laplacian “all-penetrating mind” seemed too abstract for claiming authorship. Hence there arise such common expressions as the language of God or the language of Nature. These expressions can be understood both metaphorically and literally. The head of the Human Genome Project, Francis Collins, reproduces a significant dialogue that took place during the ceremony on the occasion of the completion of this project:

“Today,” he [Clinton] said, “we are learning the language in which God created life. We are gaining ever more awe for the complexity, the beauty, and the wonder of God’s most divine and sacred gift”... When it came time

² Cf.: “It is important to note that the process that is called translation in cellular biology differs radically from transcription and replication processes in the cell. While transcription and replication are stereochemical processes in which the molecular matching can be predicted from chemical laws, the correspondence between RNA codons and amino-acids in translation is not deducible from stereochemical laws since this is based on a historically acquired code. This puts the molecular translation process above the lower semiotic threshold, as different from transcription and the replication processes in the cell” [Marais & Kull 2016, 174].

for me to add a few words of my own, I echoed this sentiment: “It’s a happy day for the world. It is humbling for me, and awe-inspiring, to realize that we have caught the first glimpse of our own instruction book, previously known only to God” [Collins 2006, 2–3].

Later F. Collins published the books *The Language of God* and *The Language of Life* [Collins 2006; Collins 2010]. Thus, there is the language of God, and the book of life is written in this language. Life is a product of God’s activity. As one can see, the archaic idea about the Book of Life where God records the names and destinies of all human beings is re-incarnated in one of the greatest scientific projects of the 20th century (cf.: [Weigmann 2004]). However, this idea is entrenched in the culture of the modernity, and the concept of “authorship” was endowed with some theological, if not divine features. In some respect, this attitude was expanded onto persons who can read this sacral message. As it was demonstrated in [Keller 2002], a new differentiation came around: between common people, who are not able to read and understand genetic messages, and professional molecular biologists, who are in a position to read and rewrite genetic texts. E.F. Keller mentioned Crick’s comments on the subject “Genetics and Eugenics” (1963): he had foreseen the new social order where the capacity of a molecular biologist to read and rewrite genetic messages would be complemented by power to intervene in order to improve the human race: “We are likely to achieve a considerable improvement (in the human stock through genetics)... that is by simply taking the people with qualities we like and letting them have more children” [Keller 2002, 85–86]. The ongoing success in genomics and synthetic biology achieved after 1963 makes it possible to establish a new order and new power as the actual challenge:

Metaphors of books, machines, and computers are all highly visible in debates about synthetic biology. They frame discussions about life and the living in terms of reading/writing/editing, designing/engineering, and mass production, thus emphasizing the power, but not really the responsibility, of science and scientists. This power is now doubly asserted as “editing” has moved from being a mere metaphor to being a “reality” in the form of “gene editing” – and thus needs to take place responsibly, given that mistakes are as easy to make as the technology is to use [McLeod & Nerlich 2017, 8].

However, another vision seems to be getting more appropriate. In the post-modern epoch, an Author as the main concept is replaced by

the concept of a Reader³ and is now regarded not as a creator, but as something derived from a text as some of the textual functions. The expression “Language of Life” can be understood in another way, where Life itself (or Nature) is portrayed as a creator or speaker of this language. However, as in the case of natural languages, the notion of authorship is contradictory and non-applicable, so it is possible to avoid it. “What does it matter who is speaking?” This final statement of Foucault’s famous lecture [Foucault 1977] can also be recalled on this occasion. Such an approach emphasizes the Language and becomes essential for understanding a text. The notion of language also can be understood with different degree of metaphorical or literal, even fundamentalist interpretation. Thus, referring to the Nobel Prize winner’s book, one of the most outstanding linguists of the 20th century Roman Jakobson mentioned:

The title of the book by George and Muriel Beadle, *The Language of Life*, is not a mere figurative expression, and the extraordinary degree of analogy between the systems of genetic and verbal information fully justifies the guiding statement of this volume: “The deciphering of the DNA code has revealed our possession of a language much older than hieroglyphics, a language as old as life itself, a language that is the most living language of all” [Jakobson 1970, 437].

The remarkable fact is that the linguist did not reproduce the continuation of this quotation, he did not go so far as the prominent biologists had done. For them, DNA seemed to be not an analogue of a language, but it was the “DNAese” language: “The unknown language was the molecular one of DNA. Science can now translate at least a

³ Cf.: “We know that a text does not consist of a line of words, releasing a single ‘theological’ meaning (the ‘message’ of the Author-God), but is a space of many dimensions, in which are wedded and contested various kinds of writing, no one of which is original: the text is a tissue of citations, resulting from the thousand sources of culture, ...the unity of a text is not in its origin, it is in its destination; but this destination can no longer be personal: the reader is a man without history, without biography, without psychology; he is only that someone who holds gathered into a single field all the paths of which the text is constituted... The reader has never been the concern of classical criticism; for it, there is no other man in literature but the one who writes. We are now beginning to be the dupes no longer of such antiphrases... we know that to restore to writing its future, we must reverse its myth: the birth of the reader must be ransomed by the death of the Author” [Barthes 1977, 146, 148].

few messages written in DNAese into the chemical language of blood and bone and nerves and muscles” [Beadle & Beadle 1966, 207].

Another Nobel Prize winner, F. Jacob (by the way, he was Jakobson counterpart of in a French TV program) preferred to speak about the linguistic models and their heuristic value in genetics rather than about language, as such models made it possible to account for and describe multiple facts about the heredity process [Jacob 1977]. However, the concept of the DNA language does not cease in his and his prominent co-author J. Monod’s conception – it only was replaced by another term, the program, which successfully combines features of the self-written text and self-operated language:

In the genetic program, therefore, is written the result of all past reproductions, the collection of successes, since all traces of failures have disappeared. The genetic message, the program of the present-day organism, therefore, resembles a text without an author, that a proof-reader has been correcting for more than two billion years, continually improving, refining and completing it, gradually eliminating all imperfections. What is copied and transmitted today to ensure the stability of the species is this text, is ceaselessly modified by time [Jacob 1973, 287] (see also: [Peluffo 2015]).

The new, very peculiar subject has appeared here: a proof-reader of this self-written text instead of an author. Of course, this means more than considering genetic messages as a self-regulating system. A lot of new additional characteristics of the genetic information processing lead to the conclusion that besides being a self-regulated system, an organism can be considered a self-reading text:

An organism could be viewed as a set of texts, which are translating each other and as a result building new texts. All these texts are components in cycles of replacement or reproduction, thus directly or indirectly also in cycles of self- replacement and self-production. Thus, an organism could be viewed as a set of reading and translating processes, in which some components of the organism read and translate other components of the same organism. Consequently, an organism is a self-reading text [Kull 1998, 94]⁴.

⁴ Yuri Lotman preferred to use the opposite perspective and regard a text as an intelligent organism: “At this stage of growing structural complexity, a text displays the properties of an intellectual device: it not only conveys the

So, instead of the Author of text, another Being is supposed to be a kernel point of the conceptual system – a “speaker” of this language, or, more definitely, a scripter and reader of the text. An organism, Cell, DNA/RNA, Gene, Genome, Ribosome – these molecular entities can be easier identified by scientists than incomprehensible God or Life, and they are endowed with the ability to read, translate, and (re-)write. Thus, we return to our question: could a ribosome really read, as Francis Crick and many other scientists assume?

REFERENCES

Avise J.C. (2001) Evolving Genomic Metaphors: A New Look at the Language of DNA. *Science*. Vol. 294, no. 5540, pp. 86–87.

Barthes R. (1977) The Death of the Author. In: Barthes R. *Image, Music, Text* (pp. 142–148). London: Fontana Press

Beadle G.W. & Beadle M. (1966) *The Language of Life: An Introduction to the Science of Genetics*. Garden City, NY: Doubleday.

Crick F. (1966) The Genetic Code – Yesterday, Today and Tomorrow. In: *Cold Spring Symposium on Quantitative Biology* (Vol. 31, pp. 3–9). Cold Spring Harbor, NY: Cold Spring Harbor Laboratory Press.

Crick F. (1981) *Life Itself: Its Origin and Nature*. London: Simon and Schuster.

Collins F.S. (2006) *The Language of God*. New York: Free Press.

Collins F.S. (2009) *The Language of Life: DNA and the Revolution in Personalized Medicine*. New York: Harper-Collins.

Gamow G. (1954) Possible Relation between Deoxyribonucleic Acid and Protein Structures. *Nature*. Vol. 173, no. 4398, p. 318.

Foucault M. (1977) What is an Author. In: Foucault M. *Language, Counter-Memory, Practice: Selected Essays and Interviews* (pp. 113–138). Ithaca, NY: Cornell University Press.

Keller E.F. (2002) Language in Action. Genes and Metaphor of Reading. In: Dorries M. (Ed.) *Experimenting in Tongues: Studies in Science and Language* (pp. 75–88). Stanford: Stanford University Press.

Kay L. (2000) *Who Wrote the Book of Life?: A History of the Genetic Code*. Stanford: Stanford University Press.

information put into it... but also transforms messages and develops new ones. ...a text presents itself not as a realization of a message in some language, but as a complex system storing diverse codes capable of transforming messages received and generating new ones, a generator of information with the traits of an intelligent person” [Lotman 1988, 55].

Kull K. (1998) Organism as a Self-Reading Text: Anticipation and Semiosis. *International Journal of Computing Anticipatory Systems*. Vol. 1, pp. 93–104.

Jacob F. (1973) *The Logic of Life: A History of Heredity* (B.E. Spillmann. Trans.). New York: Pantheon Books.

Jakobson R.O. (1970) Linguistics and Its Relation to Other Science. In: *Main Trends of Research in Social and Human Sciences. Part 1. Social Sciences* (pp. 419–463). Paris: Mouton.

Lotman Y.M. (1988) The Semiotics of Culture and the Concept of a Text. *Soviet Psychology*. Vol. 26, no. 3, pp. 52–58.

Marais K. & Kull K. (2016) Biosemiotics and Translation Studies. In: Gambier Y. & van Doorslaer L. (Eds.) *Border Crossing: Translation Studies and Other Disciplines* (pp. 169–188). Amsterdam: John Benjamins.

McLeod C. & Nerlich B. (2017) Synthetic Biology, Metaphors and Responsibility. *Life Sciences, Society and Policy*. Vol. 13, article 13.

O’Keefe M., Perrault S., Halpern J., Ikemoto L., & Yarborough (2015). “Editing” genes: A case study about how language matters in bioethics. *The American Journal of Bioethics*. Vol. 15, no. 12, pp. 3–10.

Peluffo A.E. (2015) The “Genetic Program”: Behind the Genesis of an Influential Metaphor. *Genetics*. Vol. 200, no. 3, pp. 685–696.

Raible W. (2001) Linguistics and Genetics: Systematic parallels. In: Haspelmath M., König E., Oesterreicher W., & Raible W. (Eds) *Language Typology and Language Universals. An International Handbook* (pp. 103–123). Berlin: Walter de Gruyter.

Schrödinger E. (2012) What is Life? In: Schrödinger E. *What is Life?: With Mind and Matter and Autobiographical Sketches* (pp. 3–92). Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Trifonov E. (2000) Earliest pages of Bioinformatics. *Bioinformatics*. Vol. 16, no. 1, pp. 5–9.

Weigmann K. (2004) The Code, the Text and the Language of God. *Science and Society*. Vol. 5, no. 2, pp. 116–118.

To be continued

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-1-116-135

Оригинальная исследовательская статья

Original research paper

Критика телеофункционалистского решения проблемы ментальной каузальности Д.Б. Волкова*

А.В. Кузнецов

Московский государственный университет

имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена критике телеофункционалистского решения проблемы ментальной каузальности, предложенной Дмитрием Волковым в недавно вышедшей монографии «Свобода воли. Иллюзия или возможность». Д.Б. Волков предлагает решение сразу трех больших метафизических проблем – ментальной каузальности, тождества личности и свободы воли. Решение первой проблемы строится на оригинальном совмещении преимуществ телеофункционалистской модели Деннета и локального интеракционизма Васильева. Телеофункционалистская модель ментальной каузальности Волкова стремится доказать каузальную релевантность ментальных свойств как нелокальных и высокопорядковых. Обоснование этой модели состоит, на мой взгляд, из трех элементов: критики проблемы исключения и модели ментальной каузальности Кима, аргумента «Библиотека первых изданий», редукции аргумента каузальных траекторий (АКТ 1) Васильева к аргументу-двойнику (АКТ 2) Волкова. Каждый из этих элементов сталкивается с возражениями. Критика Кима опирается на неявное смешение двух видов редукции – от супервентности и от множественной реализуемости. Последний вид не угрожает построениям Кима, однако именно его использует в своей критике Волков. Аргумент «Библиотеки первых изданий» не достигает своей цели в силу композиционных особенностей и потому что нелокальные реляционные свойства являются видом экстерналичных свойств, которые не могут быть каузально релевантными. Редукция АКТ 1 к АКТ 2 неудачна, поскольку в случае этой редукции теряется важное свойство АКТ 1 –

* Статья подготовлена в рамках деятельности ведущей научной школы МГУ имени М.В. Ломоносова «Трансформации культуры, общества и истории: философско-теоретическое осмысление».

это *локальные* ментальные свойства, благодаря которым происходит влияние *нелокальных* физических факторов. Мое главное возражение заключается в том, что понятие каузально релевантных нелокальных свойств несовместимо с понятием причины. Это связано с тем, что только локальные свойства могут входить в набор каузально релевантных свойств причины.

Ключевые слова: каузально релевантные свойства, локальные свойства, телеофункционализм, проблема ментальной каузальности, причинность, аргумент каузальных траекторий, аргумент “Библиотека первых изданий”.

Кузнецов Антон Викторович – кандидат философских наук, научный сотрудник Московского центра исследования сознания при философском факультете МГУ имени М.В. Ломоносова, младший научный сотрудник кафедры истории зарубежной философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

anton.smith@philos.msu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0515-8160>

Для цитирования: Кузнецов А.В. Критика телеофункционалистского решения проблемы ментальной каузальности Д.Б. Волкова // Философские науки. 2020. Т. 63. № . С. 116–135.
DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-1-116-135

Criticism of D.B Volkov’s Teleofunctional Solution to the Problem of Mental Causation*

A.V. Kuznetsov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract

The articles examines the teleofunctional solution to the problem of mental causation, presented by Dmitry Volkov in his recently published book *Free Will. An Illusion or an Opportunity*. D.B. Volkov proposes solutions to three big metaphysical problems – mental causation, personal identity, and free will. Solving the first problem, Volkov creatively combines the advantages of Dennett’s teleofunctional model and Vasilyev’s local interactionism. Volkov’s teleofunctional model of mental causation seeks to prove

* The article is prepared within the course of the research activity of Lomonosov Moscow State University’s scientific school “The Tranformation of Culture, Society and History: Philosophical and Theoretical Comprehension.”

the causal relevance of mental properties as non-local higher order properties. In my view, its substantiation is based on three points: (a) critics of the exclusion problem and Kim's model of mental causation, (b) "Library of first editions" argument, (c) reduction of the causal trajectories argument (CTA 1) by Vasilyev to the counterpart argument (CTA 2) by Volkov. Each of these points faces objections. Kim's criticism is based on an implicit confusion of two types of reduction – reduction from supervenience and from multiple realizability. The latter type does not threaten Kim's ideas, but Volkov uses this very type in his criticism. The "Library of first editions" argument does not achieve its goal due to compositional features and because non-local relational properties are a type of external properties that cannot be causally relevant. The reduction of CTA 1 to CTA 2 is unsuccessful since, in the case of this reduction, important features of CTA 1 are lost – these are local mental properties, due to which the influence of non-local physical factors occurs. My main objection is that the concept of causally relevant non-local properties is incompatible with the very concept of cause. The set of causally relevant properties of cause can only be local.

Keywords: causally relevant properties, local properties, teleofunctionalism, the problem of mental causation, causation, argument of causal trajectories, "Library of first editions" argument.

Anton V. Kuznetsov – Ph.D. in Philosophy, Research Fellow, Moscow Center for Consciousness Studies, Lomonosov Moscow State University; Junior Research Fellow, Department of the History of Philosophy, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University.

anton.smith@philos.msu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0515-8160>

For citation: Kuznetsov A.V. (2020) Criticism of D.B Volkov's Teleofunctional Solution to the Problem of Mental Causation. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 63, no. , pp. 116–135. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-1-116-135

Введение

Проблема ментальной каузальности – это проблема того, как ментальные события могут быть причинами физических или как вообще возможна ментальная причинность. У нее есть множество формулировок. В данной статье она предстает как проблема каузальной релевантности ментальных свойств, главной трудностью которой является «аргумент исключения»

[Kim 1990, 36–56]. Обычно ментальная каузальность создает трудности для дуалистических онтологий. Однако смещение акцента на понятие каузальной релевантности ментальных свойств неожиданно показало, что физикалистские онтологии сознания тоже испытывают трудности с ментальной каузальностью. По этой причине большинство современных моделей каузации ментального являются физикалистскими¹. В данной статье речь будет идти об одной из таких моделей – телеофункционалистское решение проблемы ментальной каузальности Д.Б. Волкова [Волков 2018]. По моему мнению, главная особенность этого решения заключается в том, что оно пытается предложить метафизический ответ на рассматриваемую проблему, в то время как подавляющее большинство физикалистских моделей ментальной каузальности базируются на неприятии самого ее метафизического статуса и на смещении вопроса в сторону анализа объяснительных практик и не-юмеанского истолкования причинности. Ниже будет дано представление об этом решении и сути выдвигаемой критики, в остальных частях она предстанет в развернутом виде.

Телеофункционалистское решение проблемы ментальной каузальности Волкова

Телеофункционалистская модель² ментальной каузальности Волкова подразумевает каузальную релевантность³ высокопорядковых нелокальных свойств, которые релевантны для объяснения возможных отличий в каузальных траекториях двух идентичных физических систем. Эти свойства являются либо физическими,

¹ Например, аномальный монизм Дэвидсона [Davidson 1970, 79–101], контрафактическая модель ментальной каузальности Бейкер [Baker 1993, 75–95], аналитический функционализм Льюиса [Lewis 1966, 17–25], стратегия двойного экспланандума Бурже [Burge 1993, 97–120], программное объяснение Джексона и Петтита [Jackson, Pettit 1990, 107–117].

² Такое название связано с тем, что модель Волкова является развитием телеофункционалистских взглядов Деннета.

³ Каузальная релевантность – это понятие, характеризующее в первую очередь свойства. Каузально релевантными являются такие свойства, наличие которых гарантирует наличие каузального взаимодействия между событиями или партикуляриями. Другими словами, каузально релевантные свойства – это такие свойства события или партикулярии, без которых каузальное взаимодействие не имело бы места. Наличие каузально релевантных свойств определяет каузальную действенность события или партикулярии.

либо *фундированы* физическими свойствами. Ментальные состояния влияют на поведение организма в качестве высокопорядковых нелокальных физических свойств.

Поскольку понятие локальных и нелокальных свойств может вызывать затруднения, дадим определение.

Локальные свойства – это свойства, которыми актуально обладает предмет, т.е. здесь и сейчас, в конкретном пространственно-временном состоянии, или это свойства актуального события, которое происходит в данный момент времени. Множество локальных свойств предмета или события ограничивается способом индивидуации этого предмета или события.

Из этого определения тривиально выводятся понятия нелокальных свойств, а также понятия физических локальных и нелокальных свойств.

По моему мнению, решение проблемы ментальной каузальности Волкова имеет три составляющих:

1. Критика проблемы исключения⁴ и модели ментальной каузальности Кима. Эта критика исходит из понятия функциональных⁵ свойств: как высокопорядковые, они не подвержены каузальному исключению, а как нередуцируемые – отвергают модель ментальной каузальности Кима.

2. Аргумент «Библиотека первых изданий» [Волков 2018, 119–123], который призван показать каузальную релевантность нелокальных высокопорядковых свойств.

3. Редукция аргумента каузальных траекторий (АКТ 1) Васильева [Васильев 2014, 83–142] к аргументу-двойнику (АКТ 2) Волкова [Волков 2018, 66–74], которая обеспечивает основание каузальной релевантности нелокальных высокопорядковых свойств.

⁴ Термины «проблема исключения» и «аргумент исключения» в данной статье используются синонимично. Вкратце проблема исключения говорит следующее: если физический мир каузально замкнут, то каузальный потенциал ментального должен быть исключен. Подробнее об этом речь будет идти в статье.

⁵ Функциональные свойства – это свойства, характеризующиеся своими каузальными возможностями (я бы даже сказал каузальным профилем), т.е. тем, что они делают или могут делать. В случае функционализма в философии сознания определение функциональных свойств зависит от того, о какой версии функционализма идет речь – аналитическом, вычислительном, психологическом, ролевом или каком-либо ином.

Критику модели ментальной каузальности Кима [Kim 1998] вряд ли стоит считать успешной, поскольку в ее случае неявно используется два разных понятия редукции. Согласно первому понятию, редукция отсутствует, если отсутствует супервентность⁶. Это ведет к проблеме исключения и не согласуется с решением Кима. Согласно второму понятию, редукция невозможна из-за действия принципа множественной реализуемости [Putnam 1967, 37–48]. Последнее понятие редукции, по мнению Волкова, тоже ведет к проблеме исключения. Однако в модели ментальной каузальности Кима множественная реализуемость высокопорядковых свойств не является угрозой для их каузального потенциала. По этой причине критика Волковым решения проблемы ментальной каузальности Дж. Кима не достигает своей цели.

Аргумент «Библиотеки первых изданий» не достигает своей цели, поскольку нелокальные реляционные свойства являются видом экстерналичных свойств⁷. Экстерналичные свойства не могут быть каузально релевантными, поскольку только локальные свойства могут составлять каузально релевантные свойства причины. В противоположном случае понятие причины обесценивается и она теряет свой статус. Также сам аргумент в силу своей композиции не способен продемонстрировать каузальную релевантность нелокальных высокопорядковых свойств, даже если понятие таких свойств считать когерентным.

Редукция АКТ 1 к АКТ 2 не может обеспечить основание для каузальной релевантности нелокальных высокопорядковых свойств, т.к. в случае этой редукции теряется важный компонент, обеспечивающий доказательство ментальной каузальности в АКТ 1, – это *локальные* ментальные свойства, благодаря которым происходит влияние *нелокальных* физических факторов. Как было отмечено выше, нелокальные свойства сами по себе не мо-

⁶ Определений супервентности ментального на физическом много [Kim 1984, 153–176]. Для целей статьи достаточно следующего: ментальное супервентно на физическом, если невозможны два события тождественных по физическим свойствам, но отличных по ментальным; и если невозможно изменение ментальных свойств события без изменения его физических свойств. Также это отношение может охватывать другие наборы свойств.

⁷ Как будет ясно из последующего изложения, можно установить синонимии между понятиями экстерналичных и нелокальных свойств.

гут быть каузально релевантными. Это противоречит понятию причины.

Критика проблемы исключения и модели ментальной каузальности Дж. Кима

Сначала я кратко разберу суть решения проблемы ментальной каузальности Кимом, а затем обращусь к его критике со стороны Волкова.

Модель ментальной каузальности Кима

На взгляд Кима, проблема ментальной каузальности фундирруется проблемой исключения. Эта проблема основывается на принципе каузальной замкнутости физического (ПКЗ): *если у физического события есть достаточная причина, то эта причина является физической*. Отсюда следует, что у физического события не может быть нефизической достаточной причины. Это означает, что каузальный потенциал ментального должен быть исключен. Можно сформулировать немного иначе: если ПКЗ имеет место, то наличие или отсутствие ментального события не влияет на исход каузального взаимодействия. Значит, каузальный потенциал ментального события должен быть исключен. Это соображение усиливается принципом отсутствия систематической сверхдетерминации физических событий, а также запретом на слабую сверхдетерминацию.

Систематическая сверхдетерминация физических событий: всякое причиняемое физическое событие обладает двумя или более причинами одновременно.

Слабая сверхдетерминация – это причинение события двумя или более причинами, которые метафизически зависят друг от друга.

Запрет на слабую сверхдетерминацию ведет к аргументу супервентности [Kim 1998, 38–47], который показывает, что каузальный потенциал супервентных свойств должен быть исключен. Этот аргумент одновременно запрещает ментальную каузальность для дуалистической и физикалистской онтологии, а также каузацию ментального к ментальному.

Аргумент супервентности приводит к аргументу обобщения [Kim 1997, 281–297]:

1. Все свойства естественных видов⁸ супервентны на физических.

⁸ Для настоящих целей достаточно обойтись немного тавтологичным определением: свойства естественных видов – это свойства, фигурирую-

2. Аргумент супервентности верен: каузальный потенциал супервентных свойств исключается в пользу свойств супервентного основания⁹.

3. Следовательно, каузальный потенциал всех свойств естественных видов как супервентных на физических должен быть исключен.

В итоге получается парадоксальная ситуация, означающая, что в рамках физикалистской онтологии каузальный потенциал есть только у физических свойств. Эта ситуация может быть усилена парадоксом исходного уровня каузации, т.к. перемещаться по цепочке супервентных свойств можно до бесконечности; всегда можно мыслить более фундаментальный уровень супервентных свойств, т.к. внутри домена физических свойств может быть установлена иерархия – например, макро- и микросвойств. В таком случае мы вообще не сможем говорить о свойствах, обладающих каузальным потенциалом.

С точки зрения Кима, т.н. парадокс исходного уровня отражает ошибку в понимании онтологического устройства естественно-го мира – что он разделен на уровни. В действительности надо говорить о порядках одних и тех же процессов. В этом случае каузальный потенциал свойствам естественных видов возвращается, поскольку они представляют собой разные порядки одного и того же каузального процесса, где каузальный потенциал свойств высокого порядка *наследует*¹⁰ каузальный потенциал свойств низкого порядка. Однако он отличен от них точно так же, как один грамм от килограмма – каузальный потенциал килограмма отличается от каузального потенциала грамма, однако килограмм конституирован суммой в тысячу граммов и поэтому *наследует* свойства граммов.

Это решение действенно только в том случае, когда свойства *супервентны и конституированы*¹¹ свойствами супервентного

щие в естественных науках.

⁹ Например, в случае супервентности ментальных свойств на физических первые – это супервентные свойства, а вторые – это супервентные основания или свойства супервентного основания.

¹⁰ Принцип каузального наследования гласит: если свойства высокого порядка реализованы или конституированы свойствами низкого порядка, то каузальные возможности последних переходят (или “наследуются”) и первым.

¹¹ Конституирование – это отношение между порядками свойств, когда свойства более высокого порядка являются ничем большим, чем

базиса. Все свойства естественных видов, по мысли Кима, именно таковы. Следовательно, они обладают каузальным потенциалом. Это решение справедливо и для ментальных свойств, если они находятся в таких же отношениях с физическими. Однако качественные ментальные состояния, по мнению Кима, не подходят для такого решения. В данном случае он вынужден занять позицию методологического эпифеноменализма¹² [Kim 1998, 80–87].

Редукция и проблема исключения

Волков считает, что аргумент обобщения является «двойником» аргумента исключения. Однако в данном случае необходимо сделать важное уточнение. Аргумент обобщения является результатом генерализации аргумента исключения при условии, что свойства разных уровней связаны отношениями супервентности. Например, если мы будем исходить из того, что сознание не супервентно на физическом, то в таком случае аргумент исключения все еще сохраняет свою действенность, а аргумент обобщения – нет. Другими словами, если физикализм истинен, если все свойства супервентны на физических, то аргумент обобщения можно рассматривать в качестве двойника аргумента исключения. Отношения супервентности предполагают метафизическую редуцируемость свойств высокого порядка к свойствам низкого порядка. Таким образом, все свойства в физикалистской онтологии должны считаться редуцируемыми¹³.

Но есть и более сильное понятие редукции, которое предполагает выводимость строгих интертеоретических законов¹⁴. Та-

свойствами низкого порядка. Это отношение противопоставляется эмергентности – отношению между уровнями свойства, когда высокоуровневые свойства являются чем-то большим, чем низкоуровневые свойства, т.е. онтологически не сводимы к свойствам низкого уровня. Понятие этих отношений в современной метафизике само представляет отдельную проблему и отсылает к проблеме основания (grounding) в философии сознания [Ney 2016, 271–300].

¹² Эпифеноменализм – это дуалистический тезис, согласно которому ментальное порождается физическим основанием, но онтологически отлично и каузально бесплодно. Основное отличие от параллелизма в том, что в последнем случае нет порождения. Однако с определенными оговорками и параллелизм можно считать версией эпифеноменализма.

¹³ Это значит, что физикализм не отрицает существование чего-то нефизического, однако все нефизическое онтологически производно от физического, укоренено в нем.

¹⁴ Понятие такой редукции, как выводимости соединительных законов, вырастает из работ Эрнста Нагеля [Nagel 1962, 352].

кая концепция редукции была уже многократно раскритикована [Wimsatt 1976, 671–710]. Выводимость интертеоретических законов ведет к типовому тождеству, однако успех редуктивного объяснения вовсе не полагается на возможность типового тождества, как это попытались показать теоретики частного тождества [Lewis 1966, 17–25]. Поэтому сам по себе тезис множественной реализации является лишь аргументом против сильного понятия редукции, но в целом сохраняет понятие редуктивного объяснения.

Этот момент принципиально важен, поскольку позволит избежать проблем, которые, по мнению Волкова, имеют место быть

Описывая решение проблемы ментальной каузальности Кимом, Волков совершенно справедливо пишет: «Если каузально эффективна основа, каузально эффективны и производные свойства» [Волков 2018, 116]. Далее он говорит, что «ментальные свойства не имеют микробазы, они нередуцируемы и поэтому выступают конкурентами физических в борьбе за каузальную значимость. Соответственно (по АИ¹⁵), в этой борьбе они проигрывают» [Волков 2018, 117]. Это замечание тоже находится в согласии с идеями Кима, т.к. последний признает трудности в объяснении ментальной каузальности квалитативных ментальных состояний, заявляя о своем методологическом эпифеноменализме. Но, замечает Волков, многие высокопорядковые свойства естественных видов тоже нередуцируемы к микробазе, значит, их каузальная действенность находится под угрозой.

Этот вывод я считаю некорректным, поскольку в случае квалитативных ментальных состояний и высокопорядковых свойств естественных видов речь идет о разных понятиях редукции.

В первом случае, квалитативные ментальные состояния нередуцируемы к микробазе, потому что *не супервентны* на физическом основании и, следовательно, *не конституируемы*, т.е. отсутствие редукции в данном случае – это отсутствие супервентности и конституируемости квалитативных ментальных состояний.

Во втором случае высокопорядковые свойства естественных видов нередуцируемы к микробазе, потому что являются *множественно реализуемыми*, т.е. отсутствие редукции здесь – это действие принципа множественной реализуемости, который запрещает типовое тождество и выводимость строгих интертеоретических законов. Однако редукция в этом смысле *не исключает*

¹⁵ АИ – аргумент исключения.

супервентности и конституируемости высокопорядковых свойств естественных видов.

Следовательно, высокопорядковые свойства естественных видов являются редуцируемыми ровно в том смысле, в каком нередуцируемы качественные ментальные состояния. На этот случай у Кима есть специфическое понятие *функциональной редукции*¹⁶, призванное показать, что высокопорядковые свойства естественных наук обладают каузальным потенциалом, если они супервентны на микробазе и находятся с ней в отношении реализации (т.е. являются функциональными), поскольку такие свойства *наследуют* каузальный потенциал микробазы¹⁷.

Иными словами, множественная реализуемость не снимает онтологической производности множественно реализуемых свойств от микробазы. Таким образом, упомянутое предложение «Если каузально эффективна основа, каузально эффективны и производные свойства» автоматически показывает, что множественно реализуемые свойства каузально релевантны.

По этой причине все следующее рассуждение не проходит: «Все эти соображения показывают, что естественные виды, фигурирующие в законах специальных наук, могут быть по-разному реализованы. А следовательно, они не редуцируются к одному свойству как к микробазе. А если они не редуцируются, значит, они конкурируют за каузальную эффективность с базовыми первопорядковыми физическими свойствами и в соответствии с принципом каузальной замкнутости физического мира должны проигрывать в этой конкуренции и быть эпифеноменальными. Таким образом, аргумент исключения исключает из числа каузально эффективных свойств множество свойств, составляющих теоретическую базу специальных наук, подрывает статус их законов и, тем самым, сам сводится к абсурду» [Волков 2018, 118].

Как видно из рассуждения выше, для такого вывода нет оснований, множественная реализуемость сама по себе не является угрозой ни для ментальной каузальности, ни для каузальной релевантности высокопорядковых свойств естественных видов.

¹⁶ Идея функциональной редукции проста – пусть множественно реализуемые свойства не редуцируемы в общем, но они редуцируемы в рамках отдельно взятых типов материальных систем [Kim 1998, 97–103].

¹⁷ По мысли Кима реализация является видом конституирования, а видом реализуемых свойств являются функциональные.

Таким образом, решение проблемы ментальной каузальности Кима сохраняет свою силу в случае предлагаемой критики. Однако это не обесценивает собственный аргумент Волкова в пользу каузальной действенности ментального – «Библиотека первых изданий».

Аргумент «Библиотека первых изданий»

Этот аргумент призван показать, «как одинаковые по фундаментальным физическим свойствам события благодаря свойствам высокого порядка могут приводить к разным действиям» [Волков 2018, 119].

В этом аргументе речь идет о коллекционере, собирающем первые издания книг. Он знает историю каждой книги. Однажды коллекционер получает две идентичные в физическом отношении книги, т.е. неразличимые в физическом отношении. Только одна из них является первым изданием, а вторая – копией. Зная историю каждой книги, коллекционер определяет, какая является первым изданием, и отправляет копию обратно, оставляя первое издание себе. Реляционное свойство «быть первым изданием» определяет расхождение в истории этих двух книг и объясняет, почему одна из них осталась у коллекционера. Значит, «быть первым изданием» – это каузально релевантное свойство. Причем это такое свойство, которое не является физическим. Следовательно, каузальная релевантность свойств высокого порядка доказана.

У этого решения проблемы каузальной релевантности нефизических свойств есть серьезные трудности. Оно может быть отнесено к группе экстерналистских решений проблемы ментальной каузальности, которые предполагают, что каузальный потенциал ментальных состояний объясняется тем, что их содержание может быть полностью экстернализировано, т.е. сведено к объективным отношениям со средой. Сам Волков считает это преимуществом, говоря, что «во множестве стандартных ситуаций высокопорядковые свойства реализованы локально в самом объекте. Интерпретируя эти ситуации, можно настаивать на утечке каузальности к низкопорядковым физическим свойствам. В нашем же случае локальные физические свойства объекта недостаточны для объяснения устойчивой закономерности» [Волков 2018, 121–122]. Таким образом, внешние реляционные свойства, будучи нелокальными, препятствуют «утечке каузальности к низкопорядковым физическим свойствам». Во-первых, этот момент показывает, что критика идей Кима помогает Волкову исключить каузаль-

ный потенциал именно *локальных* высокопорядковых свойств¹⁸. Во-вторых, он демонстрирует, что в аргументе «Библиотека первых изданий» доказывается каузальная релевантность именно *нелокальных* высокопорядковых свойств.

По мнению автора аргумента, предлагаемое объяснение удовлетворяет критериям каузального взаимодействия: «регулярность, контрфактическая зависимость, временное и пространственное соседство» [Волков 2018, 120]. Но среди этих критериев упущен важный для данного случая критерий каузального взаимодействия – *каузальная действенность причины обуславливается ее локальными свойствами*. Если мы объясняем каузальный потенциал причины конкретного события через отсылку к свойствам, которыми эта причина не обладает, то она по определению не может быть причиной, т.к. ее собственные локальные свойства не являются каузально релевантными.

В данном случае, свойство «быть первым изданием» логически зависит от *знания* библиотекарем или от *приписывания* им этого свойства и не является локальным свойством одной из книг. Если бы коллекционер *не знал* этого свойства или *не приписывал* его книге-оригиналу, то каузальные траектории двух физически идентичных объектов не разошлись бы указанным образом¹⁹. Значит, *знание* или *приписывание* свойства «быть первым изданием» является каузально релевантным в этой истории. Нельзя «быть первым изданием», если это свойство никем не приписано, а вот «обладать массой 2 кг» – можно²⁰.

Но можно настаивать, что свойство «быть первым изданием» является локальным свойством книги-оригинала, поскольку указывает на конкретную физическую историю. Это будет справедливо только в одном случае, если физическая история книги-оригинала *с необходимостью* влечет свойство «быть первым изданием». Однако легко показать, что это не так. Представим, что человечество вымерло, а книга-оригинал как физический объект

¹⁸ Повторюсь, то обстоятельство, что, по моему мнению, эта критика не увенчивается успехом, не отменяет значимости рассматриваемого аргумента.

¹⁹ Это предложение проясняет смысл понятия «логическая зависимость».

²⁰ Такое суждение может быть воспринято как философски наивное, но я вынужден оставить его без комментариев в надежде, что читатель разделяет значимую для данного места интуицию, которую вовсе не обязательно экстраполировать на все случаи и контексты.

будет существовать. Она не будет обладать свойством «быть первым изданием». Это трюизм²¹. Кажется, у Волкова есть ответ на это возражение. Когда он рассуждает о мысленном эксперименте «два черных ящика» Деннета [Dennett 2010, 81–84], то обсуждает возможность сохранения семантических свойств системы в отсутствии какого бы то ни было интерпретатора. Но даже если считать это рассуждение истинным, оно не приложимо к истории с книгами, потому что в предыдущем абзаце было показано, что свойство «быть первым изданием» логически зависит от наличия того, кто его приписывает. Напротив, ящики в мысленном эксперименте Д. Деннета будут работать *независимо* от того, как к ним кто-либо или что-либо относится²². В случае с книгами это принципиально не так, необходимо действие внешнего агента, руководствующегося знанием о свойстве «быть первым изданием» или приписывающим его.

Данное рассуждение можно подкрепить дополнительным. «Быть первым изданием» – это не свойство естественного вида в отличие от каузальной физической истории, это культурно обусловленное свойство. Здесь я выдвину следующий тезис – культурно обусловленные свойства онтологически и генетически зависят от существования человеческих сознаний. Если бы в нашем мире не было людей, их сознаний, эволюции языка и культуры, то свойство «быть первым изданием»²³ никогда бы не появилось. Это дополнительно показывает, что логической связи между свойством книги «быть первым изданием» и ее каузальной физической историей нет. Первое свойство – это не локальное свойство *физического* объекта книги-оригинала, а экстернальное, привносимое, логически зависимое от знания и приписывания. Значит, оно не может входить в число каузально

²¹ Конечно, можно сказать, что выжил некоторый робот-коллекционер. Тогда дело не меняется коренным образом, поскольку ситуация все равно зависит от «знания» этого робота, и свойство «быть первым изданием» так и не становится собственным свойством физического объекта книги-оригинала. Вопрос же «знания» робота в данном случае я оставляю за скобками.

²² Оставляя за скобками случаи прямого физического влияния на ящики, которые препятствуют их работе.

²³ Это положение можно оспаривать. На мой взгляд, если возражение против него будет успешным, то оно будет содержать в себе эквивокацию, т.е. исходное значение свойства «быть первым изданием» будет подменено.

релевантных свойств самого объекта – книги. Но тем самым я не утверждаю пока, что свойство «быть первым изданием» не является каузально релевантным, оно *не может быть каузально релевантным свойством книги*.

Можно ограничиться и более простым суждением, которое можно вычлениить из критики выше. То, что происходит с книгами, – результат *действий библиотекаря* и его знания. Вся эта история без библиотекаря не работает. Свойство «быть первым изданием» логически зависит от знания библиотекаря и в самой книге не содержится. Это означает, что именно знание в этом случае – каузально релевантный фактор, именно оно объясняет разницу в истории двух книг. Кроме того книги изначально не представлены как действующие системы. Они сами ничего не делают. Напротив, с ними что-то делают, на них воздействуют. Поэтому в этом случае нет двух идентичных физических систем, т.к. каузальное значение в мысленном эксперименте имеет *отношение библиотекаря к каждой из книг* по отдельности. Отношение библиотекаря к первой книге и отношение ко второй – это две различные физические системы. Поэтому они и ведут себя по-разному. Другими словами, композиция аргумента «Библиотека первых изданий» не содержит в себе «одинаковые по фундаментальным физическим свойствам события», две идентичные книги – это не идентичные события. Тривиально, что события, связанные с каждой из книг, не являются физически индентичными. Следовательно, аргумент в силу композиционных проблем не может справиться с поставленной задачей на самом старте рассуждения.

Мне кажется, что более удачным был бы пример с двумя физически идентичными системами, которые действуют по-разному. В таком случае у объяснения было бы две возможности.

Первая указывала бы на собственные высокопорядковые свойства, которые одновременно были бы и локальными. В данном случае Д. Волков мог бы утверждать, что возможна утечка «каузальности к низкопорядковым физическим свойствам». Однако, чтобы утверждать подобное, необходимо верить, что принцип каузального наследования ведет к такой утечке. Но Волков сам этого не признает, считая, что модель ментальной каузальности Кима работает при редуцируемости высокопорядковых свойств к свойствам низкого порядка. В случае же, когда редуцируемости нет в силу действия принципа множественной реализуемости,

можно обратиться к рассуждению из предыдущего раздела, которое показывает, что множественная реализуемость не является угрозой для каузальной релевантности свойств высокого порядка.

Вторая возможность указывала бы на нелокальные реляционные свойства. Но эта возможность, стоит надеяться, уже закрыта предпринятым рассуждением, поскольку оно универсальным образом исключает каузальную релевантность любых нелокальных реляционных свойств. Даже если нелокальные реляционные свойства были бы свойствами естественных видов, они все равно не могли бы составлять каузально релевантные свойства объекта или события, т.к. не являются его локальными свойствами.

В качестве итога рассуждений (2) и (3) можно считать, что каузальная релевантность высокопорядковых локальных свойств не подорвана и согласуется с моделью ментальной каузальности Кима, а каузальная релевантность нелокальных высокопорядковых свойств, напротив, должна быть исключена.

Редукция АКТ 1 к АКТ 2

В этом разделе я постараюсь объяснить истоки телеофункционалистской модели ментальной каузальности Волкова. Как видно из названия, автор во многом согласен с позицией Деннета и намерен ее усилить: «Необходимо ответить на ключевой аргумент оппонентов (телеофункционализма Деннета. – А. К.) – Аргумент исключения. Для борьбы с ним я хочу воспользоваться более сложной тактикой» [Волков 2018, 111]. Чтобы достичь этого, Волков пользуется идеей о расхождении каузальных траекторий двух идентичных в физическом отношении систем, которая заложена в концепции локального интеракционизма другого российского философа – В.В. Васильева.

Локальный интеракционизм – это модель ментальной каузальности, в которой ментальные свойства являются каузально релевантными, поскольку определяют разницу в поведении двух тождественных в физическом отношении организмов. Сами ментальные свойства являются *локальными*, но передают воздействие нелокальных физических факторов. Согласно этой позиции глобальная супервентность выполняется, а локальная – нет. При этом каузальная замкнутость физического остается не тронутой.

Основанием локального интеракционизма является феноменалистическая онтология, которая строится Васильевым на основа-

нии принципов здравого смысла и аргументативной феноменологии, а также аргумента каузальных траекторий (АКТ 1).

Волков не согласен с позицией Васильева и критикует ее при помощи аргумента-двойника (АКТ 2), который показывает, что каузально релевантные компоненты в аргументе Васильева не должны с необходимостью носить нефизическую качественную природу, они могут быть и просто свойствами программы. От этого суть не меняется.

АКТ 1

«(1) Реально возможно, чтобы мой мозг пришёл к состоянию С в результате различных нейронных событий (А, В и т.д.).

(2) Другие нейронные события могли соответствовать другим биографическим событиям.

(3) Реально возможно, чтобы память отражала биографические события.

(В) Реально возможно, чтобы мой мозг был в одном и том же состоянии С, но моя память отражала различные биографические события (А, В и т.д.)» [Волков 2018, 66].

АКТ 2

«(1) Реально возможно, чтобы жесткий диск моего компьютера пришел в текущее состояние различными путями.

(2) Файловая система хранит информацию (компьютерная память) о последовательности изменений файлов на диске.

(В) Реально возможно, чтобы жесткий диск моего компьютера был в текущем состоянии, но файловая система хранила другую информацию о последовательности записи файлов на диск» [Волков 2018, 67].

Если АКТ 1 возможно редуцировать к АКТ 2, тогда открывается дорога для доказательства каузальной релевантности высокопорядковых физических свойств, которое бы усилило исходные рассуждения Деннета и отвело опасность проблемы исключения.

Здесь я не рассматриваю, насколько успешна критика локального интеракционизма, и буду исходить из ее верности. Проблема заключается в том, что если АКТ 1 редуцируем к АКТ 2, тогда, напротив, каузальная релевантность высокопорядковых свойств должна быть исключена, поскольку автоматически подвергается действию аргумента исключения. Это связано с тем, что принципиальным моментом объяснения каузальной релевантности ментального является то, что ментальные свойства локальны и

у них есть внутренний характер. АКТ 1 должно рассматривать в неразрывной связи с общим проектом феноменилистической онтологии, когда у нас нет *никаких* ресурсов объяснения разницы в поведении идентичных физических систем, кроме отсылки к внутренним локальным ментальным свойствам²⁴. Это в свою очередь связано с анализом базовых когнитивных убеждений, который предпринимается Васильевым. По этой причине ментальное как не внутреннее и нелокальное в рамках локального интеракционизма не может быть каузально релевантным. Если показывается редукция АКТ 1 к АКТ 2, то каузальная релевантность должна исключаться, а не передаваться. Более того, как не раз было сказано, нелокальные физические свойства не могут быть каузально релевантными по определению, а именно к этому и ведет редукция АКТ 1 к АКТ 2 вместо передачи каузальной релевантности.

На мой взгляд, трудности с объяснением ментальной каузальности в телеофункционализме можно разрешить ценой менее значительных усилий, а именно – отрицанием состоятельности самой проблемы исключения, что и делает большая часть физикалистов. Аргумент исключения не является проблемой для телеофункционалиста, потому что можно исходить из объяснительного или прагматического понятия причинности, а не метафизического. Если постулировать, что причинность – это то, что относится к объяснительным практикам, а за их пределами никакое понятие причинности не обладает значением, тогда можно сохранить и каузальный потенциал ментального. Собственно, так и поступает сам Д. Деннет. Успешность этого шага вызывает сомнения, однако анализ понятия причинности для ментальной каузальности выходит за пределы предмета данной статьи.

Заключение

Таким образом, приведены доводы, почему телеофункционалистское решение проблемы ментальной каузальности Д.Б. Волкова сложно считать успешным. Однако данная критика не указывает на то, что телеофункционализм вообще не может быть решением проблемы. Судя по всему, в данном случае необходимо уточнить понятие причинности, попытаться отбросить проблему исключения как таковую и обосновать объяснительную

²⁴ К сожалению, здесь нет возможности подробно рассматривать эту модель, и я отсылаю к самой книге Васильева [Васильев 2014].

независимость разных уровней описания системы, на которой выстраивается телеофункционалистское решение проблемы ментальной каузальности. Допустимо считать, что в обосновании объяснительной независимости нефизических свойств естественных видов достигнуты определенные успехи, однако выполнение этой задачи потребует значительных дополнительных усилий.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Васильев 2014 – *Васильев В.В.* Сознание и вещи: Очерк феноменалистической онтологии. – М.: Либроком, 2014.

Волков 2018 – *Волков Д.Б.* Свобода воли. Иллюзия или возможность. – М.: Карьера Пресс, 2018.

Baker L. – *Baker L.* Metaphysics and Mental Causation // *Mental Causation* / ed. by J. Heil, A. Mele. – Oxford: Clarendon Press, 1993. P. 75–95.

Burge T. – *Burge T.* Mind-Body Causation and Explanatory Practice // *Mental Causation* / ed. by J. Heil, A. Mele. – Oxford: Clarendon Press, 1993. P. 97–120.

Davidson D. – *Davidson D.* Mental Events // *Experience and Theory* / ed. by L. Foster, J.W. Swanson. – Amherst, MA: University of Massachusetts Press, 1970. P. 79–101.

Dennett 2010 – *Dennett D.* Two Black Boxes: A Fable // *Activitas Nervosa Superior*. 2010. Vol. 52. No. 2. P. 81–84.

Jackson, Pettit 1990 – *Jackson F., Pettit P.* Program Explanation: A General Perspective // *Analysis*. 1990. Vol. 50. No. 2. P. 107–117.

Kim 1984 – *Kim J.* Concepts of Supervenience // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1984. Vol. 45. No. 2. P. 153–176.

Kim 1990 – *Kim J.* Explanatory Exclusion and the Problem of Mental Causation // *Information, Semantics, and Epistemology* / ed. by E. Villanueva. – Cambridge, MA: Basil Blackwell, 1990. P. 36–56.

Kim 1997 – *Kim J.* Does the Problem of Mental Causation Generalize? // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1997. Vol. 97. P. 281–297.

Kim 1998 – *Kim J.* Mind in a Physical World: Essays on the Mind-Body Problem and Mental Causation. – Cambridge, MA: The MIT Press, 1998.

Lewis 1966 – *Lewis D.K.* An Argument for the Identity Theory // *The Journal of Philosophy*. 1966. Vol. 63. No. 1. P. 17–25.

Nagel 1962 – *Nagel E.* The Structure of Science: Problems in the Logic of Scientific Explanation. – New York: Harcourt, Brace, & World, 1962.

Ney 2016 – *Ney A.* Grounding in the Philosophy of Mind: A Defense // *Scientific Composition and Metaphysical Ground*. – London: Palgrave Macmillan, 2016. P. 271–300.

Putnam 1967 – *Putnam H.* Psychological Predicates // *Art, Mind, and Religion*. 1967. Vol. 1. P. 37–48.

Wimsatt 1976 – Wimsatt W.C. Reductive Explanation: A Functional Account // Proceedings of the 1974 Biennial Meeting Philosophy of Science Association. – Dordrecht: D. Reidel, 1976. P. 671–710.

REFERENCES

Baker L. (1993) Metaphysics and Mental Causation. In: Heil J. & Mele A. (Eds.) *Mental Causation* (pp. 75–95). Oxford: Clarendon Press.

Burge T. (1993) Mind-Body Causation and Explanatory Practice. In: Heil J. & Mele A. (Eds.) *Mental Causation* (pp. 97–120). Oxford: Clarendon Press.

Davidson D. (1970) Mental Events. In: Foster L. & Swanson J.W. (Eds.) *Experience and Theory* (pp. 79–101). Amherst, MA: University of Massachusetts Press.

Dennett D. (2010) Two Black Boxes: A Fable. *Activitas Nervosa Superior*. Vol. 52, no. 2, pp. 81–84.

Jackson F. & Pettit P. (1990) Program Explanation: A General Perspective. *Analysis*. 1990. Vol. 50, no. 2, pp. 107–117.

Kim J. (1984) Concepts of Supervenience. *Philosophy and Phenomenological Research*. Vol. 45, no. 2, pp. 153–176.

Kim J. (1990) Explanatory Exclusion and the Problem of Mental Causation. In: Villanueva E. (Ed.) *Information, Semantics, and Epistemology* (pp. 36–56). Cambridge, MA: Basil Blackwell.

Kim J. (1997) Does the Problem of Mental Causation Generalize? *Proceedings of the Aristotelian Society*. Vol. 97, pp. 281–297.

Kim J. (1998) *Mind in a Physical World: Essays on the Mind-Body Problem and Mental Causation*. Cambridge, MA: The MIT Press.

Lewis D.K. (1966) An Argument for the Identity Theory. *The Journal of Philosophy*. Vol. 63, no. 1, pp. 17–25.

Nagel E. (1962) *The Structure of Science: Problems in the Logic of Scientific Explanation*. New York: Harcourt, Brace, & World.

Ney A. (2016) Grounding in the Philosophy of Mind: A Defense. In: Aizawa K. & Gillett C. (Eds.) *Scientific Composition and Metaphysical Ground* (pp. 271–300). London: Palgrave Macmillan.

Putnam H. (1967) Psychological Predicates. *Art, Mind, and Religion*. Vol. 1, pp. 37–48.

Vasilyev V.V. (2014) *Consciousness and the Things: Sketches on Phenomenological Ontology*. Moscow: Librokom (in Russian).

Volkov D.B. (2018) *Free Will. Illusion or Possibility*. Moscow: Kar'yera Press (in Russian).

Wimsatt W.C. (1976) Reductive Explanation: A Functional Account. In: Cohen R.S., Hooker C., Michalos A.C., & Van Evra J. (Eds.) *Proceedings of the 1974 Biennial Meeting Philosophy of Science Association* (pp. 671–710). Dordrecht: D. Reidel.



НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ



Приглашение к размышлению



DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-1-136-152

Рецензия

Book review

Мировая война и общество

Рецензия на книгу:

*Белозёров В.К., Даниленко И.С., Емельянов А.И., Касюк А.Я.,
Соловьёв А.В.* Социум. Государственная стратегия. Война:
политико-стратегические уроки
Первой мировой войны. –
М.: Неолит; ИПБ СНГ, 2019.

А.И. Селиванов

*Российский государственный университет нефти и газа (НИУ)
имени И.М. Губкина, Москва, Россия*

Аннотация

В статье проводится концептуальный анализ коллективной монографии «Социум. Государственная стратегия. Война: политико-стратегические уроки Первой мировой войны». Отмечается богатый оригинальный научный аппарат, методическая грамотность монографического исследования – изучение стран-участниц проводится по единому шаблону, в который входят: состояние довоенного общества всех стран-участниц (включая оценку степени авторитетности и эффективности правящих элит, кризисы политических режимов, попытки спасти режимы посредством войны, накопившиеся внутренние социально-экономические и политические проблемы); цели вступления в войну и ожидания от войны у властных и богатых элит (или отсутствие целей); оценка того, как была встречена война в разных слоях общества; эволюция боевого настроения народа в ходе войны; возникавшие в ходе войны проблемы (болезни, продовольствие, военные ресурсы, потери, недовольства и т.д.); эволюция положения женщины в обществе в ходе войны, формирование широкого слоя женщин-тружениц, распространение эмансипации как одного из положительных итогов войны; результаты войны для страны (потери и приобретения). Демонстрируются основные результаты, полученные

в монографии. Обращается внимание на пацифистский характер идеологии монографии, демонстрацию в ней лишений и страданий людей во всех странах, на выявление главной причины Первой мировой войны – амбиции и неэффективность мировых властных и богатых элит, отсутствие у них внятной стратегии. Это привело к фактическому получению максимальных дивидендов США при минимальном участии, но имевших такую стратегию. Обращается внимание на необходимость расширения контекста исследования природы войны до общей конкуренции стран и цивилизаций. Высоко оценивается всесторонний анализ информационно-пропагандистской деятельности стран-участников, утверждается наибольшая эффективность Англии в этом вопросе. На основе монографии предлагается подход к анализу характера будущей мировой войны, выявлению ее потенциальных участников и их целей.

Ключевые слова: философия войны, конкуренция, Первая мировая война, мир (не-война), общество, народ, элиты, цели войны, будущая мировая война, стратегия.

Селиванов Александр Иванович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры национальной безопасности РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина.

seliv21@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0002-6021-9640>

Для цитирования: Селиванов А.В. Мировая война и общество (рецензия на книгу В.К. Белозёрова, И.С. Даниленко, А.И. Емельянова, А.Я. Касюка и А.В. Соловьёва «Социум. Государственная стратегия. Война: политико-стратегические уроки Первой мировой войны») // Философские науки. 2020. Т. 63. № 1. С. 136–152.
DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-1-136-152

World War and Society

Book Review:

Belozerov V.K., Danilenko I.S., Emelyanov A.I., Kasyuk A.Y., & Soloviev A.V. *Society. National Strategy. War: Political and Strategic Lessons of the First World War*. Moscow: Neolit; CIS Institute of Security Problems, 2019.

A.I. Selivanov

*National University of Oil and Gas “Gubkin University”,
Moscow, Russia*

Abstract

The article reviews the concepts of the multi-author book *Society. National Strategy. War: Political and Strategic Lessons of the First World War*. This collective research is notable for rich original scientific apparatus and methodological proficiency. Thus, the analysis of participating countries is conducted according to a single template, which includes: the state of pre-war society in all participating countries (including the assessment of the level of credibility and efficiency of the ruling elites, crises of political regimes, attempts to save regimes by means of war, accumulated internal socio-economic and political problems); goals of engaging in war and expectations of the powerful and financial elites for the war (or lack of goals); assessment of how did different strata of society find the war; the evolution of the morale of the people during the war; problems that arose during the war (diseases, food, military resources, losses, discontent, etc.); the evolution of women's position in society during the war, the development of a broad segment of women-workers, the extension of emancipation as one of the positive results of the war; the outcome of the war for the country (losses and gains). Special attention is drawn to the pacifist nature of the ideology of the reviewed research, demonstration of deprivation and suffering of people in all countries. The book's authors identify the main causes of the First World War: ambitions and inefficiency of the world's elites, the lack of a coherent strategy. As the result, the USA, thanks to their strategy, received the maximum dividends with minimal participation. At the same time, it is noted that the context of research on the nature of war should be expanded to take into account the general competition of countries and civilizations. The authors comprehensively analyze the informational and propaganda activities of the participating countries and conclude that England's activities in this field were the most effective. Based on the methodology of this collective research, the nature of a future world war, its potential participants and their goals can be considered.

Keywords: philosophy of war, competition, World War I, peace (non-war), society, the people, elites, goals of war, future world war, strategy.

Alexander I. Selivanov – D.Sc. in Philosophy, Professor, Department of National Security, National University of Oil and Gas “Gubkin University.”
seliv21@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6021-9640>

For citation: Selivanov A.I. (2020) World War and Society (Book Review: *National Strategy. War: Political and Strategic Lessons of the First World War* by V.K. Belozerov, I.S. Danilenko, A.I. Emelyanov, A.Y. Kasyuk, & A.V. Soloviev). *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 63, no. 1, pp. 136–152. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-1-136-152

Введение

В конце 2019 г. из печати вышла монография «Социум. Государственная стратегия. Война: политико-стратегические уроки Первой мировой войны» [Социум... 2019]. Ее авторами по различным разделам являются доктор политических наук В.К. Белозёров, доктор философских наук И.С. Даниленко, кандидат политических наук А.И. Емельянов, доктор исторических наук А.Я. Касюк, кандидат философских наук А.В. Соловьев. В данном случае важно изначально обозначить принадлежность авторов к различным философским и социальным наукам для обозначения междисциплинарного характера этого исследования и подтверждения обоснованности этой претензии со стороны авторского коллектива.

Прежде всего следует подчеркнуть методическую грамотность работы, серьезную научную обоснованность выводов, апелляцию к оригинальным источникам на множестве иностранных языков. Обратите внимание, что значительная часть источников впервые вовлекается в научный оборот в российской научной мысли. Книга, без сомнения, надолго войдет в научную мысль о войне как научно-исторический источник, как результат глубокого авторского осмысления феномена войны и даже как методический образец – разделы монографии содержат сравнение разных стран и народов на протяжении войны. В работе затронуты и органично взаимоувязаны все аспекты философии и теории войны – философские, внутриэкономические и геоэкономические, внутриполитические и геополитические, военно-теоретические, правовые, общесоциальные (государства, общества и люди в условиях войны), морально-этические, информационные, даже эстетические. Глубина и спектр затронутых проблем настолько важны и широки, что есть все основания для того, чтобы говорить не только о книге (хотя о ней в первую очередь), но и о порождаемых ею вопросах. Все это выводит настоящий текст далеко за рамки обычной рецензии и превращается в размышление о книге.

Война или мир

Современная планетарная реальность с ее историческим прошлым, полнотой конфликтов и противоречий часто приводит к военному противостоянию. Гибнут люди, уничтожаются ресурсы, возникают и исчезают государства и цивилизации, дестабилизируется ситуация в отдельных регионах и на всей планете.

В последние годы в профессиональной среде все чаще вновь говорят о возрастании угрозы новой мировой войны.

В этой связи хотелось бы начать обсуждение монографии с ее сквозной темы – проблемы войны и мира (здесь «мира» в смысле «не-войны»). Авторам безусловно известно, что война несет в себе диалектику разрушения и созидания, что в годы войны не только происходят разрушения и массовая гибель людей, но и усиливается человеческое творческое начало, ускоряются многие созидательные процессы, углубляются гуманистические начала культуры и общества.

Однако монография однозначно направлена против войны. Отметим специально, что такая общая тональность присуща работе несмотря на то, что среди авторов есть старшие офицеры, включая генерала, и логично было бы ожидать радикально противоположной идеологии. Однако это не так. Книга – за преодоление войны на планете как безусловно негативного социального явления. Как пишет в монографии генерал-майор И.С. Даниленко: «Надежным средством и методом гуманизации жизни народов и отношений между ними является только исключение войны из исторического процесса» [Социум... 2019, 15]. Есть все основания утверждать, что этот пацифизм, пронизывающий монографию, обоснован всей идеологией гуманизма Просвещения, всей историей человечества, а также заглубленной мечтой и установкой русского национального духа, русского народа, который однозначно отвечает на вопрос «хотят ли русские войны?» словами Е. Евтушенко: «Да, мы умеем воевать, / но не хотим, чтобы опять / солдаты падали в бою / на землю горькую свою». Иллюстрацией к книге может служить картина В.В. Верещагина «Апофеоз войны», на раме которой сделана надпись: «Посвящается всем великим завоевателям – прошедшим, настоящим и будущим».

Этот общий посыл развивается во всех разделах работы, в которых демонстрируются неисчислимые бедствия людей во время Первой мировой войны, которые легко экстраполируются на все другие войны. Подводя итог исследованию социально-экономической и политической динамики социумов воюющих стран, в конце главы В.К. Белозёров пишет: «Первая мировая война неуклонно ухудшала условия и содержание функционирования социумов всех государств противоборствующих коалиций, делала жизнь все более невыносимой даже для физического существования большинства населения» и даже при различном

запасе социальной прочности к бедствиям войны на ее начальном этапе, он оказался полностью исчерпан у всех стран к моменту ее завершения [Социум... 2019, 93–94]. Вот он – антигуманный лик войны.

Вообще в философии войны на сегодня хотелось бы выделить два противоположных течения, обсуждаемых в работе. Более авторитетна в научных кругах концепция К. фон Клаузевица (война как продолжение политики иными средствами). Менее авторитетна позиция его оппонентов, которая ярче всего представлена в концепции автора теории тотальной войны как неизбежного проявления борьбы за существование немецкого генерала Э. Людендорфа (политика есть продолжение и инструмент войны как сущности бытия). Авторы монографии отдают предпочтение концепции Клаузевица, предлагая современные интерпретации и развивая его идеи, в том числе подробнее анализируя различные подходы в других работах (например, раздел В.К. Белозёрова «Образ будущей войны в политических идеологиях и государственных стратегиях» в другой коллективной монографии [Белозёров 2018]).

Однако, как представляется, научную дискуссию необходимо развивать и дальше, расширяя обсуждение проблемы. Для более точного понимания природы войны, ее роли и места в современном мире целесообразно рассматривать ее в рамках более широкого понятия – конкуренции как диалектики сотрудничества и противостояния, взаимопомощи и борьбы, альтруизма и эгоизма, войны и мира. Это позволяет вовлекать в рассмотрение разные виды конкуренции и более точно оценивать войну как ее разновидность.

Действительно, конкуренция государств (цивилизаций, культур, народов), по всей видимости, является органическим компонентом их социальной природы. Однако у конкуренции есть различные формы – мирное сосуществование, соперничество, соревнование, противостояние («холодная» война), война на поражение, война на подчинение, война на тотальное уничтожение (конкретных народов или социальных групп), война с целью уничтожения части человечества («стало тесно на планете»), война на освобождение или отражение агрессии, гражданская война. В ценностно-эмоциональном содержании конкуренции есть зависть, агрессия, ненависть, разделение, эгоизм, но есть и взаимопомощь, партнерство, союзнические отношения, инте-

грация, альтруизм. Например, мирное сосуществование разного и соревнование более присуще русской культуре. Агрессивным культурам (Запада и Востока) более присущи военные формы решения многих вопросов. Понятие конкуренции не следует сводить к буквальной «борьбе за существование», особенно как она трактуется англосаксами со времен Ч. Дарвина (который сам ее так не понимал). Это наиболее характерно для социальной концепции Т. Мальтуса и его последователей в виде современных неомальтузианских концепций, в особенности для взглядов Римского клуба, некоторые члены которого доходят до откровенно мизантропических идей о необходимости уничтожения огромной части человечества и снижения его численности до нескольких сот миллионов.

На деле война и мир (как не-война) – это диалектика противоположностей, заложенная в динамике социального «тела» и духа народа (народов); диалектика сотрудничества-соревнования за выживание и собственную роль в мире и «место под солнцем». Без сомнения, мирные формы конкуренции возможны и их доминирование желательно, в чем можно согласиться с авторами монографии. Но в условиях существования агрессивных народов и культур, агрессивных социальных групп полная победа мирных форм конкуренции вряд ли возможна. Более того, война является не только продуктом злой воли отдельных людей или конкретных социальных групп, но также элементом внутренних установок духа многих народов (культур, цивилизаций), продолжением геопозиционирования в мире (геополитики, геоэкономики, влияния в мировой системе управления). Поэтому «политика» (как внутренняя, так и внешняя) есть безусловно инструмент реализации определенных установок духа народа (и/или его элит) как в мирных, так и в военных способах.

Такой подход, на наш взгляд, позволит уточнить соотношение объективных и субъективных интересов различных слоев и групп населения в отношениях с разными странами, интересов экономик и цивилизаций (потребности в развитии ресурсной базы для начавшихся объективных процессов эволюции производственных мощностей, реализация амбиций и алчности различных групп элит, закономерности развития состояний и капиталов – кому и для чего нужны новые колонии, рынки, войны для предотвращения свержения режима, решения внутренних конфликтов и т.д.), огромное количество подобных примеров приводится в

книге. Кроме того, в анализе войны и совокупности ее бесчисленных бедствий в настоящее время нельзя снимать со счетов, что бедствия не меньшие, а порой и большие, могут быть нанесены вполне мирными средствами. Достаточно вспомнить характер завоевания Америки и Индии европейцами, опиумные войны в Китае в конце XIX в., холодную войну против СССР (последствия от разрушения которого привели к реальным и потенциальным потерям большим, чем во Второй мировой войне), санкционную войну против современной России, чтобы понять, что бедствия во время войны теперь не могут быть аргументом только против «горячей» войны. Они, как и пафос общего снижения агрессивности противостояния стран и народов, должны распространяться также на иные формы конкуренции в мире, отождествляя их по степени тяжести с войной как наиболее «видимым», явным проявлением бедствий.

Война и социум

В свое время Л.Н. Толстой в великом романе «Война и мир» гениально вскрыл столкновение человеческого социального строя, «мира» в смысле организации жизни (уклада) социума – с войной. Гуманизм Л.Н. Толстого справедливо считается крупнейшим вкладом русской культуры не только в мировую литературную «копилку», но и в идеологию мирового пацифизма.

Однако сравнительного межстранового научного анализа взаимодействия войны и общества ранее не проводилось, и данная монография, без сомнения, совершила в этом отношении прорыв. В данной работе проводится сравнительный анализ политической, социально-экономической, этнической, идеологической и других сторон всех основных воюющих стран – стран Антанты (Россия, Франция, Британия, США), Тройственного союза (Германии, Австро-Венгрии и Турции), а также эволюция взглядов на войну в Японии.

Начать необходимо с методического аспекта данного монографического исследования. Методическое решение авторского коллектива в виде формирования примерного шаблона («паспортички») описания социумов в войне (глава 2), а затем – пропагандистских систем (глава 3) представляется просто блестящим. Так, в этот шаблон включены следующие параметры, каждый из которых с достаточной степенью полноты раскрыт применительно к каждой анализируемой стране: состояние довоенного общества

всех стран (включая оценку степени авторитетности и эффективности правящих элит, кризисы политических режимов, попытки спасти режимы посредством войны, накопившиеся внутренние социально-экономические и политические проблемы); цели вступления в войну и ожидания от войны у властных и богатых элит (или отсутствие целей¹); оценка того, как была встречена война в разных слоях общества; эволюция боевого настроения народа в ходе войны; возникавшие в ходе войны проблемы (болезни, продовольствие, военные ресурсы, потери, недовольства и т.д.); эволюция положения женщины в обществе в ходе войны; результаты войны для страны (потери и приобретения). Обширное исследование на основе данного шаблона дало прекрасные научные результаты. Чтение книги вызывает даже эстетическое удовольствие.

Стоит обратить внимание на некоторые принципиальные результаты исследования.

1. Неэффективность и амбициозность властных и богатых элит во всех странах стали основной причиной Первой мировой войны, повлекшей неисчислимые бедствия для социумов всех стран и падение политических режимов в ряде стран. Главной некомпетентностью стало отсутствие стратегии.

Альтернативой этим элитам «старого мира» стали американские элиты. США оказались единственной страной, получившей максимальные дивиденды при минимальном участии в Первой и Второй мировых войнах. Именно к США в точности можно отнести поговорку «кому война, кому мать родна». Если мародеры преследуются в мировом и национальном уголовном праве большинства стран, то оказывается можно быть «просто ловкачами», наживающимися на войне посредством холодного расчета и стратегий. Анализ позиции США во время войны, использование войны в собственных интересах и превращение по итогам войны США из второсортной державы (о которой, например, в Германии в начале войны «вообще совсем и не думали», как выразился немецкий военный теоретик Ф. Бернгарди [Социум... 2019, 178]) в крупнейшего мирового игрока проводится А.И. Емельяновым в первой и четвертой главах работы. Подчеркнем, отличительная черта американцев – наличие стратегического планирования, которое производится «на основе прагматизма, реализма,

¹ Так, Турция «начала войну без целеполагания» и ее вступление в войну «следует считать серьезным достижением политики Германии» [Социум... 2019, 91].

четкого целеполагания и продуманной стратегии действий» [Социум... 2019, 160], совмещенное с использованием «стратегии не прямых действий», оттягиванием формального вступления в войну, принципами «комбинированного воздействия на другие государства». Это – американская стратегия, которая принесла успех этой стране в двух мировых войнах, т.е. оказалась для них и достижения их целей эффективной и конкурентоспособной.

2. Как точно отметил А.В. Соловьев, «объявление войны никогда не бывает радостным» [Социум... 2019, 26]. Это написано о простом французском народе, но то же самое можно сказать обо всех народах всех стран и даже во все времена. Для простого народа эта новость всегда одна из тех, которая вызывает напряжение, мужественное сосредоточение, резкое взросление и углубление серьезности отношения к бытию. Однако во многих странах перед началом Первой мировой войны была и эйфория по поводу ее начала, было ликование части общества (чаще всего состоятельных и образованных элит), которое вызывалось, например, пониманием национальных интересов, угнетением страны, несправедливым миром [Социум... 2019, 38]. Но уже в самом начале войны, в 1914 г., во всех странах были и горячие противники войны, хотя они были в меньшинстве [Социум... 2019, 66]. Понимание разделения идейных и эмоциональных оценок войны в обществе – это важный факт. Важно и то, что уже к середине войны во всех воюющих странах начала ощущаться усталость от войны во всех слоях населения.

3. Вовлечение в войну всего социума не ожидали ни в одной стране-участнице, в каждой из которых элиты полагали, что для их страны война будет «быстрой и победоносной». Это был главный стратегический просчет, исходивший из опыта прошлых войн. Во всех воюющих странах (кроме США) только мобилизовано в армию было невиданное ранее количество людей – от трети до 40% трудоспособного мужского населения, все страны-участницы (кроме США) понесли колоссальные потери. Однако, специально отметим, ситуация в еще более ужасном виде повторилась всего двадцать лет спустя во Второй мировой войне.

4. Война, особенно в первые годы, ведет к мощной консолидации наций (властных элит и народа). В рецензируемой работе это продемонстрировано на примере всех воюющих стран в ходе Первой мировой войны. Этот факт говорит о наличии у наций в целом или в их доминирующем большинстве некоторых единых целей

и интересов, единого культурного ожидания от войны. При этом консолидация происходит даже несмотря на наличие серьезнейших противоречий перед войной, на колоссальное неравенство и наличие кризисов. Более того, во время Второй мировой войны эта консолидация во всех странах лишь усиливалась. Таким образом, война есть безусловно инструмент национального примирения, консолидации наций на волне противостояния «врагу, который хочет сделать нам плохо», отвлечение внимания от внутренних проблем каждой страны. И властные элиты это понимают и используют, развязывая войны, в том числе для разрешения внутренних противоречий. Но важно понять и то, что именно сами властные и богатые элиты, решая собственные частные и групповые задачи, по своей природе или по некомпетентности, или даже сознательно формируют в обществе социальное неравенство, социальный раздор и противоречия. Они организуют экономические кризисы (или не могут противостоять им), а затем сами же эти элиты пытаются «прикрыть» эти противоречия какими-то явлениями (как сегодня грядущий мировой кризис прикрывается пандемией коронавируса), а в самом крайнем случае пытаются спасти режим и «разрешить» возникшие внутренние противоречия ценой войны, ценой гигантских людских и материальных потерь, оправдывая войну в своей лживой пропаганде, причем часто вновь наживаясь – теперь уже на войне.

Именно поэтому антивоенные пацифистские настроения всегда исходят из народа, от политических сил, выступающих на стороне народа. Прекращение войн – это действительно глубинный интерес народа. Но ему должно сопутствовать решение внутренних социальных задач, выдвижение к власти элит, отражающих интересы большинства в обществе, не противостоящих тактическим и стратегическим интересам народа, – лишь это может стать действительно сильной гарантией от войны.

5. Как правило, вопросы, проблемы, противоречия, стоявшие перед международной войной, не разрешаются, а лишь углубляются и усугубляются – это относится не только к Германии; несоответствие целей и ожиданий до Первой мировой войны и по ее результатам было наиболее удручающим [Социум... 2019, 74–75]. Это наблюдалось во всех воевавших странах, что продемонстрировано в монографии. Это подтверждает то, что способом решения внутренних проблем являются не внешние войны, а собственно решение этих самых проблем. Это справедливо и по отношению

к гражданским, освободительным и оборонительным войнам, которые лишь и оправдываются в самой монографии словами И.С. Даниленко: «Существует только одно оправдание войны с позиций человеческих и социальных критериев, когда она остается единственным средством спасения народа от реальной угрозы его уничтожения захватившим власть преступным кланом или необходимостью организации обороны от внешней агрессии» [Социум... 2019, 9].

6. Война проверяет народ и цивилизацию на прочность в разных отношениях. В том числе – на состояние медицины и организацию санитарно-эпидемиологической службы. Многие страны были к этому слабо готовы. Не нужно говорить даже об «испанке», разразившейся в 1918–1919 гг. Массовые заболевания тифом, холерой, другими недугами унесли жизни огромного числа солдат и мирных граждан. Например, в турецкой армии от инфекционных болезней погибло солдат больше, чем на полях сражений [Социум... 2019, 92].

7. Первая (как и Вторая) мировая война еще раз доказала, что западные культуры отличаются буквально патологической жестокостью к противнику во время войн, в том числе в отношении мирного населения (так же проявили себя японцы). Интересно также то, что даже англичане были поражены жестокостью немцев – англичане, которые сами никогда не отличались выбором средств и были сторонниками массового уничтожения чуждых народов при малейшем расхождении интересов. Более того, есть все исторические основания полагать, что именно англосаксы – как в лице Великобритании, которая не привыкла ни с кем делить место под солнцем [Социум... 2019, 37], так и в лице США, – были истинными идеологами войн на тотальное уничтожение. Эта идеология войны естественным образом эволюционировала от войны на массовое уничтожение «инога», враждебного, дикого, непокорного к новому варианту общего англосаксонского подхода в виде концепции «выжженной земли», тотального уничтожения живой силы противника, особенно «ковровым бомбометанием» [Социум... 2019, 164–165].

Мировая война: прошлое и будущее

Современная научная и публицистическая литература активно анализирует новые качества и инструменты войны. Давно и кропотливо исследуются информационные войны, психологиче-

ские войны, «цветные» революции, кибервойны, «мягкая сила», гибридные войны, финансовые войны (включая санкции) и т.д. Это крайне важно для понимания (и расширения) набора методов, средств, инструментов ведения войны.

Так, информационное воздействие, информационно-идеологическое противоборство в начале XXI в. стало одним из важнейших инструментов ведения военных операций и вообще управления, включая масштабные манипуляции общественным мнением и настроением огромных масс населения, целых этносов, стран и даже регионов планеты. Поэтому заглянуть в истоки разработки и использования этого вида вооружения абсолютно необходимо.

В этом отношении специальное теоретическое, методическое и организационно-управленческое значение имеет третья глава монографии, посвященная информационному противоборству в годы Первой мировой войны (А.Я. Касюк). Автору блестяще удался этот исторический экскурс. Приведем несколько прекрасных иллюстраций организации и характера информационного влияния на социум противоборствующей стороны.

Первая иллюстрация – наиболее эффективной была английская пропаганда против Германии и ее союзников. Англия готовилась к информационной войне уже до войны и к ее началу «располагала лучшей в мире системой информации» на основе журналистов и «коммерческих агентов» по всему миру [Социум... 2019, 97] и самой мощной, квалифицированной и масштабной системой пропаганды против противника (на войска и население). Причем уже тогда в арсенале английской пропаганды масштабно использовалась хитрая ложь, подтасовки, монтажи и другие нечистоплотные приемы пропаганды [Социум... 2019, 99], ставшие позднее, и особенно в наше время, привычной реальностью.

Вторая иллюстрация – эта военная новация сначала поразила и возмутила, особенно Германию и Россию, которые долгое время придерживались ведения войны «по правилам» и считали пропаганду неэтическим военным приемом, несовместимым с честью (русских) офицеров, требовали осуждения применения подобных методов войны [Социум... 2019, 104], а «германское командование к первым акциям массового распространения английских листовок отнеслось как к поступкам душевнобольных» [Социум... 2019, 108], даже ссылаясь на статью 22 Гагской конвенции, запрещающей «использование любых средств нанесения поражения противнику» [Социум... 2019, 109] (заметим, в условиях применения в этой

войне химического оружия). Именно поэтому Германия и Россия поняли всю мощь этого оружия гораздо позднее и серьезнейшим образом отстали в его организации, использовали его не так масштабно и эффективно, как англичане, и в итоге на этом «фронте» война была фактически проиграна.

И третья иллюстрация – пусть это и выглядит наивно-романтически, но когда началась пропаганда против войск противника русскими и немецкими войсками, то основная установка делалась на разоблачение лжи (характерно название первых русских листовок для немецких солдат – «Правда о войне») [Социум... 2019, 104–105]. Это очень отвечает культурным установкам континентальной философии – поиск истины, а не создание «интерпретаций» и превращение лжи в орудие информационного воздействия.

В этой первой информационной войне как инструменте войны «горячей» отрабатывались многие приемы для будущих войн с активными формами воздействия на умы людей, теоретические положения и принципы, основные темы, каналы и инструменты информационной войны и пропаганды.

Однако есть смысл обратить внимание не только на эти достаточно широко известные стороны нового типа войн. Перво-степенный момент, необходимый для осмысления сегодня, – философия и теории войны. И в этом отношении важнейшее значение имеет четвертая глава работы, в которой исследуется трансформация взглядов на войну перед войной, во время войны и после войны в каждой воевавшей стране, а также в Японии. Она не требует пересказа, поскольку нуждается в тщательном прочтении. Главный урок, который известен, человечество, несмотря на повторяющиеся вновь и вновь уроки войн, постоянно продолжает готовиться к прошедшим войнам и оказывается неготовым к действительности. Как с горькой иронией отметил по этому поводу В.К. Белозёров: «Данное обстоятельство сами социумы, политическое и военное руководство, армии с удивлением обнаруживают вновь и вновь» [Социум... 2019, 185]. Как правило, глубокое понимание «включается» лишь постфактум. Те редчайшие глубокие анализы и предвидения, которые разрабатывают отдельные авторы, обычно остаются вне поля зрения высшего организационно-управленческого звена армии.

В плане анализа теории войн обратим внимание на один важный момент, затронутый в книге. В ней в мягкой форме осуждается революционистская концепция войны наступательного

типа, разрабатывавшаяся в 1930-е гг. в СССР рядом авторов и поддержанная некоторыми крупными военачальниками. Эта концепция играла ошибочную роль и в итоге во многом дезориентировала подготовку к войне с гитлеровской Германией. Однако сама концепция, как показало будущее, отнюдь не является совершенно ошибочной, она была скорее несвоевременной. Эту концепцию после Второй мировой войны успешно использовали как страны советского блока, так и страны НАТО во главе с США – фактически она стала первым теоретическим обоснованием внешне-революционных войн, провоцируемых и организуемых с идеологически разными (даже противоположными) целями.

Отходя от текста монографии, но базируясь на ее концептуальном ядре, целесообразно несколькими штрихами обозначить контуры подхода к анализу будущей мировой войны, которая, как неизбежность, зреет и периодически «мелькает» отдельными вспышками военных, и не только военных, конфликтов.

Первый момент. При разработке философии войны необходимо базироваться на исследованиях духа народов, их устремлений, мотивации возможной агрессии вовне, на анализе объективных социально-экономических трендов, амбиций властных и богатых элит, их явных и тайных идеологических построениях. Это должно быть базовым для осмысления будущей войны. Существенны не инструменты, методы и технологии – а цели и мотивы войны. Именно они будут определять состав участников (и инициаторов) войны, масштабы войны, ее характер, степень сосредоточения и уровень жестокости. В этой связи необходимо видеть, что кроме традиционных участников мировых войн (Великобритания, Германия и Европа, США, Россия, Япония, Китай, Турция) в число наиболее активных участников с большой вероятностью войдут Индия, Иран, Северная Корея и Израиль.

Вторым моментом должна быть оценка способности народов разных стран к войне, степень устойчивости к лишениям и готовности к самопожертвованию ради достижения целей, способность национальной консолидации вокруг целей возможной войны. В том числе к этому следует отнести оценку психологической готовности к разным лишениям, потрясениям, например, способность к длительному одиночеству и социальной изоляции в случае бактериологических атак (полезно освежить в памяти роман А. Камю «Чума», особенно сегодня в условиях распространения коронавирусной инфекции как такого вольного или невольного эксперимента).

Третий момент – оценка мобилизационного потенциала в его всесторонности, скорости и масштабах развертывания. Все виды и рода войск и военных ресурсов должны готовиться к войне бу-

душего. Как совершенно точно выразился один коллега, любая современная война, начинаясь с самых современных «чистых» информационных методов, будет заканчиваться поножовщиной в рукопашном бою.

Четвертый момент. Характер целей мировой войны может быть разным — контроль регионов и ресурсов, в особенности продовольственных и водных, экономические интересы, экспансия народов и другие. Казалось бы, такие цели войны, как контроль над территориями, органами власти, финансовыми системами отошли на второй план — они сегодня достаточно эффективно осуществляются иными средствами, в том числе финансовыми и информационно-идеологическими. Однако этот фактор отнюдь нельзя снимать со счетов вследствие возможного уменьшения территории Европы в результате повышения уровня мирового океана и, как следствие, появления сотен миллионов бездомных людей.

Пятый момент. Природа капиталистической системы, периодические и все более глубокие экономические кризисы, все большее раздувание финансового «пузыря», являющегося результатом объективной закономерности развития капитализма, либерализма, реализации интересов богатых элит и состоятельных стран, приученных финансовым капиталом жить не по средствам, может вынудить их спровоцировать мировую войну лишь для того, чтобы сдуть этот «пузырь», материализовать и уничтожить пустые финансовые активы. Сегодня войны хочется многим политикам и финансовым воротилам, погрязшим в махинациях, стремящимся сохранить и упрочить свои позиции в управлении миром и обретении мирового господства, создании буржуазного «мирового правительства».

Элиты многих стран, включая Россию, также погрязли в обогащении, доведя свои страны до колоссальных уровней неравенства и бедности, и поэтому они также могут быть заинтересованы в войне в попытках консолидации наций для устранения созданных ими же социальных противоречий. Однако многие народы и страны теперь уже находятся в ином целевом пространстве и в иных военно-технических возможностях. Многие из них не согласны с этими амбициями западных либерально-буржуазных стран и богатых проворовавшихся элит, будут противопоставлять им свои интересы и цели и будут защищаться и даже активно наступать, предлагая свои доктрины и стратегии.

Заключение

Крайне важным представляется заключение рецензируемой книги, которое имеет самостоятельную ценность и нужно

полностью согласиться с В.К. Белозеровым – «России нужна государственная стратегия» – именно так, и справедливо, названо заключение монографии. Это – один из ее генеральных выводов и одновременно одна из наиболее острых, актуальных, но десятилетиями не решаемых проблем современной России. Конечно, наша стратегия не будет подобной американской, потому что у России не может быть подобных целей. Но разработка стратегии нужна.

Она нужна для решения актуальных задач, чтобы не складывалась такая ситуация, которая сложилась сегодня, когда российский (пока не внятный и противоречивый) проект «сталкивается с ожесточенным сопротивлением», а «в картине мира ряда глобальных игроков само существование России как самостоятельного субъекта не предусматривается, считается либо недоразумением, либо случайностью» [Социум... 2019, 189–190]; когда Россия считается враждебным явлением, как это зафиксировано в доктринальных документах по национальной безопасности США.

Разработка стратегии нужна и для того, чтобы у России и ее народа было будущее. Будущее пока не определено. И это будущее зависит от нас.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Социум... 2019 – Белозёров В.К., Даниленко И.С., Емельянов А.И., Касюк А.Я., Соловьёв А.В. Социум. Государственная стратегия. Война: политико-стратегические уроки Первой мировой войны. – М.: Неолит; ИПБ СНГ, 2019.

Белозёров 2018 – Белозеров В.К. Образ будущей войны в политических идеологиях и государственных стратегиях // Выбор долгосрочной стратегии в условиях глобальной нестабильности и цивилизационное наследие России. Коллективная монография по материалам XV Международных Панаринских чтений / отв. ред. В.Н. Расторгуев; науч. ред. А.В. Никандров. – М.: Институт Наследия, 2018. С. 106–123.

REFERENCES

Belozerov V.K., Danilenko I.S., Emelyanov A.I., Kasyuk A.Y., & Soloviev A.V. (2019) *Society. National Strategy. War: Political and Strategic Lessons of the First World War*. Moscow: Neolit; CIS Institute of Security Problems (in Russian).

Belozerov V.K. (2018) The Image of the Future War in Political Ideologies and State Strategies. In: Rastorguev V.N., Nikandrov A.V., & Likhachev D.S. (Eds.). *The Choice of a Long-Term Strategy in the Context of Global Instability and the Civilizational Heritage of Russia* (pp. 106–123). Moscow: Institut Naslediya (in Russian).



Наши Поздравления



DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-1-153-159
Personalia

Авроре Александровне Пружининой – 75 лет!

Avrora A. Pruzhinina: 75th Anniversary of the Birth!

Авроре Александровне: мои поздравления и размышления!

Какие качества в Авроре Александровне я постоянно отмечаю для себя и высоко ценю?

Первое, что хочу отметить, – это то, что *в любое дело, большое или малое, наша дорогая Аврора Александровна вносит свое личностное начало* – как фирменный знак.

Аврору знаю прежде всего по производству. Да-да, именно по производству, – я здесь не ошибся. *Мы вместе с Авророй* в 70–80-е годы проработали в журнале почти 20 лет! А выпуск журнала – шесть или двенадцать номеров в год (это не имеет большого значения) – это производство со своим строгим графиком, который нужно выполнять любой ценой.

Аврора все эти годы – ответственный секретарь журнала!

Позже, в те далекие и мрачные 90-е годы, *она ушла из журнала* в поисках «лучшего места под солнцем». Но *затем вернулась*, чтобы уже в новых условиях продолжать дело, ставшее для нее главным делом жизни: выпускать наш журнал «Философские науки», – настолько наш, что каждый номер – как рождение ребенка! Здесь нельзя ошибиться даже в запятых, я уж не говорю про опечатки в содержании, фамилиях и описании «сильных мира того».

Казалось бы, присмотр за порядком – вещь безликая. Может быть, но только не в руках Авроры. В редакции журнала в лучшие годы было примерно 10 человек. И у каждого сотрудника свои возможности и способности. Это сегодня фирменный бюрократический стиль приветствуется в больших современных редакциях прессы, радио или телевидения. А для тех далеких теперь времен нужно было одно – чтобы каждый чувствовал себя уверенно, даже если и случится у него ошибка, не впадал в панику или ступор. Аврора умело выстраивала вертикаль власти, будучи между молотом и наковальней, между руководством и сотрудниками. Она

оставалась хладнокровной и уверенной в своих действиях в самых напряженных ситуациях, принимая на себя все электрические разряды, нередко бушевавшие в редакции.

Но для этого *нужно иметь такие качества*, которые далеко не у всех у нас можно отыскать даже днем с огнем: это умение не уставать от контактов с людьми, даже если они продолжаются непрерывно по семь-восемь-десять часов, когда журнал идет в печать. И это без всяких видимых волевых усилий – без изнеможения. Это способность *держатъ руку на пульсе* до самого последнего момента. Знаете, как хорошо и творчески работаете, когда есть такой надежный центр в редакции?! Насколько помню, *она ни разу не сказала вслух перед всеми: «Как же я устала сегодня!»*

Эти же *ее прекрасные качества и большой профессиональный опыт* (конечно, вместе с замечательными качествами других сотрудников) в те далекие годы *помогали журналу утверждать свою высокую марку среди авторов* – как прошедших через жесткое сито редколлегии, так и застрявших где-то на промежуточных этапах.

Выстраивать отношения с авторами журнала – это великое искусство. Правильное поведение приносят выигрышные очки как тем, так и другим. Автора нужно любить! Но это – любовь, как правило, долгая и трудная. *Аврора владела этим искусством в совершенстве. Начальство не один раз просило Аврору поработать с автором* так, чтобы он ушел из журнала с намерением попробовать еще раз доработать материал, а не идти домой и вместо доработки писать письма в высокие инстанции. Хотя и такое бывало. Но это, как правило, с авторами со стороны, которые иногда (что греха таить?) оказывались неадекватными – резкими, напористыми и самоуверенными до предела.

К тому же нужно сказать, что *Аврора была и остается публичной фигурой*, т.е. *она умела выступать и на редколлегии, и на различных встречах с читателями, при необходимости – держать удар*, а если что-то случалось, *не пряталась в себя. Удивительный характер*, редкий для столичной редакции тех лет. Наверное, потому, что жизнь ее складывалась не так благополучно, как у тех, кто родился и вырос в Москве или в большом городе, – поступил, выучился, защитил диплом и пошел дальше по жизни по накатанной колее. Прежде чем Аврора обрела душевный покой и московские условия жизни, ее семье пришлось много лет жить в суровых и безрадостных условиях.

Но это уже другой разворот – интересный, но не для нашего праздничного приветствия.

В.Н. Шевченко

Дорогая Аврора, от всего сердца поздравляю Вас с юбилеем!

Вы замечательный человек, с которым мне выпала счастливая судьба с 1970 г. работать в нашем журнале «Философские науки». Мы многие годы тесно сотрудничаем на философском поприще. У меня нет слов, чтобы выразить Вам то чувство глубокого уважения и признательности, которое я питаю к Вам. Вы были и остаётесь для меня и, уверен, для очень многих, образцом высокого профессионализма, принципиальности, безукоризненной порядочности и трудолюбия.

Журнал «Философские науки» неразрывно связан с Вашим именем, вы отдавали ему многие десятилетия свои жизненные силы, глубокий ум и организаторские способности.

Я хорошо помню многие события прошлых лет, когда вы смело отстаивали правду вопреки хитроумным действиям всяких приспособленцев, защищали талант от нападок энергичной посредственности, помню вашу самоотверженность, когда у журнала возникали большие трудности и надо было срочно действовать. Хорошо помню Вашу очень важную роль в организации и проведении знаменитой Тбилисской конференции по проблеме бессознательного и в издании трехтомника ее трудов, которые имели тогда особенно большое научное значение и сохраняют его во многом и по сей день.

Вашему слову можно было безоглядно верить, точно зная, что сказанное будет сделано. Вы всегда, несмотря ни на что, оставались верным другом, готовым поддержать добрым словом, протянуть руку помощи.

Желаю вам всего того, что желаю себе. Спасибо за все! Низкий поклон!

Д.И. Дубровский

Дорогая Аврора!
Сердечно поздравляю Тебя с днём рождения!

Желаю здоровья – это главное, а с ним – жизненных благ и исполнения желаемого!

Пусть общение с родными и друзьями приносит только радость, и пусть этих радостей будет больше!

Время так быстро летит, но я хорошо, буквально в деталях, помню, как Ты много лет назад включила меня в работу журнала,

как постоянно поддерживала и помогала мне в этом, как мы вместе радовались каждому особенно удачному выпуску номера.

В моей памяти много и других жизненных ситуаций, когда Ты была для меня примером верности дружбе, нравственным принципам, профессиональному долгу, примером мужественного преодоления нелёгких испытаний.

Желаю сохранить Тебе твою удивительную жизнестойкость на долгие годы, желаю успешно и благотворно работать в журнале, где Он и Ты неотделимы в сознании многих-многих людей!

*Обнимаю Тебя,
Твоя Ирина Сиземская*

Дорогая Аврора Александровна!

Примите сердечные поздравления с Вашим юбилеем и самые искренние пожелания добра, радостных моментов в жизни, которые сливались бы в спокойное и счастливое мироощущение! И, конечно, желаю здоровья, преодоления всех трудностей, которые не могут поколебать Вашу жизнестойкость и хорошее отношение к людям!

Через Ваши заботливые руки прошли мои первые публикации в журнале «Философские науки» – в авторитетном научном издании, признанном философской и социологической общественностью. Желаю Вам как сотруднику журнала и прекрасному человеку жизненных успехов и осуществления всех Ваших надежд. Очень надеюсь на продолжение нашего сотрудничества.

Л.А. Беляева

К юбилею Авроры Александровны!

Философская культура как система порождения, отбора, хранения, воспроизводства и трансляции осмысления человеком бытия и своего места в нем не сводится просто к опыту философствования. Философствуют, рассуждают о мире, обществе, себе самом и своих отношениях с миром и другими людьми – практически все. А с появлением социальных сетей возникла и возможность представления своих идей «городу и миру». Но живет и продолжается философия не этим, а отбором идей, их отбором и концентрацией

в коммуникативных «точках сборки», значимых и важных для всех интересующихся философией. Такими «точками сборки» являются философские журналы, выражаясь современным языком – блокчейны концепций и идей, в которых философские идеи и проработки концентрируются, становясь предметом обсуждения, критики и развития.

Эту ключевую работу – знакомую и важную для любого автора – проделывают, делают редакторы журналов, которым любой ответственный автор глубоко и искренне лично признателен. Лично – потому что обычно это именно личная работа. Редактор вникает в суть мысли автора, помогает ее сохранить, вышелушить, сделать более ясной не только для читателя, но иногда и для самого автора. В этом плане хороший редактор всегда является, фактически, соавтором в общей работе доведения вылившихся в текст мыслей до публикации.

Позволил себе столь долгое рассуждение только для того, чтобы была понятна степень моего уважения и признательности к Авроре Александровне Пружининой – великой труженице отечественной философской культуры. За десятилетия знакомства и работы с нею, будучи автором, рецензентом, не устаю поражаться ее удивительной ясности ума, владению языком, интересу ко всем новым идеям. Все это, а также личное знакомство с ведущими представителями отечественной философской мысли, участие в основных философских форумах сделали ее не только хранительницей традиций отечественной философии, активно и значимо участвующей в сохранении и плетении ее ткани. Для начинающих авторов общение, переписка с нею – всегда хорошая, доброжелательная, но школа ответственности слова и мысли.

Здоровья Вам, дорогая Аврора Александровна! А новые интересные тексты Вас не минуют, найдут обязательно.

Г.Л. Тульчинский

*Авроре Александровне –
прекрасному Человеку и символу «Философских наук»!*

Дорогая Аврора Александровна, трудно найти слова, которые могли бы со всей полнотой, во всех ярких красках выразить те ощущения радости от человеческого общения, состояния творческого вдохновения и удовлетворения от результатов очередного

пройденного этапа, которые я испытывал за все время нашей многолетней плодотворной совместной работы и дружбы!

50 лет безупречного служения!

Хрупкое, нежное создание с большим пассионарным сердцем, вот уже полвека продолжает гореть и зажигать своей мощной энергетикой всех людей вокруг себя, а значит – вокруг журнала, неустанно заботится об авторах, о читателях, об общем деле.

Трудно поверить, что за долгие годы напряженной, ответственной, зачастую практически круглосуточной работы мы ни разу не столкнулись с недопониманием друг друга, ни разу даже не обмолвились о трудностях в работе, а только, наоборот, выражали единомыслие и единодушие, делились радостью от того, что очередной раз номер получился удачным, удалось порадовать наших коллег, друзей, а очень часто – просто незнакомых до той поры авторов, впервые пришедших к нам, публикациями их статей, так нужных для решения самых разных, жизненно важных для них вопросов – защиты диссертации, продвижения по службе, получения научного звания, самовыражения, утверждения своей научной позиции, обозначения жизненного кредо...

Сколько прекрасного мы испытали за все эти годы: вместе радовались общению с нашими – лучшими на свете – авторами, читателями, активом журнала, многие из которых навсегда становились нашими друзьями. Вместе испытывали то состояние удовлетворенности, в которое погружаешься после преодоленных трудностей (а проблем – как было много!), от осознания чувства выполненного долга перед коллегами, перед сообществом, перед самим собой. Каждый раз радовались новым интересным авторам, оригинальным статьям на актуальные темы, найденным неординарным решениям, вновь придуманным рубрикам, новому оформлению журнала, новому дизайну обложек...

Действительно, очень много было нового, необычного, смелого, порой даже дерзкого, но, безусловно, всегда – нужного, полезного и прекрасного, за что и стоило копыа ломать. Все это лежало на Ваших хрупких и вместе с тем крепких плечах, именно Вы отшлифовывали, беспредельно совершенствовали каждую статью, каждый номер журнала.

И все это делалось виртуозно, по-моцартовски легко, с молодежным задором и, конечно, всегда с присущим Вам юмором. А в ответ получали бесценную награду – заслуженные слова бла-

годарности и признательности от авторов и читателей журнала, которые справедливо поступали все эти годы в первую очередь именно в Ваш адрес.

Своей неумолимой, высоко профессиональной работой и бесконечно доброжелательным отношением к каждому автору Вы давно уже вписали себя в историю «Философских наук». Сегодня без Вашего имени невозможно представить журнал. Вы – его олицетворение.

И действительно, мы говорим Аврора Александровна, подразумеваем – «Философские науки», говорим «Философские науки», подразумеваем – Аврора Александровна!

Поздравляя с юбилеем, от всего сердца желаю Вам, дорогая Аврора Александровна, здоровья и твердости духа, спокойствия и радости в окружении прекрасных детей и внуков, среди друзей и близких.

Вместе с добрыми и благими пожеланиями примите, пожалуйста, и слова благодарности за то, что все эти долгие-долгие годы Вы только и радовали нас своим общением и присутствием в нашей жизни!

Х.Э. Мариносян

Цели и задачи

«Философские науки» – ежемесячный рецензируемый научный журнал, публикующий статьи на русском и английском языках. Журнал был учрежден в 1958 г. как научное образовательное просветительское издание для системы отечественного образования. Статьи журнала посвящены как традиционным, классическим философским темам, так и актуальным проблемам современности и перспективам социокультурного и цивилизационного развития человечества.

Aims and Scope

Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki is a peer-reviewed monthly journal published in Russian and English languages. The journal was founded in 1958 as a scientific and educational periodical for the educational system. The papers of the journal are dedicated to classical problems of philosophy as well as to important issues of the modernity and prospects of sociocultural and civilizational development of humankind.

С условиями публикации материалов в журнале
и порядком рецензирования статей можно ознакомиться на сайте:
<https://www.phisci.info/jour/about/submissions#authorGuidelines>

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса Россия» – 45490

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77 – 15513 от 20 мая 2003 г.

Подписано в печать 15.12.2019 г. Формат 60х90/16. Печать цифровая.

Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10,0. Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано в типографии Издательского дома «Гуманитарий».

E-mail: humanist@academyrh.info